

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ОРДЕН СЕСТЕР

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Орден сестер

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Орден сестер / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2011 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-120490-7

«Орден сестер» — роман, открывающий трилогию «Великие школы Дюны» и рассказывающий предысторию Ордена Бинэ Гессерит, одной из нескольких могущественнейших организаций, предопределивших будущее Пола Атрейдеса и повлиявших на судьбы Вселенной. После кровавой битвы, в ходе которой были уничтожены последние мыслящие машины, контролируемые всемирным разумом Омниусом, прошло восемьдесят три года. Мир все еще не оправился от страшных ран, нанесенных поработителями, и вот уже приближается новое сражение. В смертельной схватке схлестнутся защитники научно-технического прогресса и сторонники батлерианского движения. Заметно окрепшему загадочному Ордену сестер предстоит решить, чью же сторону принять в назревающей войне.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120490-7

© Андерсон К. Д., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Благодарности	6
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Дюна: орден сестер

Brian Herbert
Kevin J. Anderson
Sisterhood of Dune

© Herbert Properties LLC, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Благодарности

Как всегда работая над нашими книгами, мы в огромном долгу перед нашими женами Дженет Герберт и Ребеккой Моестой Андерсон за их любовь и творческую поддержку. Мы также хотим выразить благодарность Тому Догерти из «Тор букс», нашим издателям Пету Лобрутто («Тор»), Максину Хичкок («Саймон энд Шустер», Великобритания) и нашему агенту Джону Силберсеку («Трайидент медиа групп»). Ким Герберт и Байрон Меррит неустанно трудились над продвижением наших книг. Кевин также благодарит Мэри Томсон за многие часы, проведенные за расшифровкой наших записей, и наших первых читателей Дайану Джонс и Луиса Моеста.

Это было время гениев, людей, расширявших границы воображаемого и заботившихся о перспективах развития нашей расы.

История великих школ

Казалось бы, после поражения мыслящих машин и образования Лиги Ландсраада, заменившей Лигу Великих, человечество должно обрести мир и достичь процветания, но борьба только началась. Лишившись внешнего врага, мы начали сражаться друг с другом.

Анналы Империи

Восемьдесят три года прошло с тех пор, как последние мыслящие машины были уничтожены в битве при Коррине, после которой Файкан Батлер принял имя Коррино и провозгласил себя первым императором новой империи. Великий герой этой войны Вориан Атрейдес ушел из политики и удалился в неведомые земли; благодаря примененным его знаменитым отцом кимеком Агамемноном средствам продления жизни он почти не старел. Бывший адъютант Вориана Абулурд Харконнен был обвинен в трусости во время битвы при Коррине и изгнан на мрачную и суровую планету Ланкивейл, где умер спустя двадцать лет. Его потомки традиционно винили в своих несчастьях Вориана Атрейдеса, хотя того никто не видел целых восемьдесят лет.

На Россаке, планете джунглей, Ракелла Берто-Анирул, выжившая после введения яда, который превратил ее в первую Преподобную Мать, используя методы почти вымерших колдуний, создавала свой орден сестер – школу, где женщин учили развивать тело и мозг.

Гилберт Альбанс, некогда подопечный независимого робота Эразма, создал на буколической планете Лампадас школу совсем иного типа, где учил людей упорядочивать сознание подобно компьютерам, создавая ментатов.

Потомки Аврелия Венпорта и Нормы Ценвы (которая продолжала жить, хотя и в очень измененном виде) построили мощную коммерческую империю «Венпорт холдингз»; их космический флот использует двигатели Хольцмана, чтобы сворачивать пространство, а их корабли водят пропитавшиеся пряностью мутанты-навигаторы.

После поражения мыслящих машин прошло уже много времени, но антитехнологическая лихорадка иногда снова вспыхивает на заселенных людьми планетах, а группы влиятельных фанатиков призывают к новым чисткам...

После тысячелетнего рабства мы наконец одолели силы компьютерного Сверхразума Омниуса, но до окончания борьбы далеко. Джихад Серены Батлер, возможно, завершился, но нам следует продолжать сражение с более коварным и дерзким врагом – человеческой слабостью к технологиям и стремлением повторять ошибки прошлого.
Манфорд Торондо. Единственный путь

Манфорд Торондо утратил счет своим бесчисленным экспедициям. Некоторые он хотел бы забыть, как тот ужасный день, когда взрыв лишил его нижней части тела. Но эта миссия будет не столь сложной и при этом доставит величайшее удовольствие – ему предстоит уничтожить очередные найденные осколки главного врага человечества.

Ощетинившись оружием, боевые корабли машин висели у внешних границ одной из солнечных систем, где лишь слабый рассеянный звездный свет отражался от их корпусов. Из-за уничтожения Сверхразума Омниуса эта штурмовая группа роботов так и не добралась до цели, а население входящей в Лигу звездной системы так и не успело осознать, что ему угрожало. Теперь разведчики Манфорда наконец обнаружили этот флот.

Эти опасные вражеские корабли, по-прежнему целехонькие, оснащенные мощным оружием и функционирующие, бездеятельно висели в космосе много лет после битвы при Коррине. Просто брошенные, забытые корабли, корабли-призраки – и все-таки скверна. С ними следовало соответственным образом разобраться.

Когда его шесть небольших кораблей приближались к механическим чудовищам, Манфорда пронизала первобытная дрожь. Верные сторонники батлерианского движения поклялись уничтожить все следы запрещенных компьютерных технологий. И сейчас без колебаний приближались к заброшенному флоту роботов, как чайки слетаются на выброшенную морем тушу кита.

В коммуникаторе послышался голос мастера меча Эллюса с соседнего корабля. В этой операции мастер меча вел батлерианских охотников к коварным кораблям роботов, которые десятилетиями дрейфовали в космосе незамеченными.

– Это штурмовая эскадра из двадцати пяти кораблей – точно там, где предсказал их обнаружение ментат.

Сидя в кресле, специально приспособленном, чтобы компенсировать отсутствие у него нижней части тела, Манфорд кивнул. Гилберт Альбанс продолжал удивлять своим мастерством ментата.

– Его школа ментатов в очередной раз доказала, что человеческий мозг сильнее мыслящей машины.

– Мозг человека свят, – сказал Эллюс.

«Мозг человека свят». Такое благословение Манфорд обрел в видении, посланном Богом, и сейчас это высказывание было чрезвычайно популярно среди батлерианцев. Манфорд дал сигнал окончания сеанса связи и продолжал со своего маленького корабля наблюдать, как разворачивается операция.

Сидевшая рядом с ним в кабине мастер меча Анари Айдахо прикинула расположение кораблей роботов на экране и дала свою оценку. На ней был черно-серый мундир с эмблемой батлерианского движения на лацкане – стилизованным изображением кроваво-красного кулака, сжимающего символическую шестеренку.

– У нас достаточно оружия, чтобы уничтожить их на расстоянии, – сказала она, – если мы разумно используем боеприпасы. Нет смысла рисковать и идти на абордаж. Корабли охраняют боевые меки и управляемые снаряды.

Манфорд бесстрастно посмотрел на своего верного помощника и друга, хотя обычно у него становилось теплее на душе в присутствии этой женщины.

– Никакого риска нет – верховный мозг мертв. А я хочу посмотреть на эти демонические машины, прежде чем мы их уничтожим.

Преданная батлерианскому движению и ему лично, Анари согласилась с его решением.

– Как скажешь. Я позабочусь о твоей безопасности.

Снова глянув на нее, Манфорд убедился: с ее точки зрения он не может поступать неверно, не может ошибиться – и эта преданность заставляет Анари яростно защищать его.

Манфорд начал отдавать четкие приказы.

– Раздели наших людей на группы. Нет необходимости торопиться: спешке я предпочитаю совершенство. Пусть мастер меча Эллюс контролирует распределение зарядов. Когда мы закончим, не должно остаться ни одного целого куска.

Ввиду физической ущербности Манфорда наблюдение за уничтожением было одним из редких занятий, приносивших ему наслаждение. Мыслящие машины захватили планету его предков, Морока, поработили население и стали причиной массовой гибели людей, в результате чего их погибло без счета. Если бы его прапрапрадед и прапрапрабабка в это время не занимались делами на Салусе Секундусе, их бы тоже убили. И Манфорд не родился бы.

Хотя события, повлиявшие на жизнь его предков, произошли несколько поколений назад, он по-прежнему ненавидел машины и поклялся продолжать свою миссию.

Приверженцев батлерианства сопровождали пятеро тренированных мастеров меча, паладинов человечества, которые во время джихада Серены Батлер сражались врукопашную с мыслящими машинами. После великой победы у Коррина мастера меча десятилетиями занимались зачисткой, выслеживая и уничтожая остатки империи роботов в разбросанных солнечных системах. Благодаря их успешной работе находить такие остатки становилось все труднее.

Анари смотрела, как батлерианские суда сближаются с кораблями роботов. Мягко, как обращалась только к нему, она спросила:

– Как ты думаешь, Манфорд, сколько еще таких флотов мы найдем?

Ответ был очевиден:

– Надеюсь, что все.

Эти мертвые боевые флоты роботов – легкая цель, но, если все правильно отснять и распространить записи, их уничтожение станет символом победы. Однако в последнее время Манфорда все больше тревожили разложение, коррупция и соблазны, которые он наблюдал в новой империи Коррино. Как люди могут так быстро забывать об опасности? Вскоре ему придется направить одержимость своих приверженцев в другое русло, чтобы провести необходимую чистку в обществе.

Мастер меча Эллюс занимался вопросами общего планирования операции, он распределил по группам корабли роботов и определил задачи каждой команде. Пять других подразделений тоже направились к брошенным машинам, чтобы проникнуть на некоторые корабли.

Команда Манфорда надела скафандры, готовясь к высадке на самый большой корабль роботов, и Манфорд настоял на том, что пойдет с ними и увидит зло собственными глазами, как бы противно это ни было. Он не успокоился бы, если бы наблюдал издали, к тому же привык использовать Айдахо как свои ноги и меч. Прочная кожаная подвеска всегда была под рукой на случай, если Манфред захотел бы участвовать в бою. Анари надела подвеску на плечи, поправила сиденье у себя на спине, потом закрепила ремни под мышками, на груди и на поясе.

Анари, женщина высокая и физически очень сильная, не просто была фанатично предана Манфорду, она любила его – он видел это всякий раз, как смотрел ей в глаза. Она легко подняла его безногое тело, как делала уже великое множество раз, и поместила на сиденье на своей спине. Возвышаясь над ее плечами, он не чувствовал себя ребенком напротив, Анари казалась частью его самого. Ноги ему оторвало взрывом бомбы, изготовленной поклонниками развития техники; тот же взрыв убил Райну Батлер, праведного вождя движения против машин. Сама Райна благословила Манфорда за миг до своей мученической смерти.

Врачи школы Сукк говорили: чудо, что он выжил. Но видимо, выжить ему было суждено. Несмотря на физическую ущербность, Манфорд возглавил батлерианское движение и с большой энергией и страстью повел за собой приверженцев. Получеловек, он стал предводителем вдвойне. У него осталось несколько фрагментов таза, но ниже бедер ничего не было, однако сохранились мозг и сердце, а больше ему ничего не требовалось. Кроме соратников.

Его укороченное тело аккуратно поместилось в подвеску, и он двинулся вперед, возвышаясь за плечами Анари. Слегка перемещая вес, он руководил ею, как частью своего тела, как своим продолжением.

– Неси меня к люку, чтобы мы могли войти первыми.

Тем не менее он все равно был вынужден подчиняться ее движениям и решениям.

– Нет. Отправлю вперед трех человек, – мягко возразила ему Анари. – Как только они убедятся, что опасности нет, пронесу тебя на борт. Необходимость защищать тебя важнее твоего стремления оказаться там первым. Мы войдем, когда я буду уверена в твоей безопасности, и ни мгновением раньше.

Манфорд стиснул зубы. Он понимал, что Анари хочет как лучше, но излишняя опека раздражала его.

– Не хочу, чтобы кто-то рисковал ради меня.

Анари с ласковой улыбкой подняла голову и посмотрела ему в лицо; ее глаза были на уровне его плеч.

– Конечно, мы рискуем ради тебя. Мы поклялись отдать за тебя жизнь.

И пока команда Манфорда пробиралась на мертвый корабль-робот, обыскивала металлические коридоры и определяла места для размещения взрывчатки, сам он, оставаясь на борту своего корабля, досадовал, сидя в подвеске.

– Что они нашли?

Она не сдвинулась с места.

– Они доложат, когда будет о чем докладывать.

Наконец команда отчиталась:

– На борту дюжина боевых меков, сэр. Все холодные и деактивированные. Температура очень низкая, но мы восстановили системы жизнеобеспечения, чтобы вам было удобней на борту.

– Меня не интересуют удобства.

– Но вам нужно дышать. Мы сообщим, когда все будет готово.

Хотя роботы не нуждаются в системах жизнеобеспечения, многие их корабли снабжены такой системой для перевозки пленников-людей в трюмах. В последние годы джихада Омниус бросил в бой все функционирующие корабли, одновременно создавая огромные автоматические верфи, которые могли тысячами выпускать новые военные корабли.

И все же люди победили, принеся в жертву победе все, что только было возможно.

Полчаса спустя атмосфера внутри корабля пришла в норму, и Манфорд уже мог обойтись без скафандра.

– Все готово, можете заходить, сэр. Мы определили несколько подходящих мест для закладки зарядов. И нашли человеческие скелеты, сэр. В трюме. Не меньше пятидесяти пленных.

Манфорд воспрянул духом.

– Пленные?

– Они давно мертвы, сэр.

– Мы идем.

Анари спустилась к соединительному туннелю. Манфорд ехал на ее плечах, чувствуя себя королем-победителем. На борту большого корабля воздух был еще разреженным и очень холодным. Манфред содрогнулся и ухватился за плечо Анари, чтобы не упасть.

Она бросила на него озабоченный взгляд.

– Следовало подождать еще пятнадцать минут, чтобы воздух прогрелся?

– Дело не в холоде, Анари. Здесь в воздухе зло. Как я могу забыть, сколько крови пролили эти чудовища?

По проходам полутемного аскетического корабля Анари отнесла его туда, где батлерианцы открыли запертую дверь и обнаружили человеческие скелеты: десятки людей обрекли на смерть с голоду или от удушья, скорее всего потому, что машинам было все равно.

На лице мастера меча было встревоженное и болезненное выражение. Несмотря на весь боевой опыт, Анари Айдахо потрясла небрежная жестокость мыслящих машин. Манфорд восхищался ею и любил за эту наивность.

– Должно быть, они везли пленных, – сказала Анари.

– Или подопытных для злобного робота Эразма, – отозвался Манфорд. – Получив новый приказ напасть на систему, корабли забыли о людях на борту.

Он произнес тихую молитву и благословение, надеясь облегчить этим душам дорогу на небо.

Когда Анари уносила его из трюма со скелетами людей, они миновали угловатого неактивированного боевого мека, стоявшего в коридоре как изваяние. Из его рук вырастали лезвия и огнестрельное оружие; примитивная голова и оптические датчики были пародией на человеческое лицо. С отвращением глядя на машину, Манфред снова подавил дрожь. Такое не должно повториться никогда.

Анари вынула длинный, тупой пульсирующий меч.

– Мы все равно взорвем этот корабль, сэр. Можно?

Он улыбнулся.

– Несомненно.

Как развернувшаяся пружина, мастер меча напала на неподвижную машину; удар клинка перерезал оптический нерв робота, новые удары отсекали ему конечности и разрубили корпус. Не действующий уже много десятков лет, мек не выплевывал ни искр, ни потока смазки, когда Анари разрубала его на куски.

Глядя вниз и тяжело дыша, Анари сказала:

– В школе мастеров меча в Гиназе я убила сотни таких тварей. В этой школе все еще учат сражаться с роботами, и ученики, уничтожая их, получают хорошую подготовку.

Ее слова испортили Манфорду настроение.

– В Гиназе, по моему мнению, слишком много действующих меков, и это меня тревожит. Думающие машины нельзя держать как домашних животных. Ни у одной сложной машины не может быть полезных целей.

Анари было больно оттого, что он так воспринял ее хорошие воспоминания. Она тихо сказала:

– Благодаря этому мы учимся сражаться с ними, сэр.

– Людей должны учить сражаться люди.

– Это не одно и то же.

Анари сорвала досаду на уже разрубленном боевом меке. Она еще раз ударила его и направилась к мостику. По пути им попались еще семь меков, и она с такой яростью расправилась с ними, что у Манфреда каждый раз екало сердце.

В рубке управления они с Анари встретились с другими членами команды. Батлерианцы опрокинули двух разобранных роботов у панели управления.

– Все двигатели работают, сэр, – доложил долговязый человек. – Для страховки можно добавить взрывчатки в топливные баки или пустить вразнос реакторы.

Манфорд кивнул.

– Взрыв должен быть достаточно сильным, чтобы уничтожить соседние корабли. Они еще вполне годные, но я не хочу использовать их даже как лом. Здесь все пропитано ядом.

Он знал, что есть люди, которые такого отвращения не испытывают. Там, где он не властен, группы алчных искателей прочесывают космические маршруты в поисках таких нетронутых флотов, чтобы разграбить их или использовать в восстановленном виде. Стервятники

без принципов! Этим славится космический флот «Венхолдз»; больше половины его кораблей – восстановленные и отремонтированные корабли мыслящих машин. Манфорд не раз спорил об этом с директором «Венхолдз» Джозефом Венпортом, но алчный делец отказывался внять доводам разума. Манфорда отчасти утешала мысль, что эти двадцать пять боевых кораблей никто никогда больше не использует.

Батлерианцы понимают, что технологии соблазнительны, таят скрытую опасность. После победы над Омниусом человечество обленилось и изнежилось. Люди стремятся к чему-то исключительному, ищут комфорта, рассуждая о возможных выгодах, все дальше отодвигают границы дозволенного. Они прельщаются и идут на уступки: эта технология, может быть, плоха, а вот та, чуть иная, вполне приемлема.

Манфорд не признавал таких разграничений. Это была скользкая дорожка под гору. Одна небольшая уступка ведет ко второй, к третьей, и вскоре спуск становится падением. Человечество больше никогда не должно попасть в рабство к машинам!

Повернув голову, Манфорд обратился к троим батлерианцам на мостике.

– Идите. У нас с мастером меча здесь есть еще одно небольшое дело. Отправьте сообщение Эллюсу – вылет через пятнадцать минут.

Анари отлично знала, что задумал Манфорд; в сущности, она уже все подготовила. Как только вся команда приверженцев вернулась на свой корабль, мастер меча извлекла маленькую позолоченную икону, одну из многих выпущенных Манфордом. Манфорд благоговейно принял икону и посмотрел в доброжелательное лицо Райне Батлер. Вот уже семнадцать лет он следует по стопам пророчицы.

Манфорд поцеловал икону и вернул ее Анари. Та поместила святыню на панель управления кораблем-роботом. Манфорд прошептал:

– Да благословит Райна работу сегодняшнего дня и дарует успех в нашем важном деле. Мозг человека свят.

– Мозг человека свят.

Быстрым шагом, выдыхая в морозный воздух теплый пар, Анари вернулась на свой корабль. Команда сразу задраила люки и отсоединила переходный туннель. Корабль отошел от штурмовой группы.

Через час все корабли батлерианцев собрались на отдалении от темных кораблей роботов.

– На таймерах осталась одна минута, сэр, – передал мастер меча Эллюс.

Манфорд кивнул, не отрывая взгляда от экрана, но не произнес ни слова. Слова не требовались.

Один из кораблей-роботов раскрылся, как бутон, и развалился на куски. Быстро в четкой последовательности сдетонировали другие заряды, ядерные реакторы кораблей с перегрузкой, а горючее воспламенилось от рассчитанного по времени взрыва. Мощная взрывная волна превратила обломки в месиво металлических паров и расширяющихся газов. Несколько мгновений картина была ослепительной, как новое солнце, и Манфорд вспомнил лучистую улыбку Райны... потом свечение постепенно побледнело и погасло.

В наступившей тишине Манфорд сказал своим преданным сторонникам:

– Здесь мы свою работу закончили.

Мы барометры человеческого состояния.

Преподобная Мать Ракелла Берто-Анирул. Заметки из обращения к третьему выпускному классу

Преподобная Мать Ракелла Берто-Анирул по необходимости хорошо знала историю. Из-за богатства заключенных в сознании древних воспоминаний былых поколений – этой персонифицированной истории – старая женщина видела перспективу прошлого, недоступную больше ни для кого... пока недоступную.

Имея возможность извлекать из памяти воспоминания многих поколений, Ракелла была хорошо подготовлена к тому, чтобы увидеть будущее человечества. Остальные сестры в ее школе смотрели на единственную Преподобную Мать, как на свою наставницу. Она учила этой перспективе остальных, учила физическому и ментальному мастерству, которое отличало членов ордена сестер от обычных женщин.

Стоя вместе с другими сестрами на балконе Россакской школы, официальной школы ордена, венчавшей высокий утес, Ракелла чувствовала на лице капли мелкого дождя. Одета в черное платье с высоким воротником, она с высоты смотрела на пурпурные джунгли внизу. Хотя для серьезной церемонии воздух был слишком теплым и влажным, погода в эти месяцы не бывала неприятной, потому что утес то и дело обдувал легкий ветерок. В воздухе слабо пахло серой – это смешивались с химикалиями местной среды выдохи далеких вулканов.

Сегодня они опять хоронили сестру. Еще одна трагическая смерть от яда... еще одна неудачная попытка создать другую Преподобную Мать.

Больше восьмидесяти лет назад ожесточившаяся умирающая колдунья Тиция Ценва дала Ракелле смертельную дозу самого сильного из известных ядов. Ракелле полагалось умереть, но она ментальными усилиями сумела на клеточном уровне перестроить свои биохимические процессы, изменив реакцию на молекулярную структуру яда. Она выжила чудом, но это испытание что-то коренным образом изменило в ней, вызвав обширнейшее преобразование на грани жизни и смерти. Ракелла выжила, но стала другой; в ее сознании появилось целое хранилище прошлых жизней, а у нее самой – возможность видеть себя на новом, генетическом уровне и глубокое понимание всех хитросплетений и взаимодействий тканей и субстанций организма.

Кризис. Выживание. Приспособление.

Но за все последующие годы, несмотря на неоднократные попытки, никто не сумел достичь такого же результата, и Ракелла не знала, сколько еще жизней она потеряет в погоне за этой неуловимой целью. Она знала только, что может подвести сестру к краю, к порогу смерти, где – возможно – та найдет силы эволюционировать...

Полные оптимизма решимости, ее лучшие ученицы продолжали верить в нее. И умирали.

Ракелла печально смотрела, как сестра в черном и три послушницы в зеленом остановились у края пологой ветвей высоких деревьев и опустили тело во влажные недра серебристо-пурпурных джунглей. Тело станет здесь добычей стервятников, как часть непрерывного цикла жизни и смерти, возвращающего останки человека в почву.

Эту смелую молодую женщину звали сестра Тиана, но теперь ее тело, завернутое в светлую ткань, стало безымянным. Из глубины джунглей доносились звуки животной жизни, но все это скрывал густой полог.

Ракелла прожила уже больше ста тридцати лет. Она стала свидетельницей окончания джихада Серены Батлер и два десятилетия спустя – битвы при Коррине, а также наступивших затем беспокойных лет. Несмотря на возраст, старая женщина была проворна и обладала острым умом, справляясь с худшими последствиями старения умеренным применением меланжа, ввозимого с планеты Арракис, и манипулированием собственной биохимией.

Ее постоянно растущая школа пополнялась кандидатами извне, которых отбирали из лучших молодых женщин по всей империи, с особым вниманием относясь к потомкам колдуний, которые много лет до джихада и во время него господствовали на этой планете; теперь их осталось лишь восемьдесят одна. Всего здесь готовились одиннадцать сотен сестер, две трети из них ученицы, среди них дети из особых яслей, дочери миссионерок Ракеллы, забеременевших от специально подобранных отцов. Посланцы непрерывно направляют сюда новых кандидаток, и обучение продолжается.

Много лет голоса в голове призывали ее подготовить новых Преподобных Матерей, подобных ей. Она и ее доверенные помощницы посвящали свою жизнь тому, чтобы показать другим женщинам, как управлять своими мыслями, своим телом, своим будущим. Теперь,

когда мыслящие машины исчезли, судьба человечества требовала, чтобы люди стали чем-то большим, чем раньше. Ракелла покажет им путь. Она знает, что искусная женщина в нужных обстоятельствах способна превратиться в высшее существо.

Кризис. Выживание. Приспособление.

Многие кандидатки на вступление в орден Ракеллы уже доказали, что достойны его и ценны; они рассеялись по всей империи в роли советниц правителей планет и даже императорского двора, некоторые учились в школе ментатов на Лампадасе или стали талантливыми врачами школы Сукк. Ракелла чувствовала, как их влияние распространяется на всю империю. Шесть женщин уже стали полностью подготовленными ментатами. Одна из них, Доротея, сейчас была доверенной советницей императора Сальвадора Коррино на Салусе Секундусе.

Но Ракелле отчаянно требовались все новые последовательницы, которые обладали бы тем же пониманием, тем же взглядом на орден и его будущее и теми же ментальными и физическими силами, что у нее.

Но почему-то ни одна кандидатка не могла совершить скачок. Вот и еще одна перспективная молодая женщина умерла.

Сейчас, когда женщины продолжали со странной деловитостью избавляться от тел, Ракелла тревожилась о будущем. Несмотря на долгую жизнь, она не питала иллюзий по поводу собственного бессмертия, а если она умрет раньше, чем еще кто-нибудь выдержит превращение, ее искусство, ее умения будут потеряны навсегда.

Судьба ордена и его работа были гораздо важнее ее собственной брэнной судьбы. Будущее человечества в долговременном смысле зависело от просчитанного движения вперед, от улучшения. Орден больше не может ждать. Ракелла обязана вырастить преемницу.

Когда погребальный обряд закончился и тело исчезло, женщины вернулись в школу и продолжили занятия. Ракелла выбрала новую кандидатку, молодую женщину из опозоренной семьи, лишённую будущего, но заслуживающую шанса.

Сестру Валю Харконнен.

Ракелла смотрела, как Валя отделилась от других сестер и направилась к ней по крутой тропе, худая, молодая, с овальным лицом и карими глазами. Преподобная Мать видела ее гибкую фигуру, уверенный наклон головы, осанку – небольшие, но полные смысла подробности, позволяющие оценить человека. Ракелла не сомневалась в своем выборе: мало кто из сестер был так предан ордену.

Сестра Валя вступила в орден шестнадцати лет, бросив в поисках лучшей жизни свою захолустную планету Ланкивейл. Ее прапрадед Абулурд Харконнен был изгнан за трусость, проявленную в битве при Коррине. За пять проведенных на Россаке лет сестра Валя преуспела в обучении и доказала, что она – одна из самых преданных и способных учениц Ракеллы: она работала с сестрой Кери Маркес, одной из последних колдуний, изучая новые наркотики и яды, чтобы их можно было использовать при тестировании.

Подошедшая к старшей женщине, Валя не казалась расстроенной похоронами.

– Ты хотела меня видеть, Преподобная Мать?

– Пожалуйста, иди за мной.

Валя явно заинтересовалась, но ни о чем не спрашивала. Они миновали административные пещеры и жилой лабиринт. В прошлом, в пору расцвета, в пещерах этого утеса жили тысячи женщин и мужчин: колдуны, торговцы лекарствами, исследователи диких джунглей. Но очень многие умерли во время эпидемий, и сейчас пещерный город был почти пуст, в нем жило ограниченное число сестер.

Целая секция пещер была отведена для размещения незаконнорожденных – детей, которые из-за ядовитой атмосферы Россака имели от рождения дефекты мозга. Благодаря тщательному изучению линий родства такие дети появлялись на свет редко, а те, кто выжил, отправлялись в один из городов за вулканами, где о них продолжали заботиться. Ракелла не разрешала

жить на территории школы мужчинам, хотя иногда они доставляли припасы, производили ремонт и выполняли другие поручения.

Ракелла провела Валу мимо закрытых входов в большие районы огромного, подобного муравейнику пещерного города; теперь эти районы пустовали, и вход в них был закрыт. В этих зловещих местах утасла всякая жизнь: оставшиеся там тела давно были извлечены и отданы джунглям. Преподобная Мать указала на коварную тропу, круто поднимавшуюся по склону утеса к самому плато.

– Вот куда мы идем.

Молодая женщина на долю мгновения замялась, но последовала за Преподобной Матерью мимо знаков, запрещающих дальнейший проход. Валя одновременно и была взбуждена, и нервничала.

– Там наверху генеалогические записи.

– Да, они там.

За годы распространяемых Омниусом ужасных эпидемий, губивших все население, колдуны Россака – они всегда вели генеалогические записи, чтобы не ошибиться с подбором пар, – начали гораздо более амбициозную программу по созданию хранилища линий наследования человечества, всеобъемлющего генетического каталога. И теперь этот богатейший источник информации перешел к Ракелле и ее сестрам.

Тропа, круто поворачивая, поднималась по склону: с одной ее стороны высилась стена утеса, с другой – глубокая пропасть уходила в джунгли. Дождь прекратился, но камни под ногами оставались скользкими.

Женщины достигли наблюдательной площадки, и их окутали клочья тумана. Ракелла посмотрела на джунгли и дымящиеся вулканы за ними – в пейзаже мало что изменилось за десятилетия, минувшие с ее первого приезда сюда в качестве медицинской сестры, сопровождавшей доктора Мохандаса Сукка, прибывшего для лечения жертв Омниусовых эпидемий.

– Мало кто поднимается сюда, но мы с тобой пойдем выше.

Ракелла не любила болтать, она полностью владела собой, но сейчас испытывала радостное волнение: ей предстояло посвятить в величайшую тайну ордена еще одного человека. Нового союзника. Только так орден способен выжить.

Они остановились у входа в пещеру между большими угловатыми камнями, у самого края плато, высоко над курящимися паром, кишачими жизнью джунглями. Вход охраняли две колдуны. Они кивнули Преподобной Матери и позволили пройти.

– Завершение генеалогических записей, вероятно, величайшая задача ордена, – сказала Ракелла. – Располагая такой огромной базой данных о человеческой наследственности, мы можем определять и прогнозировать будущее нашей расы... возможно, даже руководить его построением.

Валя серьезно кивнула.

– Я слышала, сестры говорили, что это крупнейшая из когда-либо созданных баз данных, но никогда не могла понять, как мы справляемся с таким объемом информации. Как обрабатываем все эти данные и делаем прогнозы?

Ракелла решила оставить завесу загадочности – пока.

– Мы орден сестер.

В пещере с высоким сводом они увидели два больших помещения, заставленных деревянными письменными столами; всюду сновали женщины, раскладывавшие стопки бумаги, составлявшие и собиравшие грандиозные карты ДНК и заполнявшие документы; эти документы затем уменьшали до миниатюрных размеров и размещали для хранения.

– Четыре наши сестры прошли обучение под руководством Гилберта Альбанса, – сказала Ракелла. – Но даже им с их невероятно развитыми умами такая работа оказалась неподъемной.

Валя с трудом справлялась с благоговейным страхом.

– Такое невероятное количество данных. – Ее темные глаза зачарованно впивали новую информацию. Она очень гордилась: ее допустили во внутренний круг Преподобной Матери. – Я знаю, что и другие женщины из нашего ордена учатся на Лампадасе, но этот проект потребует целой армии сестер-ментатов. Записи ДНК миллионов и миллионов людей с тысяч планет!

Когда они еще дальше углубились в запретные туннели, появилась престарелая сестра в белых одеждах колдуньи. Она поздоровалась с посетительницами.

– Преподобная Мать, это новая ученица, которую ты решила привести ко мне?

Ракелла кивнула.

– Сестра Валя достигла больших успехов в учебе и доказала свою преданность, помогая Кери Маркес в ее фармацевтических исследованиях. – Она подтолкнула молодую женщину вперед. – Валя, сестра Сабра Хублейн была в числе создателей базы данных во времена эпидемий, задолго до того как я появилась на Россаке.

– Генеалогические записи следует сохранять, – сказала пожилая женщина. – И изучать.

– Но... я не ментат, – напомнила Валя.

Сабра отвела обеих в пустой туннель и осмотрелась, желая убедиться, что их не видят.

– Есть другие способы помочь нам, сестра Валя.

Они остановились у поворота туннеля, и Ракелла встала перед сплошной каменной стеной. Она оглянулась на молодую женщину.

– Ты боишься неизвестного?

Валя сумела слабо улыбнуться.

– Люди всегда боятся неизвестного, говоря откровенно. Но я в силах справиться со своим страхом.

– Хорошо. Иди за мной. Ты вступаешь на очень мало исследованную территорию.

Валя в смятении посмотрела на нее.

– Ты хочешь, чтобы я стала следующим добровольцем и приняла изменяющий яд? Преподобная Мать, не думаю, что я готова...

– Нет, это нечто совершенно иное, хотя не менее важное. Я стара, дитя. Это делает меня более циничной, зато я научилась доверять своему чутью. Я внимательно наблюдала за тобой, видела результаты твоей работы с Кери Маркес – и хочу, чтобы ты стала частью этого плана.

Валя не казалась испуганной и держала вопросы при себе. «Отлично», – подумала Ракелла.

– Глубоко вдохни и успокойся, девочка. Тебе предстоит узнать самую охраняемую тайну ордена. Мало кто из членов ордена это видел.

Взяв молодую женщину за руку, Ракелла подвела ее к, казалось бы, сплошной стене. Сабра встала за Вали; они шагнули прямо внутрь камня – голограммы – и оказались в новом помещении.

Они трое стояли в небольшой прихожей. Моргая от яркого света, Валя пыталась скрыть удивление, используя свою подготовку, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость.

– Сюда.

Преподобная Мать провела спутниц в большой, ярко освещенный грот, и глаза у Вали округлились от неожиданного зрелища.

Помещение заполняли гудящие и шелкающие машины. У стен до самого потолка ярусами стояли запрещенные компьютеры. Их соединяли спиральные лестницы и деревянные мостки. Несколько одетых в белое колдуний ходили туда-сюда; воздух вибрировал от гула аппаратов.

Валя, запинаясь, произнесла:

– Это... это... – Она словно не могла сформулировать вопрос, но наконец выкрикнула: – Мыслящие машины!

– Как ты сама сказала, – объяснила Ракелла, – ни один человек, даже подготовленный ментат, не может хранить данные, которые поколениями накапливали женщины на Россаке. Многие поколения колдуний тайно использовали эти машины, а некоторые самые доверенные члены нашего ордена учатся обслуживать и ремонтировать их.

– Но... зачем?

– Это единственный способ хранить такую огромную базу данных и делать необходимые генетические прогнозы относительно будущих поколений; без строжайше запрещенных компьютеров тут не обойтись. Теперь ты понимаешь, почему следует хранить в тайне существование этих машин?

Внимательно наблюдая за Вале́й, Ракелла заметила, каким задумчивым взглядом та обвела помещение. Валя, казалось, была поражена и заинтересована, но не испугана.

– Ты очень многому должна научиться, – сказала Сабра. – Мы годами исследовали генеалогические данные и опасаемся, что скоро подлинные колдуны исчезнут. Нас остается мало, и времени тоже. Возможно, это единственный способ понять, что происходит.

– И найти выход, – добавила Ракелла. – Такой, как создание новых Преподобных Матерей.

Она очень старалась, чтобы в ее голосе не прозвучали ни отчаяние, ни надежда.

Подошла одна из колдуний, работавших с компьютерами, о чем-то недолго поговорила с Саброй и снова отошла, с любопытством взглянув на Вале́ю.

– Сестра Эстер-Кано – самая молодая из наших чистокровных колдуний, – сказала Ракелла. – Ей нет и тридцати. Следующая по возрасту на целых десять лет старше. Сейчас у естественных дочерей телепатические качества колдуний появляются крайне редко.

Сабра продолжила:

– В генеалогической базе школы собрана информация о людях с тысяч планет. Наша база данных обширна, а цель – как ты уже знаешь – улучшить человечество путем нашего личного участия и селективного размножения. С помощью компьютеров мы можем моделировать взаимодействие генотипов и прогнозировать возможности рождения у почти бесконечного количества пар.

Первый мимолетный приступ ужаса сменился у Вале́и напряженным интересом. Она осмотрела помещение и деловито заметила:

– Если батлерианцы узнают об этом, они сотрут с лица земли школу и перебьют сестер.

– Да, – согласилась Ракелла. – Теперь ты понимаешь, насколько мы тебе доверяем.

Я уже отдал гораздо больше, чем мой вклад в историю. На протяжении двух с лишним столетий я воздействовал на события и сражался с врагами, на которых мне указывали. Наконец я развернулся и ушел. Я хотел одного: чтобы обо мне забыли. Но история распорядилась иначе.

Вориан Атрейдес. Дневники наследия. Кеплеровский период

Возвращаясь с одинокой охоты в холмах Торнбрайар, Вориан Атрейдес неожиданно увидел в небе столбы дыма. Этот дым поднимался над деревней, где жила его семья, и над окрестными полями.

Он бросился бежать.

Вориан провел пять дней вдали от своего дома, от жены, от большой семьи и соседей. Ему нравилось охотиться на нелетающих больших гранатовых птиц; одной такой птицей семья могла кормиться целую неделю. Гранаты жили высоко на засушливых хребтах, в стороне от плодородных заселенных долин и укрывались в кустах с острыми, как бритва, колючками.

Но больше, чем охотой, Вори наслаждался одиночеством, возможностью ощутить в душе мир и спокойствие. Даже один, в дикой местности, он мог пробудить личные воспоминания длиной в несколько жизней, вспомнить завязанные и прерванные отношения, то, о чем можно

сожалеть, и то, чему можно радоваться... друзей, тех, кого любил, и врагов. И часто по прошествии времени это оказывался один и тот же человек. Его нынешняя жена Мариелла прожила с ним в счастливом довольстве несколько десятилетий; у них большая семья: дети, внуки, правнуки.

Вори, особенно памятуя о своем прошлом, вписался в эту буколическую жизнь на планете Кеплер поначалу неохотно, как человек, надевающий старое, привычное поношенное платье. Много десятилетий назад у него было на Каладане два сына, но между ними всегда существовали отстраненность, отчуждение, и после битвы при Коррине он не видел ни их, ни их семей.

Когда-то очень давно отец, знаменитый киборг генерал Агамемнон, открыл ему тайну продления жизни, не догадываясь, что Вориан решит сражаться против мыслящих машин. Десятилетия кровопролития утомили его физически и изъели душу. Когда герой войны Файкан Батлер создал новую империю, Вори почувствовал, что его это не интересует. Он получил от императора щедрое вознаграждение, взял свой корабль, отвернулся от Лиги благородных и направился на фронт.

Но через несколько лет блужданий он встретил Мариеллу, снова влюбился и поселился здесь. Кеплер – планета спокойная, умиротворяющая, и Вори тратил время на создание нового дома, места, где он хотел бы остаться. Он вырастил трех дочерей и двух сыновей, все они вступили в брак с другими жителями Кеплера и подарили ему одиннадцать внуков и более двух дюжинов правнуков, которые теперь уже достаточно выросли, чтобы завести собственные семьи. Он наслаждался простыми радостями, тихой жизнью. Сменил фамилию, но теперь, полстолетия спустя, не слишком старался сохранить свою тайну. Какое это имеет значение? Он ведь не преступник.

Хотя Вори физически почти не старел, годы начали сказываться на Мариелле. Больше всего она любила быть с семьей, но отпускала Вори в холмы на охоту, когда он хотел. Прожив двести лет, он умел о себе позаботиться. Он редко думал об империи, хотя его забавляло, когда попадались старые имперские монеты с его портретом.

Однако сейчас, возвращаясь с охоты и увидев дым над фермами, он почувствовал, что буря распахнула дверь в его прошлое. Выбросив из рюкзака двадцать килограммов свежего птичьего мяса, он побежал вниз по тропе, прихватив с собой только старинное ружье, заряжаемое патронами. Перед собой Вори видел чересполосицу полей зерновых, но ряды растений пожирало оранжевое пламя. На полях, а не на посадочной площадке космопорта, приземлились три больших корабля – не боевые, но грузовые, торпедообразные, с большими трюмами, предназначенными для груза. Это означало нечто очень скверное.

Один большой корабль поднялся в воздух. Вслед за ним, выбрасывая дым и пламя, поднялся второй. Вокруг третьего суетились люди, готовясь к взлету.

Хотя Вори никогда не видел на Кеплере кораблей такого типа, он из долгого опыта знал, как выглядят корабли рабовладельцев.

Он бежал вниз по холму, думая о Мариелле, о своих детях, внуках, об их супругах, о соседях – эти места стали его домом. Краем глаза он видел ферму, в которой прожил столько лет. Крыша дымилась, но ущерб был не таким значительным, как у других домов. Пристройки вокруг дома его дочери Бонды пылали; маленькая поселковая ратуша превратилась в огненный ад. Поздно – слишком поздно! Он знал всех этих людей, был связан с ними кровью, браками, дружбой.

Он задыхался и поэтому не мог кричать. Ему хотелось приказать работоторговцам прекратить, но он один, и его не слушают. Грабители не знают, кто такой Вориан Атрейdes, а может, спустя столько времени им все равно.

Оставшиеся работоторговцы загнали свою добычу на борт третьего корабля, подтащили неподвижные фигуры. Даже из такого далека Вори по прическе, длинному «конскому хвосту»

и по пурпурной рубашке узнал своего сына Клара. Очевидно, Клара оглушили выстрелом из станнера; его втащили на борт. Один работорговец оставался сзади, а четверо его спутников по трапу затащили последних пленников в трюм.

Подбежав на расстояние выстрела, Вори опустил на одно колено, поднял ружье и прицелился. Хотя сердце колотилось и дышалось с трудом, он заставил себя успокоиться, сосредоточился и выстрелил в самого первого работорговца, опасаясь попасть в кого-нибудь из своих. Он думал, что прицелился точно, но работорговец только дернулся, осмотрелся и что-то крикнул. Его товарищи забегали в поисках источника выстрела.

Вори снова прицелился, выстрелил, но и второй выстрел вызвал только панику, но не причинил никакого вреда. Тогда он понял, что на тех двоих личные щиты, почти невидимые барьеры, отбрасывающие пули. Сосредоточившись, он повернул ружье к тому, что держался позади, прищурился, снова выстрелил – и попал мускулисту работорговцу в спину. Тот упал ничком. Значит, щиты не у всех.

Едва только прогремел третий выстрел, Вори вскочил и побежал к кораблю работорговцев. Товарищи упавшего принялись стрелять в разные стороны. Вори на бегу поднял ружье и снова выстрелил, на этот раз не очень целясь. Пуля отскочила от металлического корпуса возле люка, и работорговцы закричали. Вори снова выстрелил и попал в открытый люк.

За свою жизнь Вори не раз убивал людей при разных обстоятельствах, обычно по веским причинам. Сейчас он не мог придумать лучшего оправдания. И гораздо больше жалел об убитых накануне птицах.

Работорговцы по своей природе трусы. Закрытые щитами, они бросились внутрь и задраили люк, оставив упавшего товарища. Двигатели большого корабля с грохотом заработали, и последний корабль работорговцев поднялся в воздух, унося груз – рабов. Как бы ни бежал Вори, он не мог вовремя успеть к кораблю. Он вновь поднял ружье и дважды в бессилии выстрелил в брюхо корабля, но тот уже поднялся над полями и домами.

Вори чувствовал в воздухе дым, видел горящие дома, знал, что погибли люди. Всех ли захватили или убили? И что с Мариеллой? Ему хотелось побежать к дому, найти всех... но нужно было освободить захваченных. Пока корабли не скрылись, нужно было узнать, куда они летят.

Вори остановился возле человека, в которого попал. Работорговец лежал на земле, его руки дергались. Голова была закутана в желтую ткань, а от левого уха к краю губ была вытатуирована тонкая черная линия. Из рта вместе со стоном выплеснулась струйка крови.

Он еще жив. Хорошо. С такой раной он долго не протянет.

– Ты скажешь мне, куда увезли пленных, – сообщил Вори.

Человек застонал и пробормотал что-то вроде проклятия. Вори не счел это удовлетворительным ответом. Он поднял голову, посмотрел на горящие крыши домов.

– У тебя мало времени на ответ.

Встретившись с сопротивлением, Вори понял, что делать дальше, и ничуть этим не гордился, но работорговцы стояли в самом конце списка тех, кому он мог бы сочувствовать. Он достал длинный нож для потрошения.

– Ты все мне скажешь.

Получив необходимые сведения и убедившись, что человек умер, Вори пробежал мимо пристроек своего большого дома, сзывая тех, кто мог оставаться в живых. Его руки были в крови – и после потрошения птиц, и после допроса работорговца.

Снаружи он обнаружил двух стариков – братьев Мариеллы, которые каждый год помогали убирать урожай. Оба с трудом приходили в себя. Вори догадывался, что работорговцы перед высадкой накрыли весь поселок излучением станнеров; жители потеряли сознание, и

тогда налетчики утащили всех с виду молодых и крепких. Братья Мариеллы в их число не вошли.

Более здоровых кандидатов: его сыновей, дочерей, внуков и соседей – всех вытащили из домов и погрузили на корабли. Теперь многие дома в округе горели.

Но сначала жена. С криком: «Мариелла!» Вори вбежал в большой дом. К своему огромному облегчению, он услышал наверху ее голос. Она, опираясь на балку под потолком, тушила из огнетушителя крышу над гостиной второго этажа. У Вори закружилась голова, когда, вбежав в комнату, он увидел ее состарившееся, но прекрасное лицо – морщинки и серебро волос. Он так обрадовался, что она жива и здорова, что едва не заплакал, но огонь требовал внимания. Вори отобрал у жены огнетушитель и стал через окно тушить пламя. Огонь пробежал по краю крыши, но еще не охватил весь дом.

– Я боялась, что тебя забрали с остальными, – сказала Мариелла. – Ты выглядишь молодым, как наши внуки.

Огонь гас под струями пены. Вори бросил огнетушитель и прижал к себе жену, как делал уже полвека.

– А я тревожился о тебе.

– Я слишком стара, чтобы заинтересовать их, – сказала Мариелла. – Ты бы сам это понял, если бы остановился и подумал.

– Если бы я остановился и подумал, не успел бы до отлета кораблей. А так я смог убить одного работорговца.

– Они забрали всех способных заниматься физическим трудом. Кое-кто сумел спрятаться, нескольких они убили, но как мы... – Она покачала головой и посмотрела на свои руки. – Это невозможно. Их нет.

– Я верну их.

Мариелла ответила печальной улыбкой, но он поцеловал любимые губы, которые так долго были частью его жизни, его семьи, его дома. Она была очень похожа на его предыдущую жену Леронику Тергит с другой планеты, на женщину, с которой он тоже прожил много лет, которая родила ему детей, состарилась и умерла, а сам он совсем не изменился.

– Я знаю, куда они полетели, – сказал Вори. – Корабли увезли их на рабский рынок Поритрина. Это мне сказал работорговец.

Вместе с братьями Мариеллы он обошел дома в поисках уцелевших. Они нашли несколько человек и организовали тушение пожаров, заботу о раненых, подсчет исчезнувших. Из нескольких сотен жителей поселка осталось около шестидесяти, большинство старые или больные. Десять человек оказали сопротивление и были убиты. Вори отправил в другие поселки на Кеплере предостережение: опасайтесь работорговцев.

Вечером Мариелла достала снимки детей, их семей, внуков и разложила на столе и на полках. Столько лиц, столько необходимо спасти...

Вори она нашла на задымленном чердаке. Он открывал старый чемодан. Оттуда он извлек старый выглаженный и сложенный военный мундир, алый с золотом – цветов Армии Человечества, ранее именовавшейся Армией Джихада.

Много, много лет никто не разворачивал этот пакет.

– Я отправляюсь на Поритрин, чтобы вернуть наших людей.

Он поднял китель и погладил рукава, думая о том, сколько раз приходилось его штопать и сколько крови с него смыть. Тогда он решил больше не участвовать в битвах. Но теперь был особый случай.

– А когда я их спасу, я должен быть уверен, что это больше никогда не повторится. Я найду способ защитить планету. Дом Коррино передо мной в долгу.

Легко оглянуться назад и обвинить других, но гораздо труднее посмотреть вперед и принять ответственность за свои решения и за будущее.

Гриффин Харконнен. Последнее письмо с Арракиса

Зима на Ланкивейле была трудной, но Харконнены ее выдержали. На несколько поколений – с изгнания Адулурда Харконнена за «трусость» в битве при Коррине – некогда могущественному семейству пришлось забыть о своем прошлом на планете Салуса Секундус.

И большинство его членов действительно все забыло.

Целыми днями шел безжалостный снег с дождем, а по ночам он замерзал, превращаясь в сплошной лед. Деревянные дома теснились на берегу фьорда, и каждое утро местным жителям приходилось оттаивать и с трудом открывать дверь, чтобы выйти на жгучий холод. Нередко они, взглянув на бурную воду и на затянутое тучами небо, снова закрывали дверь, полагая, что чересчур опасно выходить в море. Флот охотников за китовым мехом целый месяц простоял в порту, и жители не могли добывать то единственное на планете, что ценилось в империи.

Рыбачьи лодки, плававшие только недалеко от берега, не рисковали выходить на глубоководье, и добычи почти не было. Приходилось есть прошлогоднюю соленую рыбу и консервированное китовое мясо. Сравнивая это со славой и богатством прежних дней, Харконнены понимали – у них нет будущего.

Гриффин Харконнен, сын Верджила, официального представителя Лиги ландсраада на Ланкивейле, ненавидел эту планету не меньше, чем его младшая сестра Валя. Вдвоем они разработали план, надеясь избавить семью от жалкого существования, которое она влачила из-за ошибок их прадеда Адулурда и предательства Вориана Атрейдеса. Родители и остальные члены семьи не разделяли этих притязаний, но уступили решимости брата и сестры и позволили Гриффину и Вале, несмотря на их молодость, попробовать что-то предпринять.

Пока Валя отсутствовала, пытаясь возвыситься с помощью ордена сестер (и тем самым вернуть Дому Харконненов силу и влияние), Гриффин пытался закрепить коммерческий успех семьи, расширить вложения и избавиться от изолированности. Ежедневно он много часов проводил в трудах, изучая семейное дело и стараясь повысить стандарты жизни на своей отсталой планете. Планета для жизни была не очень приспособлена, но Гриффин не желал мириться с этим и вместе с сестрой намеревался восстановить богатство и влияние семьи в империи. Его частью амбициозного общего плана было управление семейными активами, правильное их инвестирование и создание бизнес-плана сверх ограниченных целей выживания в трудных погодных условиях.

Гриффину было двадцать три. Атлетически сложенный, он обладал уравновешенным характером и прагматичным мышлением. Из них двоих сестра была более порывистой и склонной к переменам, ей казалась нестерпимой жизнь на Ланкивейле, он же был куда спокойнее, как капитан, который ведет свой корабль по ледяным водам и знает, что впереди, за облаками, обязательно будут спокойное море и солнце.

Несмотря на молодость, Гриффин хорошо знал историю, математику, коммерцию и управление и намеревался когда-нибудь стать мудрым и успешным управляющим всей планеты... и тем самым проторить будущим поколениям Харконненов дорогу к возвращению влияния в империи.

Уже сейчас Гриффин лучше отца разбирался в торговле китовым мехом, лучше понимал соотношение прибыли и расходов и знал законы империи. Несмотря на унаследованный титул, Верджил Харконнен попросту не интересовался ничем таким и всю тяжелую работу и планирование оставил сыну. Верджил был доволен своим влиянием, сопоставимым с властью мэра небольшого города, а не руководителя ландсраада. Но он был хорошим отцом и много внимания уделял младшим детям Дэнвису и Тьюле.

Гриффин и Валя оказались гораздо честолобнее, хотя притязания на ведущую роль в семье были только у них. Однажды, во время особенно напряженного тренировочного боя на качающемся плоту в холодной воде гавани, Валя сказала брату, что считает их двоих единственными Харконненами на планете.

Валя была на год моложе брата, и мать питала некоторые («реалистичные», как она говорила) надежды на ее будущее: девушка выйдет замуж за местного жителя – возможно, хозяина одного-двух китобойных судов, родит ему детей и будет довольна такой жизнью. Но Валя, поговорив с сестрой-миссионеркой, набиравшей молодежь для ордена и побывавшей на Ланкивейле пять лет назад, нашла возможность покинуть планету и с другими послушницами отправилась учиться на Россак. Однако сначала у нее с братом состоялось несколько серьезных разговоров, и они договорились о том, что и дальше постараются укреплять положение семьи.

Сейчас отец подошел к Гриффину, который расшифровывал параграфы, написанные на запутанном бюрократическом языке, вдобавок убийственно сухом. Молодой человек работал с документом, как старательный хирург, рассекая отдельные параграфы, чтобы понять суть правительственного распоряжения.

Верджила позабавил озабоченный вид сына.

– В молодости я изучал историю, и дедушка Абулурд многое мне рассказывал, но я ненавидел изучение официальных данных Коррино о нашей семье. И решил просто продолжать жизнь. Лучше не воскрешать прошлое.

Гриффин указал на документ.

– Я достаточно читал о нашем прошлом, отец, но сейчас анализирую нечто гораздо более масштабное. – Он погладил подбородок. У него были светло-каштановые усы и борода того же цвета. Гриффин считал, что растительность на лице придает ему более зрелый вид, вид человека, с которым нужно считаться. – Я изучаю структуру ландсраада. Хочу пройти испытания и стать официальным представителем Совета ландсраада на Ланкивейле.

Верджил усмехнулся.

– Но у нас уже есть такой представитель. Тебе незачем лететь на Салусу Секундус для встречи с ним.

Гриффин подавил раздражение и желание резко ответить отцу.

– Я изучил торговое соглашение, подписанное нашим представителем. Оно распространяется на девять две планеты, включая Ланкивейл, и поверь мне, нашей планете оно невыгодно. Ланкивейлу и восьмидесяти четырем другим планетам придется платить дополнительные налоги, в то время как восемь самых богатых планет получают дополнительные реальные преимущества. Мне кажется, нашего представителя просто подкупили.

– Ты не знаешь этого наверняка. Я встречался с Нельсоном Треблхорном, и мне он казался приличным человеком.

– Он обаятелен – да. Но не может успешно отстаивать наши права. Отец, первый шаг к восстановлению уважения к нашей семье – свой представитель в ландсрааде. Я намерен отправиться на Салусу Секундус, явиться в Зал ландсраада и посмотреть в глаза своему любимому кузену, императору.

Несколько поколений назад Харконнены и Батлеры-Коррино были одной семьей, но теперь руководители империи считали неудобным упоминать имя Харконненов и никогда этого не делали. Гриффин знал, как его сестра стремится смыть позорное пятно, оставленное Ворианом Атрейдесом. Гриффин тоже ощущал тяжесть несправедливости, постигшей его семью, и оба они планировали свое участие в восстановлении ее репутации. Вдобавок к деловым целям Гриффин старался расширить политическое влияние; однажды он отправится на Салусу Секундус и потребует своего законного места в Зале ландсраада. Он намерен добиться уважения для Харконненов.

Сегодня все планеты Лиги и все те, что не вступали в Лигу, объединены, охвачены единой сетью империи; в составе империи более тринадцати тысяч планет. Но невозможно вести дело, если все представители такого количества планет вынуждены пройти все бюрократические инстанции, прежде чем отдать свой голос. Представители, которых назначал император Сальвадор, принимали под свой единый «зонтик» десятки разрозненных и слабо связанных планет и голосовали от имени всего населения этих планет. Это считалось удобным (позволяло получать имперские субсидии и другие преимущества), но не обязательным, и из этого правила делались исключения – за счет некоторых привилегий. По мнению Гриффина, то, что получал Ланкивейл за согласие иметь единого с другими планетами представителя, было настолько незначительно, что словно и не существовало.

На Салусе Секундус Гриффин намеревался выступить от лица своей планеты и своей семьи. Выступить лично. Валя станет одной из сестер-искусниц и будет представлять на Россаке влиятельный орден, он сам – интересы планеты, станет официальным ее представителем в ландсрааде и в то же время продолжит заниматься семейным бизнесом. И будущее Дома Харконненов представлялось ему светлым.

– Что ж, я уверен, что это верное решение.

Верджила как будто забавляли грандиозные идеи сына. Хотя Гриффин взял на себя все управление бизнесом и принятие решений, отец все еще считал его наивным юношей.

Для поддержки честолюбивых планов, которые Гриффин обсуждал с Валей, он попросил своего дядю Уэллера облететь несколько планет, представляя семью и заключая контракты на поставку китового меха. Уэллер был отличным торговцем, и все его любили, но ему не хватало деловой хватки, а его брата Верджила еще меньше интересовали важные проблемы, касающиеся семьи. Но дядя Уэллер по крайней мере понимал коммерческую тактику и цели и готов был поставить на службу семье свое время и способности; Верджил полностью отказался от этого. Если в молодости у отца Гриффина и были какие-то амбиции (в чем Гриффин сомневался), сейчас они определенно исчезли.

В прошлые годы, занимаясь инвестированием и готовясь к расширению рынка, Гриффин рассылал на сотнях кораблей единственный товар, который способна была производить планета. А потом заключил с недорогой в расценках компанией «Селестиал транспорт» соглашение о полетах дяди Уэллера с грузом на планеты всей империи.

Главной транспортной компанией Лиги был космический флот «Венхолдз». Безопасность полетов в этой компании была безупречной, ведь ее корабли пилотировали загадочные (кое-кто утверждал, будто это уже не люди) навигаторы, которые предвидели опасности и случайности. Но цены на полеты были очень высоки, а семья Харконнен основную часть семейных средств вложила в предстоящее расширение рынка. Гриффин не мог позволить себе дополнительные расходы: пусть полеты компании «Селестиал транспорт» длились дольше и компания не использовала навигаторов, цены у нее были умеренные. И вот дядя Гриффина улетел с большим грузом шелковистого китового меха, надеясь увеличить спрос и заключить выгодные сделки с другими планетами.

Тем временем Гриффин погрузился в учебу, чтобы пройти испытания и стать официальным представителем своей планеты на Салусе Секундус.

Он посмотрел на отца.

– Я должен закончить работу. Результаты хочу отослать следующим кораблем.

Верджил Харконнен, желая подбодрить сына, сделал ему сомнительный комплимент:

– Ты все сделаешь верно, сынок.

И вышел, оставив Гриффина одного.

Я щедр, когда это заслуженная щедрость. Но я вижу разницу между щедростью по отношению к тем, кто ее заслужил, и милосердием к тем, кто просто хочет воспользоваться моим богатством.

Директор Джозеф Венпорт. Стандартный ответ на просьбу о пожертвованиях

На планете Арракис в помещении с контролируемыми условиями Джозеф Венпорт, сощуривав голубые глаза, смотрел на нервничающих перед отчетом руководителей групп.

– Не допускайте ошибок; я сделаю все для защиты своих вложений.

Директор расхаживал по комнате, пытаясь обуздать свой гнев. Его густые светло-каштановые волосы были убраны со лба, а над тонкими, редко улыбающимися губами пушились усы. Сведя брови, он смотрел на своих управленцев.

– Моя прабабушка Норма Ценва пожертвовала почти всем своим космическим флотом, не говоря уж о бесчисленных человеческих жизнях, чтобы нанести поражение мыслящим машинам. Защита моих деловых интересов может показаться не столь драматичной, но советую вам не испытывать мою решимость.

– Мы никогда не сомневались в вашей решимости, сэр, – сказал Лилик Арво, руководитель всепланетных операций компании по сбору пряности.

Голос его дрожал. Кожа у Арво была темная и жесткая, как старая резина. Двое других, руководители производственных групп, работавших в глубине пустыни, вздрогнули; все они опасались гнева Джозефа. Только женщина с покрытой пылью кожей, сидевшая позади, не проявляла ни малейшего страха. Наблюдая за происходящим, она поморщилась.

– Прежде всего, я вообще не хотел сюда приходить, – продолжал Джозеф. – Я предпочел бы, чтобы эти операции проводились независимо, но если другая компания крадет мою пряность – мою! – я должен немедленно это прекратить. Я хочу знать, кто еще стоит за сбором урожая, кто финансирует эту операцию и куда потом уходит эта проклятая пряность.

Всякий сумевший занять высокий пост в «Венхолдз» хорошо знал, что когда кто-то подводит Джозефа, тот старается сохранить баланс в своих бухгалтерских книгах. Никто из администраторов не хотел становиться мишенью для его гнева, им обязательно нужно найти козла отпущения.

– Дайте указания, сэр, и мы разберемся, – сказала единственная в конференц-зале женщина неопределенной наружности, чья одежда была тщательно подогнана; средства сохранения влаги не были отключены. – Чего бы вы ни потребовали.

Из всех собравшихся Джозеф только ее считал достаточно компетентной. И только ей одной не нравилось находиться в прохладном увлажненном воздухе.

Морщины вокруг глаз свидетельствовали о возрасте, хотя сухой климат пустыни и продлевающие жизнь свойства меланжа усложняли любые попытки угадать ее возраст. Глаза ее были необычного глубоко голубого цвета, что указывало на постоянный прием, даже потребность в приеме пряности.

Довольный Джозеф посмотрел на нее.

– Вы знакомы с ситуацией, Ишанти. Скажите, что бы вы рекомендовали?

И он презрительно посмотрел на прочих присутствующих, которые, хоть и жаловались, но не вносили никаких предложений.

Она пожала плечами.

– Будет нетрудно узнать одно или два имени.

– Но как? – спросил Арво. – Вначале нужно найти контрабандистов. Их техника ничем не выделяется, а пустыня велика.

– Нужно просто знать, куда смотреть.

Ишанти улыбнулась, не показывая зубов. Густые каштановые волосы были покрыты цветным шарфом, на шее – две подвески типичного буддистского дизайна; это неудивительно,

учитывая, что большинство разбросанных по пустыне племен зенсунни, изначально сбежавшие от работоторговцев.

Хотя она не занимала никакой официальной должности ни в «Венпорт холдингз», ни в ее дочерней компании «Комбайнд мерчантайлз», Джозеф хорошо платил ей за полезные услуги. Ишанти приходила из глубины пустыни, легко перемещалась между изолированными племенами и космопортом с окружающими его поселениями. Она присматривала за деятельностью Венпорта по сбору пряности, торговалась с покупателями в Арракис-Сити и снова исчезала среди дюн, как маленький смерч. Джозеф никогда не пытался проследить за ней и строго приказал остальным оставить Ишанти в покое.

Он обратился к слушателям.

– Я хочу, чтобы все вы начали действовать. Давайте взятки. Если потребуется, пошлите наблюдателей в пустыню. «Комбайнд мерчантайлз» выплатит большое вознаграждение за сведения о незаконных операциях. Я не улечу с планеты, пока не получу ответа. – Он свел брови. – И не хочу задерживаться здесь надолго.

Ишанти снова улыбнулась ему. И Джозеф в который раз задумался о том, каковы стандарты красоты у этих зенсунни. Может, она пытается заигрывать с ним? Эта закаленная пустыней женщина вовсе не казалась привлекательной, но он уважал ее умения. На Колхаре у него была жена, умная, прошедшая школу ордена сестер женщина по имени Сиоба – единственный человек, которому он доверял ведение многочисленных деловых операций «Венхолдз» в свое отсутствие.

– Мы сделаем ваше пребывание здесь как можно более коротким, сэр, – пообещал Арво. – Я займусь этим немедленно.

По правде говоря, Джозеф надеялся на Ишанти.

Он обратился ко всем.

– Мой предок Аврелий Венпорт увидел огромные возможности в добыче пряности, вложил в это средства и сделал прибыльным. – Он подался вперед. – Многие поколения моей семьи вливали кровь и деньги в эту планету, и я отказываюсь предоставлять всякому выскочке-конкуренту возможность использовать созданную Венпортами базу. С ворами следует разобратся.

Он отпил воды из высокого темного стакана, и все остальные с облегчением сделали то же. Он предпочел бы выпить после торжествующего тоста победителя, но пока время не пришло.

Джозеф закрылся в своих личных комнатах в Арракис-Сити, рассеянно поел того, что привез с собой, и принялся обдумывать деловые новости. Сиоба уже подготовила краткий обзор самых важных событий, связанных с многочисленными вложениями компании, и приложила личную записку об успехах двух их юных дочерей: Сабины и Кэндис, учившихся на Россаке.

За последние десятилетия компания «Венхолдз» так преуспела, что Джозефу пришлось разделить ее и создать отдельную компанию «Комбайнд мерчантайлз», продававшую меланж с Арракиса и другие дорогие товары. Он также основал на важнейших планетах несколько больших финансовых организаций, через которые мог тратить, инвестировать и скрывать огромные доходы «Венхолдз». Он не хотел, чтобы кто-нибудь – особенно эти безумные, фанатичные противники технологий – знали о его истинном влиянии и богатстве. Но среди многочисленных угроз и трудностей, которым он противостоял, близорукие батлерианские варвары всегда возглавляли перечень. Они уничтожали вполне рабочие корабли роботов, которые вполне могли бы пополнить космический флот «Венхолдз».

Когда он вернется на Колхар, ему предстоит большая работа. А еще его ждут на Салусе Секундус, где предстоят важные встречи. Но нельзя покинуть Арракис, не решив определенных проблем...

Ишанти действительно обнаружила незаконную операцию конкурентов по сбору меланжа в глубине пустыни. (Джозеф не мог понять, почему это не удалось сделать его гораздо лучше оборудованным флаерам.) К тому времени как Лирик Арво отправил туда отряд, контрабандисты бесследно исчезли. Тем не менее Арво перехватил небольшой грузовой корабль раньше, чем тот покинул планету. Трюм корабля был забит контрабандным меланжем. Конечно, Джозеф конфисковал груз и добавил его к собственным запасам.

Инженеры «Венхолдз» обыскали борт, не имевший опознавательных знаков, проанализировали серийные номера частей и двигателей и нашли указания на то, что корабль принадлежит «Селестиал транспорт». Это не обрадовало Джозефа. Арьен Гейтс опять вмешивался в чужие дела.

«СТ» был единственным соперником Джозефа в перевозке пряности, и тот без всякого добродушия отнесся к этому вторжению. Из тайных сведений (полученных за огромные деньги) он знал, что «Селестиал транспорт» потеряла около одного процента принадлежавших ей кораблей – невероятно высокий процент потерь. Но все ее предприятие основывалось на риске. Выбирая низкие цены и ненадежный транспорт, пассажиры и перевозчики получали по возможностям.

Арво и Ишанти привели в личные комнаты Джозефа связанного человека в летном костюме без знаков отличия, с кляпом во рту. Арво казался довольным собой, словно эта операция была его заслугой.

– Он был на борту корабля единственным человеком с черного рынка. Мы докопаемся до сути, сэр, но пока он говорить отказывается.

Джозеф поднял густые брови.

– Значит, его нужно убедить. – Он повернулся к пленнику, который сильно потел. Терял воду, как говорили люди пустыни. – Кто командует вашими действиями здесь, на Арракисе? Я хотел бы поговорить с этим человеком.

Когда Ишанти извлекла изо рта пленника кляп, мужчина презрительно скривил губы.

– Это свободная планета. Прав на меланж у вас не больше, чем у всех остальных. Во время эпидемий на Арракисе действовали сотни групп. Пряность принадлежит тем, кто добывает ее в пустыне! Мы делаем собственные вложения. И наша работа вам не мешает.

– Это моя пряность. – Джозеф не повышал голоса, хотя его тон был угрожающим. Он сделал устрашающий жест. – Ишанти, узнайте у него все, что возможно. Это вам по силам. В качестве платы можете забрать его воду.

Теперь Ишанти ощерила в улыбке зубы и потянула из ножен на поясе кинжал с молочно-белым лезвием.

– Спасибо, сэр.

Она снова сунула в рот пленнику кляп, заглушив его протесты, и увела сопротивлявшегося человека.

Причины моих действий невозможно объяснить никому, кроме Эразма. Мы понимаем друг друга вопреки очевидным различиям между нами.

Гилберт Альбанс. Запись из личного дневника

Чтобы повысить сосредоточенность ментатов, главный мастер Гилберт Альбанс построил свою школу на наименее населенном континенте Лампадаса. Это была пасторальная планета, но ему требовалось место, где ученики и учителя могли бы сосредоточиться на обучении, не отвлекаясь на посторонние заботы.

Выбирая эту планету для школы ментатов, он ошибся, недооценив мощь батлерианского движения после поражения Омниуса. Антитехнологическая лихорадка должна была быстро пройти, испариться из-за отсутствия ярости и необходимости... но Манфорд Торондо укрепился. Гилберту приходилось быть очень осторожным.

Он стоял на сцене главного зала, в центре внимания. Сзади круто поднимались расположенные амфитеатром сиденья. Стены амфитеатра и потолок темного дерева с искусственной патиной делали его с виду очень старым и значимым. Искусно размещенные усилители доносили спокойный, сдержанный голос Гилберта до всех учеников.

– Вы должны уметь видеть сквозь наружность.

Главный мастер показал на два трупа, лежавшие на столах для вскрытия посреди сцены. На одном столе – бледный обнаженный человек, с приподнятой головой и закрытыми глазами, с руками, вытянутыми вдоль тела. На втором – дезактивированный боевой мек; его могучие оружейные руки и пулеобразная голова занимали такое же положение.

– Человек и мыслящая машина. Отметьте параллели, обследуйте. Научитесь на них и задайтесь вопросом: действительно ли мы такие разные?

Гилберт был в твидовом жилете и брюках, на узком лице – круглые очки: он предпочитал их медицинскому вмешательству, которое могло бы улучшить его зрение. Редкие волосы все еще сохраняли естественный соломенно-желтый цвет, как в молодости. Ему приходилось следить за внешностью и тщательно скрывать тот факт, что ему больше ста восьмидесяти лет, благодаря процедуре продления жизни, которой его подверг независимый робот Эразм. Ни один из учеников школы ментатов не подозревал, какую важную роль в жизни их наставника сыграл его учитель-робот; он окажется в большой опасности, если батлерианцы узнают этот факт из жизни Гилберта.

– Да, джихад доказал, что мозг человека превосходит мозг мыслящей машины. Но при внимательном рассмотрении можно увидеть их сходство.

Ментаты – ответ человека компьютерам, поэтому настроенные против технологий батлерианцы поддерживали его школу. Однако у самого Гилберта было совсем иное представление о мыслящих машинах. Ради своей безопасности он держал это мнение при себе, особенно здесь, на Лампадасе.

Гилберт поднял гладкую голову боевого мек и отсоединил от механизма шеи.

– Робот, которого вы здесь видите, остался после конфликта, и мы получили специальное разрешение использовать его при обучении. (Имперское правительство не представляло проблемы, но вот убедить Манфорда Торондо было гораздо труднее.)

Гилберт поднял бледную правую руку трупа.

– Обратите внимание на мускулатуру, сравните ее с механической анатомией боевого робота.

Ученики, одни заинтересованно, другие с нескрываемым ужасом, молча наблюдали, как Гилберт методично извлекал органы подготовленного трупа, потом вынимал аналогичные органы робота и шаг за шагом демонстрировал параллели. Части он выкладывал на подносы, проводя одновременно вскрытие.

Полчаса он разбирал боевого робота, показывая, как функционируют и соединяются друг с другом части мек, как работают его встроенные оружейные системы, расширяя его способности, и каждый фрагмент сопоставлял с таким же в человеке.

Старший ученик Драйго Роджет, который исполнял еще и обязанности ассистента, включил простой проектор, с помощью которого аудитории демонстрировались детали операции. Драйго был с ног до головы в черном, что гармонировало с его длинными черными волосами, черными бровями и черными глазами.

При подготовке к занятию череп трупа вскрыли и мозг извлекли, и теперь Гилберт демонстрировал процессор боевого робота. Погруженные в гель схемы он выкладывал на поднос. С виду мягкая металлическая сфера представляла собой аналог покрытого складками человеческого головного мозга. Гилберт пальцем поддел процессор.

– У мыслящих машин эффективная память и высокая скорость обработки данных, но способности ограничены техническими условиями и свойствами, установленными их создателями.

Гилберт рассек человеческий мозг.

– С другой стороны, человеческий мозг не имеет набора технических характеристик, заданных создателем. Отметьте сложность устройства макета и строения мозга: головной мозг, мозжечок, мозолистое тело, промежуточный мозг, височные доли, средний мозг, варолиев мост, продолговатый мозг – все эти термины вам знакомы. Несмотря на большую физическую массу мозга, большую его часть хозяин никогда не использует.

Он посмотрел на учеников.

– Каждый из вас должен научиться использовать все, чем мы обладаем. Возможно, объем нашей памяти ничем не будет ограничен, если организовать свои воспоминания и правильно их хранить. В нашей школе мы каждого учим подражать методам упорядочивания и эффективным методам расчета, которые используют мыслящие машины; и мы установили, что человек способен справляться с этим лучше.

Ученики начали переговариваться, некоторые тревожно. Гилберт в особенности отметил мрачный вид Алисы Кэрролл, талантливой, но ограниченной молодой женщины, выросшей среди батлерианцев. Она была одной из учениц, присланных Манфордом Торондо; удивительно, но на уровне ментальных приемов Алиса справлялась очень неплохо.

Чтобы создать школу ментатов на Лампадасе, Гилберту пришлось пойти на некоторые жертвы. Одним из условий, на которых Манфорд обещал школе свою поддержку, был ежегодный прием некоторого числа учеников, отобранных батлерианцами. И хотя батлерианцы учились не лучше прочих, но занимали места других, более талантливых кандидатов, Гилберту пришлось с этим смириться.

Гилберт отступил от двух лежащих на столе образцов.

– Моя цель – выпустить вас из школы с более организованным мышлением и расширенными возможностями памяти, чтобы вы могли превзойти любой компьютер. – Он по-отечески улыбнулся. – Разве такая цель не достойна ваших усилий?

– Да, сэр! – послышалось по всей аудитории.

Хотя школа ментатов находилась в негостеприимной местности – обширные болота, вязкие протоки и опасные хищники, – Гилберт знал, что опасное окружение закаляет, готовит самых искусных и опытных. Этому его научил Эразм.

Школьный комплекс представлял собой группу зданий на плавучей платформе, причаленной к берегу большого заболоченного озера, окруженного пустынными необрабатываемыми землями. Щит охранной системы не пропускал назойливых, разносящих инфекции болотных насекомых, создавая для учеников школы нечто вроде оазиса.

Гилберт прошел по понтонному мостику через болото, почти не замечая зеленой воды внизу. Он миновал плавучий спортивный зал и одну из отдельных аудиторий и вошел в административное здание на краю комплекса – тут располагались кабинеты деканов и постоянных преподавателей. В школе работало больше двухсот инструкторов и четыре тысячи студентов – удивительный успех, учитывая, сколько учебных центров возникло после поражения мыслящих машин. К обучению подходили строго, уровень отсева даже среди лучших кандидатов, принятых в школу (не считая присланных батлерианцами), составлял тридцать пять процентов, и только лучшие из оставшихся могли стать ментатами.

Биологические лампы в кабинете Гилберта источали слабый, но приятный запах. В просторном помещении был темный коганиевый пол, покрытый ковром из листьев и коры болотных ив. Гилберт слышал слабые звуки классической музыки; исполнялись произведения, которыми они с Эразмом когда-то наслаждались в садах для размышлений на Коррине.

Тоскуя о прошлом, он сделал свой кабинет похожим на дом Эразма в Коррине, с теми же плюшевыми лиловыми занавесями и затейливой мебелью. Приходилось соблюдать осторожность, но никто ничего не заподозрил. Гилберт был единственным из ныне живущих, кто помнил роскошное убранство частной виллы независимого робота.

К потолку поднимались книжные полки, сделанные из полированного дерева; царапины и вмятины «под старину» добавили при сборке. Устраивая школу, Гилберт хотел создать впечатление давно существующего, всеми признанного заведения. В кабинете, в здании, во всем школьном комплексе все было тщательно продумано.

«И это правильно, – думал Гилберт. – В конце концов, мы ведь ментаты».

Деканы и преподаватели разрабатывали и совершенствовали программы, направленные на расширение возможностей человеческого мозга, но суть обучения ментатов определял источник, известный только Гилберту, – источник, который, если бы его обнаружили, подверг бы всю школу чрезвычайной опасности.

Убедившись, что он один, Гилберт запер за собой дверь и опустил жалюзи на окнах. Вынув из жилетного кармана ключ, он открыл прочный деревянный шкаф, встроенный в полки. Просунул руку внутрь и точно в нужном месте коснулся панели. Полки сдвинулись, повернулись и раскрылись, как лепестки цветка.

Внутри на полке стояла мерцающая сфера памяти, и Гилберт обратился к ней:

– Я здесь, Эразм. Ты готов продолжить беседу?

Пульс его участился от переживаний и из-за риска. Эразм был самым известным из независимых роботов, эту мыслящую машину ненавидели не меньше Омниуса. Гилберт улыбнулся.

Перед катастрофическим падением Коррина Гилберт извлек сферу из обреченного робота и унес, смешавшись с бесчисленными беженцами. За следующие годы он создал себе совершенно новую жизнь с ложным прошлым. И использовал свои способности для создания этой школы ментатов – с тайной помощью Эразма, который постоянно давал ему советы.

Сфера, заполненная электросхемами в геле, задрожала, и независимый робот заговорил через небольшие усилители своим обычным голосом образованного человека:

– Спасибо. Я уже начинал испытывать клаустрофобию, не помогали даже тайные шпионские глазки, которые ты мне позволил.

– Ты спас меня от жизни в невежестве и нищете, а я тебя – от уничтожения. Справедливый обмен. Но извини, что не могу сделать больше – пока не могу, во всяком случае. Нам нужно быть очень осторожными.

Много лет назад Эразм в мире машин выбрал из жалких загонов для рабов ребенка: он хотел провести эксперимент, проверить, можно ли с помощью тщательного обучения и подготовки цивилизовать одно из этих яростных хищных созданий. За годы независимый робот превратился в отца и наставника, который научил Гилберта так организовывать мышление и развивать свои способности, что он смог мыслить с эффективностью, прежде считавшейся доступной только компьютерам. Какая ирония, думал Гилберт, что эта школа максимализации человеческого мышления корнями уходит в мир мыслящих машин.

Эразм оказался учителем строгим, но превосходным. Робот, вероятно, достиг бы успеха, даже если бы выбрал другого ученика, но Гилберт был глубоко благодарен судьбе за то, что выбор пал на него.

Разговаривали они негромко, никогда не забывая о том, что их могут услышать.

– Я знаю, ты и так рискуешь, но меня одолевает беспокойство. Мне нужна новая оболочка, новое функционирующее тело, которое вернуло бы мне подвижность. Я постоянно думаю о бесчисленных сценариях испытаний, которые можно будет проверить на твоих учениках. Я убежден, что люди способны делать захватывающие, иррациональные вещи.

Как всегда, Гилберт уклонился от темы создания нового тела, к чему стремился робот.

– Это верно, отец, – и вести себя свирепо, необузданно. Поэтому приходится тебя прятать. Из всех тайн империи твое существование – самая большая.

– Я стремлюсь снова взаимодействовать с людьми... но знаю, что ты хочешь как лучше. – Голос машины смолк, и Гилберту представилось меняющееся выражение флометаллического лица, оставшегося в Коррине вместе с телом. – Прогуляй меня по кабинету. Открой ненадолго ставни, чтобы я мог выглянуть с помощью своих сенсоров. Мне необходимы новые впечатления.

Не теряя бдительности, Гилберт поднял легкую сферу и понес, стараясь не уронить или как-нибудь еще не повредить ее. Он поднес сферу к окну, выходявшему на широкое мелкое озеро – маловероятно, чтобы с этой стороны кто-нибудь смотрел, – и поднял жалюзи. Он не мог отказать Эразму в такой небольшой любезности – слишком многим он был обязан независимому роботу.

Робот усмехнулся, напомнив Гилберту о мирных идиллических временах на Коррине.

– Вселенная сильно изменилась, – задумчиво сказал Эразм. – Но ты приспособился. Ты сделал все необходимое, чтобы выжить.

– И защитить тебя. – Гилберт прижал к себе мыслящую сферу. – Это трудно, но я не сброшу личину. Пока я жив, ты в безопасности, отец.

Вскоре Гилберту предстояло покинуть Лампадас; вместе с Манфордом Торондо они летели на Салусу Секундус, чтобы выступить перед Советом ландсраада и императором Сальвадором Коррино. Для Гилберта это был трудный поступок, требующий тщательной балансировки – такие акробатические трюки всегда внушали ему тревогу.

Жизнь сложна независимо от обстоятельств нашего рождения.

Хадита Коррино. Письмо мужу, принцу Родерику

Процессию в столице Салусы городе Зимия возглавила императорская карета, запряженная четырьмя золотистыми львами. Это был город монументов, воздвигнутых в честь многочисленных героев долгого джихада. Император Сальвадор Коррино повсюду видел изображения Серены Батлер, ее ребенка-мученика Маниона и великого патриарха Иблиса Джинджо: на развевающихся знаменах, на стенах зданий, на статуях, на фасадах. Впереди, внушая почтение, высился огромный золотой купол Зала Парламента, место эпических исторических событий.

Под облачным небом они миновали гигантского ходячего кимека – побитый и проржавевший монумент выше самых высоких зданий. Этой страшной машиной когда-то руководил человеческий мозг, и она участвовала во вражеской атаке в первой битве при Зимии. Теперь огромная фигура была мертва и служила напоминанием о мрачном прошлом. После более чем столетнего джихада Серены Батлер силы мыслящих машин были окончательно разгромлены при Коррине, и люди сбросили иго рабства.

Во время Джихада Зимия дважды тяжело пострадала от нападения машин, и оба раза город восстанавливался, свидетельствуя о том, что дух людей не сломлен. После битвы при Коррине семья Батлеров сменила имя на Коррино и возглавила новую империю. Первым императором стал дед Сальвадора Файкан, затем власть перешла к его сыну Жюлю. Эти двое правили в совокупности семьдесят один год, а потом на трон взошел Сальвадор.

Император в царском экипаже досадовал – его привычный утренний распорядок был нарушен, – но пришло сообщение о мрачной находке, и он должен был взглянуть на это лично. Он вышел из дворца в сопровождении гвардейцев, помощников, советников, с усиленной охраной (ведь иногда недовольные начинали протестовать). За императором в экипаже сидел врач из школы Сукк – просто на всякий случай. Сальвадор страдал повышенной тревожностью, и опасения вечно облекали его, как плохо подогнанная одежда.

Процессия продолжала движение. Императору не слишком хотелось видеть мрачную находку, к которой его везли, но это была его обязанность. Львы влекли карету к центру города, многочисленные наземные экипажи и грузовые повозки жались к обочинам, пропуская ее.

Нарядный экипаж плавно остановился посредине центральной площади, и слуги в ливреях торопливо открыли дверцы. Пока они помогали императору выйти, он уже учуял в воздухе вонь горелой плоти.

Подошел высокий мускулистый мужчина в алой рубашке и золотых брюках – цветах дома Коррино. Родерик приходился императору сводным братом, у них были общий отец, разные матери и общая беспокойная сводная сестра Анна – еще от одной женщины отца. (Император Жюль был очень занят и ребенком от законной жены не обзавелся.)

– Сюда, – негромко сказал Родерик.

В отличие от Сальвадора, темя которого, в его сорок семь лет (всего на два года старше брата), едва прикрывали редкие каштановые пряди, Родерик мог похвастать густой гривой светлых волос. У обоих обычной деталью туалета были личные щиты, окутывавшие их едва заметным полем. Оба почти не замечали этой вездесущей технологии.

Родерик показал вперед, на памятник Иблису Джинджо, харизматичному, но противоречивому вождю джихада, который вдохновил миллиарды людей на борьбу с машинами-угнетателями. Сальвадор с ужасом посмотрел на изуродованное обожженное тело, висящее на статуе. К прокопченному неузнаваемому трупу была прикреплена надпись, в ней мертвеца называли «Тур Бомоко – предатель Бога и Веры».

Сальвадор хорошо знал это имя. Двадцать лет назад, в правление его отца, Комиссия по экуменическим переводам вызвала ужасный скандал, выпустив новое издание священной книги, предназначенной якобы для последователей любых религий. Названием книги было «Оранжевая Вселенская Библия». Тур Бомоко возглавлял группу из КЭП; эта группа семь лет трудилась в полной изоляции под защитным куполом на радиоактивной Старой Земле. КЭП составила свод основных заветов всех религий и, рассчитывая на триумф, представила свое творение на суд общественности. Священный текст, по замыслу его авторов, должен был разрешить все религиозные споры, но на самом деле привел к прямо противоположному результату.

Вместо того чтобы ознаменовать торжество единства и стать краеугольным камнем всеобщего взаимопонимания, книга, проникнутая высокомерием, вызвала ярость повсеместно. Бомоко и его сотрудники бежали от гнева толпы. Многих линчевали, а остальные от нее отреклись, лишь бы спасти свою шкуру. Некоторые кончали с собой, часто при весьма подозрительных обстоятельствах, а других, в том числе Бомоко, так и не нашли.

Позже, получив милостью императора Жюля убежище в императорском дворце, председатель КЭП Бомоко публично раскаялся в своих грехах и признал, что ошибался, пытаясь создать новые религиозные символы, которые «вселяли сомнения в существующей вере» и «вызывали противоречивое отношение к Богу». После скандала во дворце, в котором участвовала императрица, Бомоко исчез – ему вторично пришлось бежать. И его так и не нашли.

Сейчас Родерик стоял рядом с братом, рассматривая обожженный безликий труп, глядевший на них со статуи.

– Думаешь, на этот раз они его действительно отыскали?

Сальвадор, на которого изуродованное тело не произвело никакого впечатления, закатил глаза.

– Сомневаюсь. Это седьмой предполагаемый «Бомоко», которого они убили. Но все равно для надежности проводи генетическую экспертизу.

– Я обо всем позабочусь.

Сальвадор знал, что ему можно не беспокоиться. Родерик всегда был спокойнее и хладнокровнее брата. Император вздохнул.

- Если бы я знал, где Бомоко, сам отдал бы его им, лишь бы толпа была счастлива.
- Родерик нахмурился. Он серьезно посмотрел на брата.
- Надеюсь, ты предварительно поговоришь со мной.
- Ты прав. Я не предприму ничего серьезного без твоего совета.

В минувшие годы волнения нарастали и утихали, хотя серьезных мятежей не было уже десять лет – с тех пор, как Сальвадор занял трон Коррино. Он собирался вскоре выпустить пересмотренное (и смягченное) издание ОБ Библии, которое получит от некоторых хвалебные отзывы. На новом издании должно было стоять имя самого Сальвадора, это сначала казалось удачной мыслью. Через своих теологов Сальвадор пытался разрешить отдельные неоднозначные тексты, но экстремисты хотели, чтобы единая священная книга была сожжена, а не переписана. В вопросах, касавшихся религиозных фанатиков, не могло быть излишней осторожности.

Родерик отдал двум офицерам императорской гвардии резкий приказ:

- Уберите тело и очистите место происшествия.

Когда обгорелый труп снимали, часть покрасневшего мяса на плечах и торсе соскользнула с костей, и гвардейцы с отвращением отпрянули. Один солдат принес Сальвадору плакат, и император, прищурившись, стал читать надпись мелкими буквами на обороте. Линчующая толпа сочла нужным объяснить, что тело изуродовали точно так же, как мыслящие машины поступили с Сереной Батлер – следовательно, их ужасный поступок вполне оправдан.

Возвращаясь с братом к своей карете, император проворчал:

– Казалось бы, после тысячи лет ига машин и столетия кровавого джихада люди устанут от этого.

Родерик понимающе кивнул.

– Они словно одержимы жестокостью и яростью. Толпа всегда склонна к жестокости.

– Человечество чертовски нетерпеливо. – Император сел в карету. – Неужели они думали, что после падения Омниуса все проблемы мгновенно решатся? Прошло восемьдесят лет после битвы у Коррина, а всюду по-прежнему хаос. Я хотел бы, чтобы ты это уладил, Родерик.

Брат улыбнулся уголками губ.

- Сделаю, что смогу.
- Да, я знаю, что сделаешь.

Сальвадор плотно закрыл дверцу кареты, и возница пустил львов быстрым шагом. Свита торопливо двинулась за каретой.

В тот же вечер Родерик представил брату в его сельском поместье результаты генетической экспертизы. Сальвадор и императрица Табрина в очередной раз громко ссорились – сегодня из-за ее желания играть какую-нибудь роль в правительстве, а не просто исполнять обычные церемониальные обязанности.

Сальвадор категорически отказался удовлетворить ее просьбу.

- Это противоречит традиции, а империи прежде всего нужна стабильность.

Монаршья пара находилась в комнате охотничьих трофеев, где стены украшали чучела рыб и диких зверей.

К счастью, принц Родерик слышал такие ссоры и раньше. Он вошел в комнату, не обращая внимания на крики.

- Брат, я принес результаты. Думаю, ты захочешь сам их посмотреть.

Сальвадор выхватил листок у него из рук, делая вид, что помеха его раздражает, но тайком благодарно улыбнулся брату. Пока Табрина, внутренне кипя, сидела у очага и прихлебывала вино (она была слишком вежлива, чтобы продолжать ссору при госте), Сальвадор прочел страницу отчета. Довольный, он скомкал листок и бросил в огонь.

- Это не Бомоко, как я и думал. Толпа вздернет всякого, против кого есть подозрения.
- Я бы хотела, чтобы они вздернули тебя, – негромко сказала императрица.

Табрина была поразительно красива – темные миндалевидные глаза, высокие скулы, гибкое тело. Сегодня она надела длинное облегающее платье, а рыжие волосы уложила в сложную прическу.

Сальвадор хотел ответить, что согласен и на это, лишь бы уйти от нее, но он не был настроен шутить. Отвернувшись от жены, он направился к выходу.

– Идем, Родерик. Научишь меня новой карточной игре, которая так популярна. Я слышал о ней от своей новой наложницы.

При упоминании наложницы Табрина раздраженно фыркнула, но Сальвадор притворился, будто не слышит.

Родерик слегка поклонился.

– Как прикажешь.

Сальвадор поднял брови.

– Мне нужно тебе приказывать?

– Нет.

Они отправились в гостиную.

Во время джихада Россак защищали психические силы колдуний. Они становились мощным живым оружием, способным сжечь мозг кимека, хотя самой колдунье это стоило жизни. Увы, те дни давно миновали! Сегодня осталось менее ста чистокровных колдуний, да и те не владели могуществом своих предшественниц.

Предисловие к «Тайнам Россака», учебнику ордена сестер

Пока послушницы и сестры продолжали свои занятия в недрах утеса, а воспитательницы учили детей в детских, Валя спустилась в густые джунгли по своему важному делу. Ежедневно.

Скрипучая деревянная клетка лифта прошла через густой полог листвы и оказалась в сумеречном мире. Выйдя из деревянной клетки на влажную почву, Валя вдохнула смесь запахов земли, растений и животных. Она прошла по тропе в гущу серебристо-пурпурной листвы. Вокруг нее сворачивались и разворачивались гигантские папоротники, словно разминающие мышцы. Сверху пробивался солнечный свет; ветви перемещались, и освещение постоянно менялось. Шелестели листья, кто-то пробежал в подлеске; хищная лиана стегнула мелкого грызуна, как хлыст, оглушив и обвив его. Валя знала: здесь, внизу, нужно постоянно быть настороже.

Она подошла к черной металлической двери, вделанной в ствол гигантского дерева. В который уже раз за последние месяцы Валя с помощью пароля открыла дверь и вошла в тусклый коридор, освещенный только неяркими шарами. Она спустилась по винтовой лестнице, уходящей под корни, и вскоре коридор привел ее к нескольким комнатам, высеченным в скале. В самой большой из них старая колдунья Кери Маркес с помощью электроскопов, кувшинов с порошками, трубок с жидкостями и центрифуг проводила свои фармакологические эксперименты.

Эти помещения напоминали Вале загадочную лабораторию отшельника-алхимика – с пробирками, полными кипящих жидкостей и вытяжек из таинственных растений, грибов и корней. Сестра Кери была невероятно стара, почти как сама Преподобная Мать Ракелла, но не могла полностью контролировать биохимию своего тела, и годы сковывали ее маленькую костлявую фигуру, словно тяжелое одеяние. Но глаза Кери, большие, поразительно красивого зеленого цвета, не потускнели с годами. У Кери были седые волосы и широкие скулы.

Старуха кивнула Вале, не отводя взгляда от своих химических приборов. В ее голосе слышалось волнение.

– Сегодня утром у меня появилась идея – думаю, это прорыв. Мы можем использовать вытяжку из слизи, которую выделяют норные слизни. Эта слизь вызывает смертельный пара-

лич, но, если ослабить действие, полученный состав будет способен отправить сестер к порогу смерти, остановив действие всех систем организма, зато мозг сохранит активность и сосредоточится на последнем мгновении.

Валя видела этих толстых кольчатых слизней, которые рылись в плесневелой лесной листве, – еще одно опасное существо с Россака.

– Интересно. У них, возможно, есть необходимые качества.

Но Валя не испытывала уверенности, далекой от реальности. Ведь за десятилетия испробовали все возможное. Она не собиралась умирать в ходе еще одного безнадежного испытания.

В корзинах и сосудах хранились листья и грибы, лишайники, собранные с камней, яд крупных пауков, истолченные куколки лесных насекомых.

– Как ты думаешь, когда мы сможем испытать нового добровольца? – спросила Валя.

Всего неделю назад умерла сестра Тиана – и очень мучительной смертью.

Старая колдунья подняла брови, неправильно истолковав ее вопрос.

– Ты сама делаешь шаг вперед? Наконец поверила, что готова, сестра Валя? Я согласна, ты подготовлена лучше большинства предыдущих добровольцев. Если у кого-то и есть шанс...

– Нет, я не это имела в виду, – быстро возразила Валя. – Я только хотела сказать, что продвигаться нужно очень осторожно; учитывая количество смертей за эти годы, сестры могут вовсе потерять надежду.

– Любая истинная сестра всегда верит в человеческие возможности, – ответила Кери, снимая с плиты котелок.

Валя уже пять лет проходила обучение на Россаке; для нее школа на Россаке и орден сестер были способом вытащить свою семью из западни. За время обучения она привлекла внимание Преподобной Матери. Валя всегда искала возможности продвинуться в ордене и теперь, когда Преподобная Мать впустила ее в свой внутренний круг и открыла страшную тайну существования компьютеров, ведущих исследование генеалогических линий, считала, что перед ней откроются многие двери.

Как бы ей хотелось рассказать об этом Гриффину!

Втайне Валя искала и шансы выдвинуться в империи. Имя опозоренной семьи должно было захлопнуть перед ней все двери, но, возможно, благодаря ордену сестер на нее посмотрят по-другому. Тем временем, сосредоточившись на занятиях в Россаке, Валя продолжала напряженные ментальные и физические тренировки.

Преподобная Мать надеялась, что Валя останется на планете и посвятит себя ордену, но молодая женщина вовсе не собиралась застревать здесь навсегда. Это не помогло бы Дому Харконненов. Она подумывала, не стать ли миссионером, как сестра Арлетт, отправившая ее в школу ордена. Вдруг Валя найдет себе место в доме какого-нибудь знатного человека или даже при императорском дворе на Салусе Секундус, как сестра Доротей – прежняя ассистентка сестры Кери?

В лаборатории Валя наблюдала, как добровольцы одна за другой ложились на медицинские кровати – зубы стиснуты, во взгляде решимость, а также высокомерная вера в то, что удастся достичь невозможного и стать Преподобной Матерью, как Ракелла, хотя все прочие до них потерпели неудачу. Большинство в ходе опыта гибло, а выжившие впадали в кому, теряли память или страдали другими формами поражения мозга. Нет, Валя добровольно на это не пойдет.

– У нас и так кандидатов больше, чем нужно, – сказала Кери Маркес, – но придется подождать, пока я не удостоверюсь, что у этого потенциального нового средства хорошие шансы на успех.

К счастью, у колдуний Россака сохранились подробные записи фармакологических исследований, проведенных Аврелием Венпортом. До джихада Аврелий нажил огромное состояние, продавая уникальные лекарства и химикалии, полученные из экзотической флоры

и фауны Россака. Поскольку единственный очевидный путь для сестры – преодолеть барьер и стать Преподобной Матерью – требовал предельной умственной концентрации на самых дальних границах жизни, Кери Маркес упорно продолжала испытание самых смертоносных ядов, найденных в фармакопее.

Валя сохраняла непроницаемое выражение. «Я не собираюсь становиться одним из добровольцев».

– Где-то здесь скрыта тайна, – сказала Кери. – Нужно только продолжать поиски.

Преподобная Мать Ракелла не испытала неловкости, когда ее посетила глава медицинской школы Сукк. Хотя доктор Ори Зома была с позором изгнана из ордена, за последующие сорок лет эта строгая женщина подтвердила свои способности, с отличием закончив обучение в школе Сукк и поднявшись на самый верх иерархии врачей Сукк.

Хотя доктор Зома была искусным врачом, ее истинные способности заключались в умении управлять, в принятии жестких решений, основанных на бесстрастных оценках. После странного самоубийства ее предшественника доктор Зома руководила главной школой в столице империи, а теперь присматривала еще и за прежде независимым кампусом и административным центром на Парментьере.

Когда шаттл руководителя школы Сукк сел на полимеризованной поверхности леса Россака, Ракелла вышла навстречу. В молодости Зома два года училась на Россаке, и Преподобная Мать Ракелла разглядела в ней необычайные способности и притязания. Тогда Зома интересовалась потенциалом разнообразных россакских средств увеличения силы, скорости, выносливости и мыслительной деятельности. Но – это установили много позже – Зома увидела возможность получения прибыли и начала поставлять на черный рынок редкие экстракты и мощные наркотики, продавая их по исключительно высоким ценам... пока ее не поймали.

Стоя перед Преподобной Матерью, Зома пыталась объяснить свою внеучебную деятельность тем, что эта деятельность полезна ордену. Но голоса в голове у Ракеллы оставались скептическими. Зома клялась, что всю полученную прибыль вносила в школьную кассу (что впоследствии подтвердилось), но даже это не стало оправданием ее проступку – о своей незаконной деятельности во имя ордена она не поставила в известность Ракеллу. Прощения этому не было.

У Преподобной Матери не оставалось выхода – только отослать Зому, хотя она и не стала предавать огласке причины. Видя большой потенциал Зомы, Ракелла позволила ей сохранить доброе имя, и эта история никак не отразилась на карьере Зомы. Она поступила в школу Сукк, преуспела в учебе и стала важной и влиятельной фигурой. Но даже и спустя столько лет Зома стремилась заслужить понимание и прощение Преподобной Матери, которую когда-то разочаровала.

Дверь шаттла открылась, и из нее вышла неприветливая подтянутая женщина лет шестидесяти. Представительница школы Сукк, Ори Зома относилась к этому серьезно и деловито, заботясь о своем теле так, как владелец фабрики бережет ценное оборудование. Она никогда не была тщеславной и не видела причин делать себя привлекательной. Ракелла знала, что эта женщина с трудом обзаводится друзьями, и сомневалась, что у нее есть романтические привязанности. Только неосторожность не позволила Зоме стать талантливой сестрой, главным образом благодаря умению владеть собой.

Зома регулярно прилетала на Россак лечить (а скорее изучать) сестер, которые пострадали при безуспешных попытках стать Преподобными Матерями. Ракелла не разрешала отправлять впавших в кому или повредивших мозг сестер на Парментьер, где их бы исследовали и изучали сотрудники школы Сукк, но в качестве уступки разрешила Зоме прилетать лично. Врач брала образцы и проводила исследования, но до сих пор не смогла излечить ни одну из кандидаток в Преподобные Матери.

Ракелла сердечным тоном поздоровалась:

– Добро пожаловать на Россак, доктор Зома. Состояние больных сестер остается неизменным, но мы ценим внимание, которое вы им уделяете.

Спустившись по трапу, врач помолчала, словно все заготовленные заранее слова вылетели у нее из головы. Наконец она сказала:

– У врачей Сукк и ордена сестер много общего. – Зома сделала шаг вперед и пожала протянутую Ракеллой руку. – Мы все работаем на благо человечества.

– Наш союз разумен. Я всегда открыта для предложений и совместного достижения целей, – сказала Ракелла. – И сотрудничала с Мохандасом Сукком еще до создания наших школ.

Ракелла отвела врача по тропе в пещерный город. В одной из частей этого города, служившей больницей, она отвела доктора Зому в палату, где в растительном состоянии пребывали четыре молодые женщины; в соседних палатах еще пять сестер с поврежденным мозгом жили в различной степени осознанно. Две из них разговаривали на языке, которого никто не мог понять, даже Ракелла с ее бесчисленными воспоминаниями минувших поколений в памяти. Еще одна – сестра Лиля – почти все время проводила в каменном, бесстрастном молчании, но ежедневно к ней на десять минут возвращалось нормальное сознание, и тогда она лихорадочно пыталась рассказать обо всем, что видела и испытала. Однако как только ее воспоминания начинали проясняться, Лилля вновь замолкала.

Доктор Зома склонилась к четырем коматозным пациенткам, изучая их глаза, пульс, цвет кожных покровов. Она была деятельна и опытна, но сиделка из нее вышла бы плохая: именно вегетативное состояние больных позволяло ей работать не отвлекаясь. Зома взяла образцы крови и действовала, словно по заранее составленному плану.

Следующая часть больницы была отведена для незаконнорожденных, детей россакских колдуний, калек от рождения, – прежде это часто случалось из-за постоянных мутаций на планете и загрязнения среды. При мысли о незаконнорожденных у Ракеллы зануло сердце из-за юного калеки Джиммака Тери, ребенка колдуньи Тасии Ценвы, одной из сестер. Давным-давно, когда во время эпидемии Ракелла заболела, Джиммак отвел ее в джунгли, заботился о ней и чудом сохранил ей жизнь. Он давно мертв – большинство тех, кого она знала в те годы, умерли, и очень многие сестры, пытавшиеся пройти ее путем, тоже...

Столько умерших... и так мало надежды достичь цели.

Глядя на этих несчастных, Ракелла высказала Зоме свои мысли:

– Возможно, я просто аномалия? Что если никто другой не в состоянии пройти мою трансформацию? Такой болезненный процесс, столько смертей и травм. – Она вздохнула. – Стоит ли рисковать? Может, мне следует остановиться?

Непроницательное выражение лица Зомы стало еще суровее, в нем читалась подлинная решимость.

– Расширение возможностей человека – всегда достойная цель, Преподобная Мать. Теперь, когда наша раса свободна от господства машин, нам следует совершенствоваться, развивать способности мозга и тела во всех возможных направлениях. Вот во что верят врачи Сукк. В это верит и ваш орден, и ментаты на Лампадасе, и мастера меча. И даже – если я верно поняла – мутанты-навигаторы, которых использует космический флот «Венхолдз». Сейчас нам нельзя отступать. Нельзя потерять решимость. У нас общая цель.

При этих словах сердце Ракеллы смягчилось, и она улыбнулась коренастой женщине.

– Ах, Ори, может, вам все-таки следовало остаться в ордене.

Не составляет труда верить, что ты согласен с определенными верованиями, гораздо большая дерзость – действовать согласно своим убеждениям.

Манфорд Торондо. Из речи в Зале ландсраада

Обычно, когда Манфорд появлялся на Лампадасе перед своими верными последователями, приветственные возгласы обрушивались на него, как очистительная буря. Однако сегодня, когда двое носильщиков внесли его паланкин в Зал ландсраада на Салусе Секундус, он встретил куда более холодный прием.

Парламентский пристав гулким голосом, полным казенного пафоса, объявил о его прибытии, хотя все, конечно, узнали вождя батлерианского движения. Аплодисменты присутствующих вельмож прозвучали вежливо, но не оглушительно и без экстаза. Манфорд решил не обращать на это внимания. Сидя в паланкине, а не на плечах своего мастера меча, он выпрямил спину. Его собственные плечи были широки, руки мускулисты; отсутствие обеих ног он компенсировал, передвигаясь на руках; кроме того, он много и упорно тренировался. Носильщики доставили его на помост для выступлений; Анари Айдахо шла рядом, ее присутствие устрашало и защищало.

Манфорд осмотрел огромный зал. Ряды превосходных сидений напоминали рябь, расходящуюся по спокойному пруду от брошенного камня. На скамьях сидели представители важных и богатых планет и объединений менее значительных миров наряду с бесчисленными наблюдателями и функционерами, в большинстве своем чиновниками. Император Сальвадор Коррино сидел в нарядной ложе; он присутствовал, но казался скучающим. Его брат Родерик тоже сидел в императорской ложе; наклонившись, он что-то говорил лысеющему императору. Оба, казалось, не обращали на Манфорда внимания.

Носильщики остановились, когда паланкин правильно расположился в усиливающем поле. Манфорда озарил яркий свет. Он поднял голову, купаясь в этом свете и словно получая благословение небес.

Прозвучал голос спикера, возвращая его к реальности.

– Манфорд Торондо, представитель батлерианского движения, вы просили разрешения обратиться к Совету ландсраада. Пожалуйста, изложите свое дело.

Манфорд заметил много пустующих мест в огромном зале.

– Почему столько отсутствующих? О моем появлении было объявлено? Разве вы не знаете, что мои слова чрезвычайно важны?

Ответ спикера прозвучал нетерпеливо.

– На наших заседаниях всегда бывают отсутствующие, вождь Торондо. Однако кворум есть.

Манфорд глубоко вдохнул и выдохнул.

– Мне жаль, что не все места заняты. Могу ли я получить список присутствующих?

На самом деле его больше интересовали отсутствующие.

– Все это публикуется. Пожалуйста, излагайте свой вопрос.

Резкость спикера удивила Манфорда, но, черпая силы в самых темных уголках своего сердца, он решил пока быть рассудительным.

Он заговорил словно с равными.

– Хорошо. Я пришел сообщить о добрых делах моих приверженцев и потребовать демонстрации единства. Батлерианцы и дальше будут обнаруживать и уничтожать станции и корабли роботов. И хотя это часть нашей законной работы, эти корабли – всего лишь символ того, что делали с нами мыслящие машины, всего-навсего остатки прошлого. Истинная угроза не столь явна... и вы сами притягиваете ее.

Он повернулся в паланкине, чтобы обвести рукой весь зал ландсраада. Его носильщики оставались неподвижными как изваяния. Анари смотрела на публику.

– Главная причина, почему я пришел сюда, такова: следует напомнить вам кое о чем. Мои люди составляют большинство населения империи, и я постоянно получаю сообщения, что ваши планеты грешат попустительством, что вы постоянно делаете исключения для сво-

его населения, притворяясь, будто спустя всего несколько десятилетий можно забыть о веках угнетения.

Он слышал гул оттуда, где сидели представители. Император Сальвадор теперь выпрямился в кресле и глядел на него. Родерик Коррино выглядел задумчивым.

Манфред продолжал:

– Вы допускаете машины в свои города и дома. Вы убеждаете себя, что они безвредны, что эти небольшие образчики технологии никому не могут повредить, или что машины нужно разрешить ради удобства, или что именно это устройство – исключение. Неужто вы забыли? – Он перешел на крик. – Забыли? Сколько еще маленьких шагов нужно сделать, чтобы очутиться на краю пропасти? Порабощение человечества произошло не за одну ночь, а после целого ряда неверных решений, из-за излишнего доверия людей к мыслящим машинам.

Безногий человек глубоко вздохнул.

– Несмотря на эти ошибки мы победили злые машины и снова получили возможность гордо идти праведным путем. Единственным путем. Мы не смеем упустить эту возможность, поэтому я призываю всех вас следовать за нами! Батлерианцы нашли истинный путь, который обеспечит безопасность и позволит нам оставаться людьми.

– Мозг человека свят, – благоговейно произнесла Анари.

Манфорд указал на одно из гостевых мест.

– С нами сюда прилетел Гилберт Альбанс из школы ментатов на моей планете. Он и его ученики доказали, что нам не нужны компьютеры. Поистине мозг человека свят!

Смущаясь, очкастый глава школы ментатов неохотно встал и сказал:

– Да, достойные представители. Благодаря нашим стараниям, благодаря практике и ментальным упражнениям некоторые кандидаты проявили способность определенным образом организовывать мозг. Они могут проводить сложные расчеты и делать прогнозы второго и третьего уровня. Хорошо подготовленный квалифицированный ментат может заменить компьютер. Многие мои выпускники уже состоят на службе в благородных домах.

Манфорд повернулся к императорской ложе.

– Сестра Доротея из Россака – одна из немногих сестер ордена, ставших советниками при императорском дворе. Она может засвидетельствовать правдивость сказанного.

Женщина в черном, сидевшая рядом с императором Сальвадором, наклонила голову, когда все в зале повернулись к ней. Сальвадор удивленно посмотрел на Доротею: очевидно, он не ожидал встретить при своем дворе сторонницу батлерианцев. Женщина умело скрывала такую подробность.

Долговязая Доротея встала, поклонилась и сказала:

– Цель нашего ордена – увеличить потенциал человека. Наши тела – величайшие из когда-либо созданных машин. Применяя физические и ментальные умения, мы можем развивать свою человеческую сущность и полагаться на нее. Нам не нужны машины.

В огромном зале прозвучал громкий хриплый голос:

– Значит вы, варвары, отказываетесь от всего? Хотите вернуть нас в каменный век?

Все взгляды устремились к галерее гостей, и Манфорд с отвращением нахмурился. Директор Джозеф Венпорт с его каштановыми волосами и роскошными усами бросался в глаза. Честолюбивый бизнесмен готов был использовать любые формы технологий, приносящие прибыль.

Венпорт фыркнул.

– Хотите, чтобы мы отказались от всех достижений медицины? От транспорта? От всех примет человеческой цивилизации? Посмотрите на себя: чтобы донести до нас свои слова, вы используете усиливающее поле! Вы непоследовательны и лицемерны, Торондо, – не говоря уж о том, что невежественны.

– Пожалуйста, не доводите до абсурда! – воскликнул другой человек в рядах представителей. Торондо узнал Птолемея, представителя планеты Зенит, умеющего выступать, как профессиональный оратор. – У нас на планете коллегиальная атмосфера и бесчисленные проекты, позволяющие использовать технологии во благо человечеству. Технологии, как и люди, могут быть злыми и добрыми.

– Технологии не как люди, – холодно и жестко возразил Манфорд. – Мы знаем, какое зло приносит необузданная наука, открытия, которых вовсе не следовало делать. Мы знаем, какую боль, какие страдания принесли людям не знавшие ограничений технологии. Взгляните на радиоактивные развалины Земли и на разрушения на Коррине, вспомните тысячелетнее иго кимеков и Омниуса. – Он заговорил спокойнее, по-отечески, но в то же время угрожающе. – Разве вы не усвоили урок? Играете с огнем!

Директор Венпорт саркастически отозвался:

– Хотите заставить нас забыть об открытии огня?

По залу пробежал тревожный смех.

Анари Айдахо оскорбилась, но Манфорд держал свой гнев в узде. Не обращая внимания на дерзость Венпорта, он продолжил:

– Многие из вас беззаботно обещали сторониться технологий, но, стоит нам отвлечься, вы возвращаетесь к прежним удобствам. Помните об этом и будьте осторожны. Мои батлерианцы следят за вами.

Император Сальвадор раздраженно произнес в свой усилитель:

– Это старый спор, вождь Торондо, и сегодня нам его не решить. Ландсраад должен заниматься делами. Чего конкретно вы хотите?

– Голосования, – ответил Манфорд. Будь это его обычный митинг, к этому времени люди уже кричали бы и плакали. – Я требую голосования. Каждый представитель обязан публично, под протокол, объявить, придерживается ли он принципов, которым учила Райна Батлер. Будет ли он следовать указаниям батлерианцев и навсегда откажется от развитых технологий.

Он ожидал аплодисментов. А услышал недовольный гул со скамей представителей. Манфорд не мог понять, чего еще они ждут, почему противятся правде; эти богатые, сытые, привыкшие к удобствам люди не хотели отказываться от вещей, которые облегчали им жизнь.

В императорской ложе встревоженный Родерик что-то говорил брату, который тоже казался раздраженным. Сальвадор, собравшись с силами, провозгласил:

– Вопрос нуждается в длительном и серьезном обсуждении. Каждый представитель имеет право высказаться, и каждый должен иметь возможность вернуться на свою планету и выяснить чаяния ее населения.

Манфорд сказал:

– Одним словом я могу призвать десятки тысяч своих приверженцев, которые заполнят улицы Зимии, и приказать уничтожить все образцы техники, вплоть до маленьких карманных часов. Советую не тянуть время. – Опасливый шумок прокатился по рядам представителей. Их оскорбили его требования, но они хорошо понимали, что он может осуществить свою угрозу. – Мы не можем допустить нового века мыслящих машин.

– Этот неандерталец меня не устрасит, – взревел Венпорт, – даже если призовет толпу своих невежественных олухов.

– Прошу вас! Это вздор. Неправильные доводы. Можно обсудить... – настаивал Птолемей с Зенита, все еще пытаясь говорить спокойным тоном. Его голос заглушили крики.

Родерик Коррино выскользнул из императорской ложи. Сам император, казалось, был в панике.

– Требую голосования, – повторил Манфорд. – Каждый представитель должен под протокол объявить, встает ли его планета на сторону свободы человечества или поддерживает постепенное порабощение.

– У нас есть протокол, – сказал один из делегатов, не назвавший себя. – Манфорд Торондо – выступающий гость. Он не имеет права предъявлять требования ландсрааду. Не может требовать голосования.

Пять человек, официальные представители планет, контролируемых батлерианским движением, встали и закричали (в точности как им было приказано), требуя официального голосования. У Манфорда было много сторонников, и он все планировал заранее.

– Думаю, мы решили вопрос о протоколе. Если необходимо, я останусь здесь на весь день. Ну, император Сальвадор? Вы объявите голосование?

Лысеющему главе империи явно не понравилось, что его загоняют в угол. Он покраснел и озирался, словно ждал совета, но Родерика не было. Сестра Доротея что-то зашептала ему, но он отрицательно покачал головой.

И тут в Зале ландсраада прозвучали резкие сигналы тревоги, вызвав волну паники. В императорской ложе снова появился Родерик Коррино, что-то торопливо сообщил императору и заговорил через его усилитель:

– Дамы и господа, мы получили очень правдоподобный сигнал об угрозе взрыва бомбы. Зал ландсраада в опасности. Пожалуйста, как можно быстрее покиньте помещение.

Шум стал громче. Делегаты вставали с мест и устремлялись наружу, в зале поднялась суматоха. Анари отдала приказ носильщикам Манфорда, и они ринулись вон из зала, унося вожда в безопасное место.

Манфорд крикнул:

– Но голосование следует провести!

Мастер меча, как всегда настороженная, бежала рядом с ним.

– Если есть хоть малейшая угроза взрыва, я должна обеспечить вашу безопасность. Немедленно.

Манфорд сжал кулаки. Кто посмел угрожать ландсрааду во время его выступления? Много лет назад взрыв террориста-смертника убил Райну Батлер и лишил Манфорда ног. Он знал, что у него есть враги, но это не было похоже на их тактику.

– Заседание переносится, – говорила ему Анари. – Выступите в следующий раз.

– Я буду настаивать на этом.

Манфорд так рассердился, что дрожал всем телом. Он был убежден, что слишком уж вовремя прозвучала «угроза взрыва».

*То, что один считает пособничеством упадку человечества,
другой рассматривает как улучшение условий жизни.*

Норма Ценва. Внутренний меморандум верфей Колхара

После шумного и вздорного заседания Лиги ландсраада Джозеф Венпорт вернулся в главную штаб-квартиру «Венхолдз» на Колхаре, продолжая с негодованием размышлять над тем, что видел и слышал. Манфорд Торондо и его варвары хотят захватить великий корабль человеческой цивилизации и разбить его!

Этот безногий «полу-Манфорд» необычный вождь, но и тот старик, и Райна Батлер до него, и Серена Батлер до них – все окружены ореолом мученичества, что для некоторых, несомненно, привлекательно.

Создавая и расширяя «Венхолдз», Джозеф и его предшественники старались получить ценную коммерческую сеть, которая помогла бы империи восстать из пепла после поражения Омниуса. Джозеф хотел вознести человечество к сверкающим высотам, которые были у него отняты при господстве мыслящих машин.

С другой стороны, батлерианцы хотели утянуть человечество в мрачную трясиину трудностей и невежества. Джозеф твердо, пусть и немного наивно, верил, что батлерианская глупость

со временем рассеется, и не мог понять, как новое движение набрало такую силу. Он считал это личным оскорблением: логика и прогресс должны автоматически подавлять суеверия.

От мыслей обо всем этом Джозеф возвращался домой в мрачном настроении, но в космопорте его встретили жена Сиоба и шестеро советников, и он почувствовал, что уверенность в завтрашнем дне возвращается. Сиоба с ее суровой подготовкой, полученной в ордене сестер, была для него превосходной парой, она помогала ему управлять многочисленными отделениями «Венпорт холдингз», и всем известными, и тайными, словно хорошо поставленным танцем.

Это была поразительная женщина – красивая и сильная, с выразительными темными бровями, белой кожей и очень длинными черными волосами, которые на день, когда занималась делами, прятала под скромный шарф. Зато по вечерам, когда она выпускала свои пряди на волю и расчесывала, они ниспадали до талии.

Джозеф не был романтиком и к браку подходил по-деловому, понимая, что нужно думать о продолжении рода Венпортов. Брак выпускницы ордена с владельцем «Венпорт холдингз» определенно был выгоден ордену сестер благодаря богатству и политическому влиянию Венпорта, и орден предоставил ему для рассмотрения несколько кандидатур. Джозеф обдумал свой выбор, и Сиоба опередила всех. И за двенадцать лет брака стала бесценным деловым партнером.

У нее, внучки Кери Маркес, была определенная доля колдовской крови. Джозеф и сам вел свою родословную от Россака через Норму Ценву, чья мать Зуфа Ценва была одной из самых сильных колдуний в истории. Согласно проведенному на Россак анализу родословных двух маленьких дочерей Джозефа и Сиобы, девочки обладали огромным потенциалом; обеих отправили на Россак, где учили и воспитывали.

Джозеф вышел из шаттла и поздоровался с женой и советниками. Он не поцеловал ее, да она и не ждала: это произойдет позже; сейчас, на людях, у них другие роли. Доклад был готов, и она стремительно излагала итоги: преодоленные кризисы, срочные дела, требовавшие его вмешательства. Больше всего Джозеф ценил, что Сиоба не тратит его время впустую, отбирает только вопросы, действительно требующие его участия.

Говорила она на ходу (Джозеф шел быстро), советники добавляли необходимые данные и высказывали свое мнение. Уделяя внимание многим операциям и вложениям «Венхолдз», Джозеф старался не вдаваться в будничные подробности, подражая своей прабабушке Норме Ценве, которая оставалась в умственной изоляции, погруженная в свои мысли и едва способная общаться с обычными людьми вроде него. Возвращаясь с Салусы Секундус, Джозеф проникся ощущением безопасности и уверенностью – он знал, что «Венхолдз» в хороших руках и можно забыть о внешнем хаосе... на время.

Вокруг него на посадочных полях шло непрерывное движение: садились и взлетали шаттлы, вставали на место грузовые корабли, к кораблям двигались танкеры-заправщики. Рабочие, инженеры и дизайнеры роились в цилиндрических административных комплексах, как пчелы в ульях.

К тому времени как они добрались до его кабинета в огромном административном здании, Сиоба закончила свой отчет. Джозеф отпустил советников и закрыл за ними дверь, чтобы побыть наедине с женой. Оба сели, расслабились, но по-прежнему были сосредоточены на бизнесе.

– Так какие же дела самые срочные? – спросил Джозеф. – Что я должен подписать немедленно, а что может подождать до завтра?

– Думаю, самое срочное то, о чем я рассказала в последнюю очередь, – сказала Сиоба. – Как мы договорились перед твоим отлетом, я стала активнее искать трех бежавших членов КЭП. Одного из них обнаружила и растерзала толпа. Двое оставшихся согласны на наши условия.

– Не терплю толпы. – Джозеф помрачнел. – Хотя члены КЭП сами виноваты в своих неприятностях, я готов защитить их от тупых религиозных орд.

Волнения из-за Оранжевой Вселенской Библии лишь отчасти были связаны с батлеринским движением, но зиждились на одном и том же – суеверии и невежестве. Крестьяне с факелами.

Сиоба ровным тоном сказала:

– Не забудь, члены комиссии сами звезд с неба не хватают, вся Комиссия по экуменическим переводам состояла из глупцов. Они исходили из ложного посыла, будто можно внести рациональность и порядок в огромное многообразие противоречивых религиозных верований. Неудивительно, что люди выступили против них.

На почти забытой планете Тьюпайл Джозеф устроил тайное убежище, предлагая его всем, кто хотел бы исчезнуть, – даже повсюду поносимому Туру Бомоко, который сбежал сразу после неприятного инцидента во дворце с женой императора Жюля Коррино и последовавшего кровопролития. Только космический флот навигаторов мог добраться до этой планеты, так что Бомоко ничто не угрожало.

– Хорошо, переправь их на Тьюпайл – там их никто не найдет. Согласна?

– Согласна, так будет лучше.

Джозеф подписал разрешение на полет и пригласил жену вместе с ним навестить Норму Ценву в ее баке.

Широкое мощное поле под облачным небом Колхара было уставлено большими запечатанными баками. Изолированные плаз-иллюминаторы предназначались скорее для тех, кто хотел заглянуть в баки снаружи, чем для обитателей баков. Рабочие с висящими в воздухе левитационными канистрами переходили от бака к баку, накачивая внутрь свежий газ с меланжем. Внутри в многочисленных индивидуальных баках плавали в густых коричнево-оранжевых облаках зародыши навигаторов; их физические тела вяло покачивались, а мысли шли неизвестными путями.

Наверху кургана, построенного и украшенного как акрополь, стоял самый большой и старый бак, в котором жила Норма Ценва. Джозеф в сопровождении Сиобы поднялся по мраморным ступеням, чувствуя себя просителем, приближающимся к идолу. Его прабабушка пребывала в газообразной пряности; уже восемь десятилетий она не дышала свежим воздухом и не выходила из бака, а ее мысли странствовали по тайным тропам математики и физики. Во многих отношениях она перестала быть человеком.

Норма была невероятно умна, тело ее эволюционировало, а мозг постоянно рос, и ее потребность в меланже удовлетворить было невозможно. Навигаторы, космический флот «Венхолдз», вся концепция щитов Хольцмана и двигателей, сворачивающих пространство, – ничто из этого не появилось бы без ее невероятных прорывов.

– Никто не узнает, о чем она думает на самом деле, – сказал Джозеф жене, – но она ясно дала мне понять, что хочет увеличения космического флота «Венхолдз». Я ответил, что для нормального обслуживания всех планет империи необходимы десятки тысяч кораблей.

– Может, она хочет больше навигаторов, – сказала Сиоба. – Похожих на нее.

Джозеф, поднявшись на верхнюю ступень, улыбнулся.

– Она создает навигаторов как может быстро, но ей нужно огромное количество пряности. Я указал, что чем больше у нас кораблей, тем больше меланжа мы сможем распространять в империи... и тем больше навигаторов она сможет создать. К всеобщей выгоде.

С вершины холма они видели весь принадлежащий им космопорт и верфи. Оттуда каждый час взлетал новый корабль. Стартовые башни вздымали к небу устремленные вверх высокие шпили. Одно только расписание полетов, связывающих и обслуживающих тысячи пла-

нет империи, стало административным кошмаром, но у Джозефа над этой задачей работали тысячи специалистов, и все они размещались в одном огромном здании.

К счастью, не все корабли требовали навигаторов. Неторопливые грузовики на старомодных дохольцмановских двигателях вполне годились для перевозки не слишком важных грузов по традиционным маршрутам от планеты к планете. Такой полет занимал месяцы, но был дешев и совершенно безопасен.

Свертывание пространства позволяло совершать перелет почти мгновенно, но много лет такие корабли летали вслепую; пилоты прокладывали курс и молились, чтобы не встретить в пути никаких неожиданных препятствий. И сегодня дешевые перевозчики вроде «Селестиал транспорт» по-прежнему осуществляли такие рискованные полеты вслепую, обычно даже не сообщая несчастным пассажирам о возможной опасности. Много лет назад, в дни джихада Серены Батлер, Аврелий Венпорт предоставил для ведения войны корабли, свертывающие пространство, но на условии, что после поражения машин только его компания будет использовать эту технологию. Однако через двадцать лет после битвы при Коррино император Жюль отменил этот запрет, чтобы «развивать конкуренцию».

Джозеф не переставал сердиться из-за того, что риск и тяжелый труд его семьи были так быстро забыты, но и сам он изменился с введением новых правил. Только компания «Венхолдз» знала тайну создания и обучения навигаторов, которые вмещали в своем сознании весь космос и прокладывали безопасные маршруты сквозь свертывающееся пространство.

Плавав без тяготения в насыщенном меланжем газе, навигаторы направляли свои мысли к полям сюрреалистической физики и математики. Чем больше менялся и расширялся их мозг, тем ненасытнее становилась тяга к меланжу. Такой же неутолимой была и потребность Джозефа в новых навигаторах.

Хотя иногда Сиобе удавалось прорваться к Норме, говоря об их общих связях на Россаке, регулярно общался с прабабкой только Джозеф. Первоначально, на протяжении многих лет, посредником между Нормой и внешним миром служил ее сын Адриен Венпорт, одна из ключевых фигур в создании коммерческой империи Венпорт. Позже, когда организм начал отказывать, Адриен поддался уговорам матери отправиться в бак и преобразился в такое же существо, но Адриен был слишком стар, тело его утратило гибкость, и он утонул в меланжевом газе. Горюющая Норма много лет не сближалась с людьми – пока не появился Джозеф.

И вот он стоит перед баком. Джозеф обратился к разговорной пластине и стал ждать, зная, что порой проходит много времени, прежде чем Норма обратит на него внимание. Когда наконец Норма отозвалась из своего бака, голос у нее был призрачный, плывущий, синтезированный. Джозеф не знал, какие звуки на самом деле рождает ее голосовые связки и вообще функционируют ли они еще.

– Ты привел новые корабли? – спросила она.

Иногда Норма бывала красноречива и разумна, а иногда казалась отстраненной и непонимающей. Все зависело от того, сколько внимания она ему уделяла.

– У нас были успехи и неудачи, – ответил Джозеф.

– Нужно больше кораблей, больше навигаторов, больше пряности. Вселенная ждет.

В ответ он сказал:

– У нас не хватает навигаторов для всех кораблей. Нам нужны навигаторы, которые бы вели корабли, перевозящие пряность, чтобы создавать больше навигаторов.

Норма ненадолго умолкла, обдумывая его слова.

– Я вижу задачу.

– И больше добровольцев для трансформации, – добавила Сиоба. Это было самое слабое место. – Мало кто согласен заплатить цену.

– Награда – вся вселенная, – сказала Норма.

– Если б все было так просто, – откликнулся Джозеф.

Поистине не понимает.

Чем больше кораблей насчитывал флот Венпорта, тем больше нужно было добровольцев, которые согласились бы попытаться стать навигаторами (и могли бы выжить), чтобы служить на борту новых кораблей. Джозеф надеялся, что когда-нибудь все навигаторы будут добровольцами; пока же приходилось работать с тем материалом, который доступен.

Они с Сиобой много обсуждали это, и однажды она даже обратилась к Преподобной Матери Ракелле, но до сих пор ни одна сестра не согласилась подвергнуться трансформации. Как уговорить умного кандидата закрыться в тесной тюрьме, заполненной ядовитой газообразной пряностью, и подвергнуться кардинальным физическим и ментальным переменам? Трудная задача.

– Я делаю что могу, – сказал он. – Пожалуйста, потерпи.

– Я терпелива, – ответила Норма. – Я способна ждать вечно. – Она замолчала, размышляя, потом сказала: – Я руковожу ментальными упражнениями этих кандидатов. Из них получаются хорошие навигаторы. – Ее плоское лицо с увеличенными глазами приблизилось к иллюминатору. – Несмотря на обилие технологий, используемых нашими кораблями, свертывающими пространство, флот по-прежнему нуждается в человеческом мозге. – Она погрузилась в размышления, и Джозеф подумал, что разговор окончен, но Норма снова заговорила: – Нужно больше кораблей. Больше навигаторов. Больше пряности. Поэтому нужно больше кораблей.

Постигая, казалось бы, совершенно непостижимые проблемы, Норма не могла уследить за всеми сферами интересов огромной империи, созданной Джозефом. Неудивительно было и то, что ее больше не интересовали нюансы политики, за которыми приходилось следить Джозефу.

Он заговорил.

– Есть много кораблей, бывших кораблей-роботов, которые «Венхолдз» может переоборудовать и превратить в пассажирские и грузовые суда. В космосе плавают целые брошенные флоты, но их мы ищем наперегонки с батлерианцами. Находя корабли-роботы, они – вандалы и террористы – уничтожают их во имя своей веры.

Голос его прозвучал гневно.

– Тогда останови их, – сказала Норма. – Они не должны уничтожать корабли, которые нужны нам.

– Даже император Сальвадор притворяется, будто не видит, как батлерианцы уничтожают корабли, – сказала Сиоба. – Я думаю, он просто боится батлерианцев.

– Император должен остановить их. – Норма замолчала, плавая в баке. Джозеф чувствовал, что она встревожена. Наконец отчужденным голосом она произнесла: – Я подумаю над этим.

И отступила в сгущающийся коричневый туман.

То, каким вы видите будущее человечества: светлым или мрачным, – зависит от того, какие данные к вам поступают.

Норма Ценва

У Сальвадора Коррино выдался плохой день; он вообще не мог вспомнить, какой день за последнее время назвал бы сносным. Во многом он был виноват сам, ведь его фобии намного превосходили то, чего опасается обычный человек, но ведь правитель гигантской империи – совсем другое дело, и у него все должно быть больше, чем в обычной жизни. Измученный заботами император завидовал спокойствию и уравновешенности своего брата Родерика.

Сегодня Сальвадора преследовала адская, нестерпимая головная боль. Необходимо найти надежного врача – такого, которого он мог бы не подозревать. Никто не мог сравниться с внимательным доктором Эло Бандо, прежним главой медицинской школы Сукк: тот понимал

заботы и боли императора и предлагал много эффективных (пусть дорогих) методов лечения. Если бы только этот проклятый тип не покончил с собой!

Хотя прославленная школа переехала в новый центр на Парментьере, ее старое здание по-прежнему оставалось поблизости, в Зимии. Сальвадор приказал прислать ему лучшего врача, но они посылали разных врачей для каждой его болезни, стоило ему испытать приступ боли или вообразить у себя новую страшную болезнь. Врач за врачом, и ни один не находил у него ничего серьезного. Неучи! Сальвадор до сих пор не нашел врача, который ему понравился бы... и этот – он даже не мог вспомнить его имени – был не лучше остальных.

Он знал, что гости ждут его в банкетном зале к ужину, но Сальвадор Коррино еще не готов, и гостям придется потерпеть. Он не может идти на скучный банкет, когда боль в голове не дает ни о чем подумать.

В своей гардеробной Сальвадор бросился в мягкое кресло, а последний из присланных школой Сукк врачей склонился над ним и, напевая раздражающий мотив, налепил на лысеющую голову императора тестовую полоску. Длинные рыжеватые волосы врача были перехвачены серебряным обручем. Считаю показания с ручного монитора, он изменил тон.

- Однако у вас сильная головная боль.
- Замечательный диагноз, доктор. Чтобы узнать это, вы мне не нужны! Это серьезно?
- Пока нет необходимости тревожиться, хотя вы, кажется, похудели, сир, и бледны.
- Вы здесь из-за моей головной боли, а не из-за цвета лица и веса.

Когда отцу Сальвадора исполнилось семьдесят лет, врач из Сукк диагностировал у него опухоль мозга, но император Жюль отказался подвергнуться сложной технологической процедуре. Хотя Родерик, вечный голос разума, советовал отцу опробовать новейшее лечение, император Жюль публично поддержал антитехнологическое батлерианское движение и не подпустил к себе ученых врачей. И умер.

Сальвадор не хотел повторить его ошибку.

- Посмотрим, как это подействует.

Все еще напевая, врач ввел поправки через монитор, и Сальвадор почувствовал, как его череп пронизывает вибрация, будто мозг погрузили в успокаивающую жидкость... словно мозг кимека, хранящийся в защитной камере. Сальвадор сразу почувствовал себя лучше.

Врач улыбнулся, заметив облегчение на лице важного пациента.

- Что, полегче?
- На данный момент этого достаточно. Мне нужно на банкет.

Такое у Сальвадора уже бывало. Головная боль уходила, но потом все равно возвращалась. Император встал и вышел, не поблагодарив: этот врач вскоре исчезнет, как и его предшественники.

Как он и подозревал, гости уже сидели за столом и смотрели на пустые тарелки в ожидании первого блюда. Сальвадор переглянулся с братом и заметил, что рыжеволосая жена Родерика Хадита разговаривает со стройной императрицей Табриной. Прекрасно; по крайней мере беспокойная Табрина будет занята.

Несмотря на строгие меры безопасности во дворце, некоторые гости надели личные щиты, которые слабо мерцали в воздухе. Как предписывал обычай, щиты были и у всех членов императорской семьи, кроме мачехи императора Оренны, затворницы, не терпевшей никаких проявлений технологии.

Оренна сидела с прямой спиной, грациозная и надменная, будто вся из острых углов, а не из мягких изгибов, хотя в свое время считалась ослепительной красавицей. Ее до сих пор называли императрицей-девственницей, поскольку император Жюль ясно дал понять, что так и не закрепил их брак близостью. Болтливая Анна, младшая сводная сестра Сальвадора и Родерика, сидела рядом с Оренной; у нее с мачехой были удивительно близкие отношения, они часто проводили время вместе и делились секретами.

У Анны Коррино были короткие каштановые волосы и узкое лицо, как у императора, глаза маленькие и голубые. Хотя ей исполнился двадцать один год, она казалась гораздо моложе, психологически и интеллектуально. Настроение ее резко колебалось, как маятник на лодке в бурю, и она так и не оправилась до конца от сильной эмоциональной травмы, полученной в детстве. Но она была Коррино, сестра императора, и ее недостатков как бы не замечали.

Как только Сальвадор вошел, Анна посмотрела на него – с обидой и упреком. Точно зная, чем она обижена, император вздохнул и почувствовал, что головная боль возвращается. На правах старшего брата и императора Сальвадор положил конец недостойному романтическому увлечению девушки дворцовым поваром Хирондо Нефом. Анна никому, кроме Нефа, не позволяла готовить и приносить ей еду, но шпионы императора обнаружили, что шеф-повар доставляет его сестре не только ужин. О чем только думала эта девица?

Невозмутимый, с вежливым выражением лица, Родерик оживленно разговаривал с сестрой Доротеей, долговязой худой женщиной с чувственным кошачьим лицом. Несколько дней назад, когда Манфорд Торондо выдвигал свои требования в Зале ландсраада, Родерик с удивлением узнал, что Доротея сочувствует батлерианцам в отличие от большинства сестер с Россака. К счастью – как обычно, благодаря своему умению быстро соображать, – Родерик имитировал угрозу взрыва и помешал глупому, но опасному голосованию.

Сальвадор не любил фанатиков антитехнологии: такие ярые и ограниченные сектанты способны причинить большие неприятности. Но игнорировать их непрерывно растущее число, их рвение, их губительный потенциал он не мог. Приходилось по меньшей мере их терпеть. Возможно, Доротея способна была сыграть роль посредника, буфера между ним и харизматическим вождем.

Он не мог отрицать, что Доротея и еще десять сестер принесли двору немало пользы. Выпускницам Россака были присущи большая наблюдательность и умение анализировать, и Доротея со времени появления во дворце не раз поражала его своей проницательностью. Может, она сумеет образумить младшую сестру, прежде чем Анна попадет в еще более неловкое положение.

Старясь показать, что превосходно себя чувствует, император прошел во главу стола. Гости встали (даже Анна, неохотно), но мачеха осталась сидеть: она утверждала, что страдает от острых болей в суставах. Сальвадор научился не замечать причуд леди Оренны и ее пассивного неуважения к нему; вдова его отца заслуживала снисхождения, хотя в делах империи не играла никакой роли. Поскольку все трое детей императора Жюля были незаконнорожденные, все от разных матерей, а не от законной жены, Сальвадор полагал, что раздражение старой женщины можно понять.

Он занял свое место, и все гости тоже сели. И тотчас слуги пулей вылетели из-за ширм, где ждали. Они быстро подали аперитив и закуску с креветками и вкусными орехами хеп на листьях салата в форме звезд. Рядом с императором занял свое место служитель, который будет пробовать его еду, проверяя, не отравлена ли она.

Но Родерик взмахом руки отогнал его, наклонился и взял салат с тарелки брата.

– Я сам. – Сальвадор в тревоге протянул руку, пытаясь его остановить, но опоздал: Родерик прожевал взятое и проглотил. – Отличный салат. – Светловолосый мускулистый мужчина улыбнулся, и все приступили к трапезе. А Родерик прошептал брату: – Глупо так тревожиться из-за еды. Из-за этого ты выглядишь слабым и неуверенным. Ты ведь знаешь: я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

С досадливым вздохом Сальвадор начал есть. Да, он знал, что Родерик отдаст жизнь за него, рискнет принять яд или бросится под пули убийцы. Увы, Сальвадор знал, что, если бы обстоятельства переменились, сам он так не поступил бы. Почти во всех отношениях Родерик лучше его.

Дальше по столу громко рассмеялась императрица Табрина, и Хадита кивнула, довольная каким-то забавным замечанием. Сальвадор печально посмотрел на жену брата – не из похоти, а завидуя их отношениям. Брак Родерика с Хадитой оказался устойчивым и счастливым и привел к появлению четверых прекрасно воспитанных детей, в то время как брак Сальвадора с Табриной был лишен и любви, и детей. Несомненно, императрица была необычайно хороша, но под привлекательной внешностью таилась неприветливая требовательная личность.

Богатая семья Табрины владела шахтами и была главным производителем легких и прочных строительных материалов, жизненно необходимых для многих правительственных проектов. Сальвадор подписал контракт, по которому в случае развода ему грозили очень крупные финансовые неприятности; контракт предполагал крупный штраф даже в случае преждевременной смерти. И теперь у Сальвадора не было выхода. Скверный контракт и скверный брак.

К счастью, у него восемь наложниц – не так много для человека в его положении. У отца помимо императрицы Оренны несомненно было множество любовниц. Табрина могла этого не одобрять, но так диктовала установившаяся традиция, дающая правителю больше возможностей, чем постель без любви.

Гости негромко разговаривали, изредка бросая взгляды в его сторону. Они ждали, пока он, по обычаю, определит тему разговора. Головная боль уже вернулась.

Родерик понял намек и взял на себя обязанность брата, что Сальвадор принял с благодарностью. Пока ждали, когда подадут суп, он поднял бокал с вином и обратился к женщине с Россака.

– Сестра Доротея, ваша таинственная школа производит впечатление. Может, поделитесь с нами некоторыми истинами?

– А может, и нет. – Ее кошачьи глаза сверкнули. – Если мы будем разглашать наши тайны, зачем тогда орден?

На лицах гостей мелькнули усмешки.

Родерик наклонил бокал в ее сторону, принимая ответ, и разговор пошел о множестве школ, возникших после окончания джихада.

– Мы живем в интересное время, в пору возрождения учения – так много школ специализируются на потенциале мозга и тела человека.

Доротея согласилась.

– Важно, чтобы люди видели, как далеко мы можем уйти, если нас не угнетают мыслящие машины.

Император постоянно получал отчеты со всей своей обширной империи. Повсюду, как сорняки, вырастали школы, каждая со своей особой специализацией, сосредоточенные на разных ментальных и физических дисциплинах. Император не мог сам следить за всеми разновидностями философии и назначил для этого особых представителей. Вдобавок к сестрам на Россаке и врачам Сукк, на Лампадасе учили ментатов, и на Гиназе появились все новые мастера меча. Император также только что узнал о новой хорошо финансируемой академии физиологии на Иравоке, в которой изучали кинезиологию, анатомические функции и нервную систему. А были еще и сотни других безумных научных дисциплин. Сальвадор считал их образовательными культами.

Сальвадор пользовался каждой возможностью, чтобы при свидетелях высоко оценить действия своего брата.

– Родерик, в отличие от меня ты прекрасно развит физически. Тебе, возможно, стоило бы стать инструктором в новой академии физиологии или отбирать туда учеников.

Родерик рассмеялся и обратился к Доротее. Остальные слушали.

– Мой брат говорит не всерьез. У меня слишком много важных государственных обязанностей.

– Это верно, – с искренним замешательством согласился Сальвадор. – Ему слишком часто приходится исправлять мои ошибки.

Нервный смех. Родерик сделал пренебрежительный жест, продолжая говорить с Доротеей.

– Ваш совет, как всегда, был бесценен, сестра.

Наконец слуги начали разливать суп.

– Когда женщины заканчивают обучение, – сказала Доротея, – Преподобная Мать Ракелла отправляет большинство наших выпускниц помогать благородным семьям в Лиге ландсраада. Мы считаем, что орден сестер многое может предложить. Что касается умений, то мне особенно удастся отличать правду от лжи. – Она улыбнулась братьям Коррино. – Как, например, когда один брат ласково дразнит другого.

– В отношениях членов моей семьи нет ни игры, ни любви, – выпалила Анна, заставив всех замолчать. – Сальвадор вообще ничего не знает о любви. В его собственном браке нет любви, и поэтому он всем в ней отказывает.

Молодая женщина всхлипнула, очевидно, ожидая сочувствия. Леди Оренна погладила ее по плечу. На лице императрицы Табрины застыло каменное выражение.

Анна выпрямилась и негодуя взглянула на Сальвадора.

– Мой брат не должен распоряжаться моей личной жизнью.

– Император – должен, – прозвучал в наступившей тишине резкий голос сестры Доротей.

Прекрасный ответ, подумал Сальвадор. Теперь надо бы поделикатнее вывести Анну из зала. Он переглянулся с Родериком, и тот встал.

– Леди Оренна, не отведете ли нашу сестру в ее покои?

Анна не успокаивалась. Не глядя на мачеху и Родерика, она возмущенно смотрела на Сальвадора.

– Разлука с Хирондо не помешает нам любить друг друга. Я узнаю, куда вы его сослали, и сама отправлюсь туда.

– Ну ведь не сегодня, – спокойно заметил Родерик и снова сделал знак мачехе. Немного помешкав, Оренна встала, демонстрируя отличную осанку. Сальвадор заметил, что, когда Оренна уводила его сестру, боль в суставах никак не проявлялась. Молодая женщина при ее прикосновении поднялась, и они с подчеркнутым достоинством вышли из банкетного зала.

В наступившей неловкой тишине один из гостей с громким звоном уронил на тарелку серебряную вилку. Сальвадор задумался, как спасти вечер; он надеялся, что Родерик скажет что-нибудь забавное и смягчит напряжение. Анна причиняет все большее беспокойство. Может, следует ее куда-нибудь отослать.

В этот миг в зале раздался хлопок, и на открытой площадке, которую использовали придворные музыканты, материализовалась большая бронированная клетка. Над банкетным столом пронесся порыв ветра. Обедавшие отскочили, стража в тревоге бросилась вперед, окружив императора и защищая его. Он автоматически активировал персональный щит.

Сквозь прозрачное плаз-окно в баке Сальвадор видел оранжевый газ и неясный силуэт мутанта с огромной головой. Он сразу узнал эту фигуру, хотя теперь ее редко видели в компании других людей. За десятилетия Норма Ценва превратилась в существо, утратившее человеческий облик.

Не обращая внимания на возгласы гостей, Сальвадор встал и повернулся лицом к баку. По крайней мере это несколько не напоминает драму из-за романтической невоздержанности младшей сестры.

– Весьма необычный визит.

Когда из громкоговорителя донесся странный голос Нормы, в зале наступила тишина.

– Мне больше не нужен космический корабль. Я могу сворачивать пространство силой своего разума.

Говорила она так, словно эта возможность ее забавляла. Газообразная пряность в ее баке бурно вихрилась.

Сальвадор откашлялся. За двенадцать лет своего правления он лишь дважды разговаривал с этой загадочной женщиной. Она внушала ему благоговение и одновременно пугала, но, насколько ему было известно, никогда никому не причиняла зла своими сверхъестественными возможностями.

– Добро пожаловать к моему двору, Норма Ценва. Ваш вклад в победу над мыслящими машинами неоценим. Но зачем вы пришли сегодня? Должно быть, это что-то очень важное.

– Я больше ни с кем не связана. Потерпите, и я попробую объяснить. – Из бака на Сальвадора смотрели ее огромные, непроглядно темные глаза. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. – Я вижу осколки будущего, и я встревожена. – Она переместилась в баке; Сальвадор напряженно молчал, ожидая продолжения. – Чтобы сохранить целостность империи, нам нужна транспортная и торговая сеть. А для этого нужны космические корабли.

Сальвадор откашлялся.

– Да, конечно. У нас есть космический флот «Венхолдз», «Селестиал транспорт» и другие бесчисленные фирмы.

Все в банкетном зале молчали. Потом Норма сказала:

– В космосе брошены тысячи кораблей-машин. Они невредимы. Их можно использовать для коммерции, на благо цивилизации. Но другие группы уничтожают эти корабли, когда их находят. Толпы причиняют большой ущерб. Меня это очень тревожит.

У Сальвадора пересохло в горле.

– Батлерианцы. – Манфред Торондо присылает гордые отчеты о тысячах кораблей, разграбленных и взорванных его людьми. – Они действуют в соответствии со своими убеждениями. Некоторые находят их пыл достойным восхищения.

– Они уничтожают ценные ресурсы, которые можно было бы использовать для укрепления человеческой цивилизации. Вы должны остановить их. – Коричневые пары газа рассеялись, и стало отчетливо видно тело Нормы с его чудовищными деформациями – чахлый короткий торс с крошечными руками и ногами, с огромной головой и глазами, с почти невидимыми ртом, носом и ушами. – Или империя распадется и погибнет.

Сальвадор не знал, что ответить. Он понятия не имел, как подавить движение батлерианцев, даже если бы захотел. Но прежде чем он нашел, что сказать, Норма Ценва свернула пространство, и ее бак с хлопком потревоженного воздуха исчез из банкетного зала.

Император Сальвадор покачал головой и с принужденной веселостью сказал:

– Поразительно, на что способны эти навигаторы!

Беспристрастный наблюдатель способен узнать великое множество тайн, но я предпочитаю быть активным участником.

Эразм. Тайный лабораторный дневник

Чтобы держать мысли и воспоминания в порядке, ментат должен ежедневно тренироваться и медитировать, ему нужны одинокие, без помех, часы спокойных размышлений. У главы школы Гилберта Альбанса был особый кабинет, собственное уединенное святилище, где он мог отгородиться ото всех и сосредоточиться на усовершенствовании своего мозга. Ученики, другие преподаватели и работники администрации школы знали, что его нельзя беспокоить, когда он закрывается в кабинете.

Никто не догадывался о настоящих причинах этого уединения.

Мыслительная сфера Эразма была открыта, она лежала на полке, а независимый робот был увлечен разговором. Гилберт начал расхаживать по комнате, и Эразм заговорил:

– Ты понимаешь, что дразнишь меня сейчас, выставляя напоказ свою свободу передвижения?

Гилберт сел за стол, отбросил прядь волос со лба.

– Прости. Я буду сидеть.

Эразм усмехнулся.

– Ты ведь понимаешь, что это не решит проблему.

– Но это сохраняет тебе жизнь. Ты должен смириться с некоторыми жертвами и ограничениями, чтобы продолжать свое существование. Я спас тебя от Коррино.

– Я ценю это, но ведь с тех пор прошло восемьдесят лет.

Общение со своим старым учителем доставляло Гилберту истинное наслаждение.

– Разве не ты говорил мне, что машины бесконечно терпеливы?

– Это верно, но я не создан пассивным наблюдателем. Мне нужно провести чрезвычайно много экспериментов, чрезвычайно многое узнать об интригующих несоответствиях в поведении человека.

– Я понимаю твои затруднения, отец, но тебе придется удовольствоваться изучением материалов, которые я предоставляю, – пока мы не найдем другое решение. Я не могу оставаться здесь вечно.

Гилберт уже достиг того возрастного предела, когда даже невнимательные наблюдатели начинали удивляться его несокрушимому здоровью, тому, что он выглядит слишком молодо для своих лет, хотя он постарался состарить свою внешность. Чтобы сохранить тайну процедуры продления жизни, которой подверг его Эразм, Гилберт распространял слух, будто регулярно принимает меланж и это гериатрические свойства пряности дают ему живость, свежесть и энергию, не свойственные старости. Ведя аккуратные записи о приеме пряности, на самом деле он никогда ее не принимал. Меньше всего Гилберт Альбанс хотел, чтобы что-то заставило его выглядеть еще моложе.

Робот заговорил снова.

– Если я хочу быть ученым, то должен изучать человеческие взаимоотношения. Несмотря на досадную изоляцию, я нашел способ получать данные посредством энергетических цепей школы и ее вентиляционных систем. Располагая этими сведениями, я сумел создать более широкую сеть оптических волокон, систему глазков, чтобы следить за повседневной деятельностью твоей школы. Это захватывающе интересно.

– Если твои глазки обнаружат, батлерианцы сожгут школу.

– Нелогично, но интересно, – ответил Эразм. – Проведя изучение провокационного и поразительно непредсказуемого человеческого поведения, я вынужден согласиться с твоими заключениями.

Гилберт взял со своего стола документ, поступивший в библиотеку школы ментатов.

– Вот новый исторический труд, выпущенный батлерианцами. Его основная цель – уничтожение твоей репутации.

– Опять?

– Посмотри название – «Тирания робота-демона Эразма».

Он поднял книгу, и оптические волокна, внедренные в темные стены и потолок кабинета, считали изображение обложки тома.

Эразм снова усмехнулся.

– Название как будто не слишком объективное.

– Мне казалось, тебя интересуют аспекты пропаганды в исторических исследованиях.

– Меня всегда забавляет, как люди, почерпнувшие знания о событии вовсе не из первоисточников, способны так яростно исказить факты. Читая мемуары Агамемнона, я видел, как генерал-кимек искажает историю. Мне потребовалось много времени, чтобы понять – люди не ценят правду, она им не нужна. С другой стороны, машины очень много потеряли бы, если бы сознательно использовали для своих выводов ложные данные.

Гилберт коротко рассмеялся.

– Думаю, оскорбления тебя развлекают.

Робот подумал.

– Сотрудники моих лабораторий и домашние рабы веками ненавидели меня. Даже Серена Батлер меня презирала, а ведь она всегда была одной из моих любимиц. Только ты, Гилберт, понял мою истинную ценность.

– И даже я все еще учусь, – ответил Гилберт.

На самом деле он читал историю и знал по собственным наблюдениям, что робот действительно совершил большинство приписываемых ему ужасных поступков.

Эразм нетерпеливо велел:

– Открой книгу. Хочу прочесть, что говорят обо мне батлерианцы.

Гилберт послушно переворачивал страницы, чтобы Эразм мог просканировать и воспринять содержание.

– Ага, не знал, что у батлерианцев есть доступ к моим лабораторным журналам. Значит, после битвы один журнал нашли у Коррина? Я рад, что мои записи сохранились, хотя меня тревожит, что автор – и, вероятно, читатели этого тома – может делать столь нелепые выводы из моих тщательно исследованных данных. Думаю, я лучше понимаю страдания человека, чем сами люди, – сказал Эразм. Гилберт представил, как тот качает своей прекрасной флометаллической головой. – Но если бы ты смог найти мне подходящее тело, я бы продолжил свою работу.

– Ты знаешь, что сейчас это будет неразумно.

Хотя он любил независимого робота за невероятные возможности, которые тот перед ним открыл, Гилберт был очень осторожен и старался уберечь Эразма. При всем своем уме Эразм не вполне сознавал, с какими опасностями столкнется, если обнаружит свое присутствие. Вдобавок Гилберт не очень доверял ему – как знать, что он вздумает делать.

– Жаль, что люди создали такой хаос, – сказал Эразм, изображая долгий глубокий вздох. – На протяжении тысячи лет правление машин было весьма успешным и прекрасно организовано. Боюсь, галактика больше никогда не будет прежней.

Гилберт захлопнул «Тиранию робота-демона Эразма».

– Не спорю, но ты упускаешь ключевой факт.

– Ключевой факт? – Эразм как будто обрадовался. – Ну-ка поделись.

– Бесполезно критиковать людей за восстание, катализатором которого стал ты сам. Непосредственной причиной падения империи машин был ты. Лично.

Эразм как будто обиделся.

– Как это? Возможно, я и внес небольшую лепту, сбросив ребенка Серены с башни...

– Во всех отношениях, – возразил Гилберт. – Если бы не ты, машины не потерпели бы поражение. Ты бросил вызов Омниусу, поставив под вопрос верность людей-рабов, которые ранее не оказывали организованного сопротивления. Ты предположил, что сможешь заставить надзирателей выступить против машин. Ты посеял семя восстания.

– Это был интересный эксперимент, – сказал Эразм.

– Уничтоживший Синхронизированную империю. Без тебя Иблис Джинджо не смог бы организовать свои мятежные ячейки и даже не задумался бы о захвате миров Омниуса. Когда ты убил младенца-сына Серены Батлер, сбросив его с балкона перед многочисленной толпой, ты высек искру на трут, который сам же подложил.

– Необычное заключение. – Эразм, казалось, замялся, потом признал: – Если посмотреть с этой точки зрения, возможно, я несу ответственность.

Гилберт встал из-за стола.

– Думай об этом, отец, когда тебе будет здесь одиноко и тревожно. Если бы ты вел себя осторожнее, империя машин, может, и устояла бы. А поскольку ты единственное, что от нее осталось, и я о тебе тревожусь, я намерен быть особенно осторожным.

Он снова запер сферу памяти робота в тайном шкафу, убедившись, что все запоры и замки на месте. И пошел наставлять учеников, как упорядочивать мысли по образу и подобию мыслящих машин.

История вспоминает меня со страхом, ужасом и ненавистью. Мне все равно – лишь бы не забывали.

Генерал Агамемнон. Новые мемуары

Мастер меча Эллюс вел небольшую группу охотников-батлерианцев, чувствуя себя скорее падальщиком, чем хищником. Омниус и силы роботов были полностью разгромлены, и даже их дезактивированные останки не представляли никакой опасности; уничтожены были и мятежные кимеки, от них остались только мертвые ходячие машины и пустые тайные станции.

Но все это еще предстояло зачистить.

В ледяных развалинах крепости кимеков на Хессре исследователи-люди обнаружили базу данных знаменитого титана Юноны; в этих записях имелись данные о расположении множества тайных баз кимеков, и Манфорд приказал все их уничтожить, чтобы базы не попали в руки алчных людей вроде Джозефа Венпорта. Эллюс и его охотники методично проверяли каждую группу координат из записей с Хессры и превращали базы машин в дымящиеся развалины. Миссия обещала продлиться полгода, а то и больше, и все это время он будет вдали от штаб-квартиры батлерианцев, лишь изредка представляя отчеты о своих достижениях.

В годы безжалостной муштры на Гиназе Эллюс и Анари Айдахо, товарищи, соперники, иногда любовники, увлеклись легендами о славном джихаде Серены Батлер. Пленные рассказы об этих героических днях, они с Анари жаждали сразиться с армиями боевых роботов или яростных ходящих кимеков... но родились с опозданием на сто лет. Им оставались лишь операции по ликвидации остатков... но и эту работу необходимо было сделать.

Его разведывательный корабль прибыл на очередное место – покрытый кратерами, лишенный атмосферы камень, который с трудом можно было назвать планетой. Роботам атмосфера не нужна, а мозг кимеков в защитном корпусе мог жить где угодно. Если бы эта система не была отмечена в тайных записях кимеков, никто бы не потрудился заглянуть сюда.

– Сканируйте все и глядите в оба, – сказал Эллюс своим товарищам-батлерианцам. – Ищите искусственные сооружения. Что-то здесь должно быть.

Эллюс много лет учился на Гиназе сражаться пульсирующим мечом с боевыми меками. Они с Анари уничтожили множество механических противников и чувствовали себя гладиаторами на древней арене. Но все это было только представлением. Мыслящие машины давно уже уничтожены.

Мастер меча мечтал найти все еще функционировавшую базу, битком набитую злобными мыслящими машинами – достойными противниками для человека с его боевой подготовкой. Все равно что перевернуть камень и увидеть землю, кишущую маленькими черными жуками. Но эту свою мечту он ни с кем не обсуждал. Даже с дорогой Анари.

Эллюс чувствовал себя одержимым, но в то же время сохранял хладнокровие и уверенность в себе. Каждый шаг приводил батлерианцев к уничтожению последних остатков мыслящих машин, хотя и не к тому, чтобы забыть о них. Что они будут делать, когда ничего не останется? Когда мыслящих машин не станет, движение утратит цель. Если нет врага, разве мы создаем нового? Приверженцы Манфорда не смогут просто бродить повсюду, круша все, в чем есть электроника или движущиеся части, – это было бы глупо и опасно: со временем пришлось бы ликвидировать собственные космолеты.

Корабль летел над суровым пейзажем; солнечные лучи превращали утесы и каньоны в грозный рельеф. Члены группы Эллюса: шесть батлерианцев и еще два мастера меча – смотрели в иллюминаторы.

– Есть, сэр! Слева от этого кратера!

– Клянусь богом и святой Сереной, похоже, здесь уже прошла война, – сказал Алон, один из двух мастеров меча, приданных группе.

Эллюс увидел блеск металлических куполов и жилых модулей – явно станция или база. Несколько куполов разбиты, скалистый ландшафт усеян кратерами, окруженными кольцами выбросов. Это скорее результат взрывов, чем давнишних столкновений. Повсюду разбросаны разбитые ходячие меки, их крабьи конечности оторваны или погнуты. На дне кратера лежат рухнувшие туда штурмовые корабли-роботы.

– Должно быть, это произошло во время гражданской войны между кимеками и Омниусом, – сказал Эллюс. Здесь была тайная база кимеков, отсюда выходили боевые роботы. Он внимательно смотрел на вид внизу. – Похоже, стороны уничтожили друг друга.

– Будем надеяться, что нам оставили что-нибудь для уничтожения, – рассмеялся мастер меча Алон. – Иначе долгая дорога была напрасной.

– Если здесь что-то осталось, мы от него избавимся. – Эллюс повернулся к пилоту. – Найди место для посадки, чтобы мы могли войти.

Центр базы казался относительно целым, корабль сумел приземлиться у самого входного шлюза. Внутри царил холод, но, как ни удивительно, атмосфера годилась для дыхания. Энергия еще есть, и системы жизнеобеспечения работают.

– Все на выход для участия в операции, – приказал Эллюс.

Всем хотелось получить свой шанс.

– Здесь, должно быть, проводили опыты над людьми, – заметил Келиан, третий мастер меча. – Иначе не заботились бы о тепле и воздухе.

– Если найдем внутри записи, может быть, узнаем, что здесь делали кимеки и что случилось во время боя, – сказал один из батлерианцев. Эллюс не потрудился узнать их имена.

Он резко, деловым тоном и громко произнес:

– Все это нас не интересует. Просто нужно уничтожить это место, потому что оно опасно по своей природе.

Он содрогнулся, подумав, что будет, если какой-нибудь честолюбец вроде Джозефа Венпорта найдет это место и постарается восстановить отвратительную работу кимеков.

Проникнув внутрь базы, батлерианцы принялись бродить по ней, уничтожая все на своем пути. Точные приказы им были не нужны.

Мастер меча обнаружил лабораторные журналы станции; они хранились в лишенных разума компьютерах, и батлерианцы уничтожили все, не читая. На полках и в кладовых обнаружилось множество образцов замороженных тканей, препарированного мозга, электросхемы в геле, резервуары с блестящим электролитом.

Полное разрушение заняло много часов. Эллюс мог бы разбомбить станцию со своего охотничьего корабля, но он считал, что все нужно делать правильно и тщательно, к тому же получая эмоциональное удовлетворение, о котором можно будет доложить вождю. В свои отчеты Манфорду Эллюс включал все подробности, какие мог вспомнить, чтобы вождь батлерианцев мог представить себе все до мелочей.

Разрушение продолжалось; Эллюс и два других мастера меча прошли в центр комплекса, кошмарное помещение, где теснились сверкающие запрещенные механизмы и компьютерная техника. Иней, похожий на вплавленную в стекло гемму, покрывал внутреннюю поверхность окна в толстой двери, за которой скрывалось какое-то помещение. Эллюс наклонился, гадая, над какими еще ужасами могли работать кимеки, и через заиндевевшее окно всмотрелся в большой холодильник. Может, у мыслящих машин была какая-то особая причина уничтожить это место?

Внутри он увидел две фигуры: мужчину и женщину. Без браслетов на запястьях, без наручников, какие бывают у пленников. Оба неподвижны, одеты тонким панцирем инея.

Эллюс подозвал Алону и Келиана и принялся изучать приборы управления, чтобы понять, как легче вскрыть замок. Вооруженные дубинами и ломом мастера меча не смогли выломать массивную дверь. К счастью, даже Эллюс немного разбирался в технике, а приборы управления оказались уступчивыми, может, даже намеренно, словно в компьютерной системе по-прежнему жил какой-то мелкий демон, стремящийся навредить. Через несколько минут дверь холодильника открылась, и изнутри вырвался пропитанный химическими запахами воздух. Эллюс затаил дыхание, опасаясь, что газ может оказаться ядовитым, но запах быстро рассеялся.

Внутри зажглись холодные немигающие лампы, осветив замороженных мужчину и женщину. Оба лет двадцати, стройные, очень красивые, темноволосые, с тонкими чертами лица, с бровями и губами, покрытыми инеем. Оба обнажены.

Эллюс почувствовал тяжелое отвращение.

– Бедняги. Должно быть, жертвы эксперимента.

Келиан сказал:

– Манфорд хотел бы, чтобы мы похоронили их достойно.

– Мозг человека свят, – подхватил Алон.

Словно не согласные с признанием их мертвыми, молодой человек и женщина одновременно открыли серые глаза. Их взгляды блуждали, потом сфокусировались. Оба вздрогнули, передернули плечами и шумно вдохнули. Эллюс ахнул и подскочил к женщине, чтобы подхватить, прежде чем она упадет, но женщина с неожиданной силой отстранила его и выпрямилась, как стрела.

Молодой человек шагнул вперед и тряхнул головой, словно избавляясь от паутины.

– Долго же мы ждали. Прошли десятилетия... или столетия?

– Мы освободили вас. Теперь вы свободны, – сказал Эллюс. – Кто вы?

Заговорила женщина:

– Я Хайла, а это мой брат-близнец Андрос.

– Теперь мы свободны? – спросил мужчина.

Мастер меча вывел их из холодильника.

– Да, свободны, мы вас спасли, – сказал Эллюс.

Келиан добавил:

– Омниуса и мыслящих машин больше нет. Кимеки уничтожены, все до одного. Мы победили! Вы в безопасности, ваш долгий кошмар завершился.

Близнецы переглянулись и наклонили головы, словно прислушиваясь. Из других комнат доносились грохот и звон: это батлерианцы бессмысленно крушили машины и компьютеры.

– К счастью, мы нашли вас вовремя, – сказал Эллюс. – Скоро мы полностью уничтожим эту базу.

Глаза Андроса сузились, лицо стало напряженным.

– Нельзя этого делать.

– Мы навещаем все известные базы и уничтожаем следы ужасов правления кимеков, – сказал мастер меча Алон. – Это наша миссия. Когда растопчем последние остатки, мрачные воспоминания навсегда перестанут нас тревожить.

Рябь гнева смерчем пронеслась по лицу молодого человека. Его светлая кожа заблестела и приобрела металлический оттенок, словно под ней переливалась ртуть. Андрос вытянул руку, которая стала твердой, как сталь, и, нанеся боковой удар ребром ладони, обезглавил мастера меча.

Не успела кровь хлынуть из перерубленного горла Алон, как начала действовать молодая женщина. Она кулаком ударила Келиана в грудь, пробила грудину, и кулак вышел из спины.

Эллюс успел выхватить меч, и Хайла бронированной рукой парировала его удар. Удар получился звонкий, от неожиданной отдачи Эллюсу едва не вывернуло руку. В Гиназе он сра-

жался с самыми совершенными боевыми меками, сэнсэй тренировал его на самых сложных и редких приемах, найденных в памяти роботов. Но никто не готовил его к встрече с подобными близнецами.

Молодая женщина обеими руками схватила меч Эллюса и переломила напополам, потом нанесла сильный удар в основание шеи, сломав позвоночник и парализовав мастера меча. Эллюс упал на пол, еще живой и в сознании.

В миг, когда он упал, в комнату вошли трое раскрасневшихся возбужденных батлерианцев. Улыбаясь, Андрос подошел к ним и принялся одну за другой отрывать руки и ноги.

Хайла остановилась над парализованным Эллюсом, глядя на него; лицо у нее было молодое, прекрасное и совершенно нечеловеческое. Мастер меча слышал крики: это Андрос приканчивал троих батлерианцев; потом он устремился на поиски остальных. У людей не было ни шанса.

Хайла наклонилась к Эллюсу и сказала:

– Мы дети Агамемнона. Мы с братом провели здесь много десятилетий, нам нечем было заняться, только ждать. Теперь, прежде чем я тебя прикончу, скажи точно, что произошло за минувшие годы. Нам нужно знать.

Мастер меча крепко сжал губы.

В соседнем модуле послышались ужасные крики, они отражались от изогнутых металлических стен.

– Рассказывай, – сказала Хайла, вытянула указательный палец и принялась играть с глазом Эллюса.

Рабство может принимать разные формы. Одни из них открытые, другие скрытые. Но все предосудительны.

Вориан Атрейдес. Дневники наследия. Кеплеровский период

Рынок рабов на планете Поритрин занимал огромный участок на влажной грязной равнине реки Исана.

Вориан испытал отчаяние, увидев множество садящихся и взлетающих кораблей и толпы на рыночной площади. Найти определенную группу пленников в этом множестве было почти невозможно, но ведь он вел длившуюся много десятков лет борьбу с Омниусом, и человечество победило, несмотря на соотношение сил. Да, он найдет своих людей.

Но потребуются немалые усилия.

Поритрин давно специализировался на покупке и продаже рабов. Во время крестового похода против мыслящих машин население многих планет отказывалось присоединиться к борьбе; люди уклонялись от участия в самой важной битве человечества. И поэтому другие люди считали себя вправе заставлять пацифистов работать ради всеобщего блага.

Но теперь джихад закончился, мыслящие машины побеждены. Обходя шумные толпы, Вори не мог найти оправдания рабству, но эта практика продолжалась. Слишком много денег и сил было вложено в эти операции; некоторые планеты империи все еще зависели от рабских рынков. Рабство морально устарело, но оставалось выгодным. Вори, однако, знал, что анти-технологическая лихорадка имела неожиданное следствие – новое оправдание рабства. Из-за расширяющегося батлерианского движения многие планеты наивно отказались от сложных механизмов, и теперь им требовалась рабочая сила. Вориан знал, для некоторых рабы предпочтительнее машин.

За свою жизнь Вори побывал на очень многих планетах. Сколько их было, он даже не помнил. В молодости он сопровождал по всем синхронизованным мирам обновленный корабль робота Сеурата, доставлявший копии сверхмозга Омниуса. Перейдя на сторону Лиги планет, он свыше ста лет сражался с мыслящими машинами на многих планетах. Именно здесь,

на Поритрине, он разработал план строительства гигантского флота из поддельных кораблей – и эта уловка устранила флот Омниуса. Хитрость сработала на удивление хорошо.

Он много-много лет не был на Поритрине.

Как второстепенное событие в ходе джихада Серены Батлер, на этой планете произошло грандиозное восстание рабов, вылившееся в огромные разрушения. Псевдоядерные взрывы уничтожили большую часть города Старда; при этом погиб легендарный ученый Тио Хольцман, что нанесло тяжелый удар обороне человечества.

Но взрывы лишь расчистили часть большого города. Теперь равнины вымощены, почва сплавлена, воду пустили по каналам. И на освобожденной площади возник целый паноптикум временных сооружений, куда работоторговцы привозили свой товар, предлагали покупателям, потом снимали палатки и улетали за новым товаром, а место тут же занимали другие продавцы. Повсюду предлагали жилье, еду, наркотики, услуги массажистов, проституток и ростовщиков.

Вори печально подумал: ничего не изменилось.

Он шагал по Новой Старде, растворившись в толпе, пристально за всем наблюдая и разрабатывая схемы поиска. Он изучал структуру и размеры площади. Его окружали грязь, запахи и звуки города, и, когда он шел по улицам и переулкам, казалось, что он по-прежнему ведет неравный бой с меками.

Вори тосковал по тишине и спокойствию уединенного Кеплера, по охоте в холмах за птицами-горнетами. Он охотился ради семьи, друзей, соседей, приносил им мясо. А сейчас все они здесь пленники – конечно, живые, ведь мертвые рабы никому не нужны. Нужно найти их быстро, прежде чем их разобьют на группы и продадут десяткам разных покупателей. Он во что бы то ни стало освободит их, привезет с собой назад... и найдет способ защитить планету, которая стала ему родной за последние полстолетия.

Во время полета с Кеплера, вспоминая снимки, разложенные Мариеллой на столе, Вори старательно составлял список своих сыновей и дочерей, взрослых внуков, их супругов, соседей, фермеров из долины, отсутствующих друзей – всех, кого мог припомнить. Он хотел быть уверен, что никого не бросит.

Бродя по рынку рабов, он наткнулся на коротышку продавца, который сидел на прилавке. Когда Вори показал список имен, продавец поджал губы и удивленно посмотрел на него.

– Ваша первая ошибка, сэр: вы считаете, что мы записываем имена отдельных рабов. Те, кого мы предлагаем на продажу, не личности с разными именами. Они просто орудия, которые должны выполнять работу. – Он приподнял брови. – Вы ведь не даете имени молотку или лому?

Вспоминая, как составлял подробные планы боев Ксавьер Харконнен, Вори отправился в поритринское туристическое бюро, где гиды рекламировали туры по каньону вверх по реке или полеты на цеппелинах над открытой равниной. Он надеялся, что в этой правительственной конторе есть план рынка, или, возможно, его карта, а то и путеводитель по нему, но улыбающийся сотрудник ничем не смог ему помочь.

Вориан Атрейде продолжал расспрашивать и раздавать взятки. За столетия он сколотил большое состояние, размещенное на различных счетах по всей империи. Само по себе богатство мало для него значило, поскольку у него было все необходимое и он вел отнюдь не экстравагантный образ жизни. К счастью, новая банковская система, предложенная корпорацией «Венхолдз», объединила все эти счета, так что у Вори был доступ к своим средствам. Ему хотелось быть щедрым, но чрезмерная щедрость, в свою очередь, вызывала вопросы.

Несмотря на усиливающуюся тревогу, преследуемый образами людей, с которыми жил на Кеплере, вспоминая социальные переплетения, сделавшие его жизнь такой полной, он решил попробовать другой подход – рассуждать, как делец, а не как пострадавший. Вориан Атрейде обманывал целые армии мыслящих машин, неужели не проведет кучку работоторговцев?

Слоняясь среди запруженных народом торговых площадей, высокий темноволосый мужчина обратился к одному из стражников драконовой службы, охранявшей рынок.

– Я заплачу за точную, проверенную информацию. Я осуществляю на своей планете в исключительно трудных условиях – жара и влажность – грандиозный строительный проект. Вы ведь можете узнать, откуда прилетели рабы? Мне не нужны рабочие с холодных или сухих планет. Я провел исследование; мне нужны люди, привычные к нашему климату, или за неделю я потеряю половину рабочих.

Стражник поджал губы.

– Я понял, сэр. На Новой Страде как раз идет процесс составления списков рабов с указанием привычной для них среды. Увы, сами списки застряли в комитетах и сейчас недоступны.

Он пожал плечами.

Вори понял дразнящий намек и заминку как просьбу о взятке, и предложил деньги. Стражник почесал лицо, словно в поисках решения, хотя оно у него уже было.

– Я знаком с одной женщиной из администрации порта... у нее есть доступ к данным о выгрузке рабов. Такие сведения мы обычно не предоставляем, но, если вы назовете мое имя... и заплатите сколько сочтете нужным, она позволит просмотреть данные на все недавно прибывшие корабли с рабами.

Вори сохранял хладнокровие, хотя его сердце забилося чаще. Он видел на Кеплере три корабля работорговцев; возможно, их удастся найти в документах.

Стражник ловким движением спрятал деньги.

– Вам придется немного потрудиться, зато найдете информацию о планете и подберете нужных рабочих.

В космопорте Вори пришлось дать еще три взятки, только чтобы найти нужную ему женщину, а потом еще больше, чтобы получить доступ к декларациям прибывших кораблей. Деньги не имели значения; он был готов платить сколько необходимо. В молодые годы они с Ксавьером пытались добывать сведения, добываясь справедливости, но, как ни смешно, этот метод более цивилизованный, хотя и более дорогой.

Он не мог перевернуть весь мир или отменить давно сложившийся уклад. Вид длинных списков рабов надрывал ему сердце. Всех этих пленников вырвали из дома на сотнях плохо защищенных планет; у них остались семьи, горюющие так же, как он. Но Вориан Атрейдес один, и его крестовые походы позади. Сейчас он предпринял личный крестовый поход ради спасения людей, которых любит.

Когда он просматривал длинные списки, удивило количество кораблей работорговцев. Он сомневался, что даже в дни расцвета Салусы Секундус в столице Лиги было такое движение. Работорговля явно не пребывала в упадке.

Через несколько часов он нашел то, что искал: группу из трех кораблей, по документам прилетевших с Кеплера. В записях были их изображения, сделанные из соображений безопасности, и он узнал корабли, севшие на полях и обрушившиеся на деревню залп из станнеров.

Он стиснул зубы, сдерживая гнев; он жалел, что раненый работорговец не прожил немного дольше и он не смог узнать подробностей о капитанах и экипажах. Но и с имеющимися сведениями он разработал план.

Прежде всего: вернуть своих людей в безопасное место, всех. Во-вторых – эта цель сулила больше удовольствия – уничтожить работорговцев. Если все хорошо обдумать, можно осуществить обе цели.

Он не спеша купил новый облегающий костюм и теперь выглядел преуспевающим бизнесменом с Пиридо. Он даже купил маленькую, хорошо обученную комнатную собачку в украшенном драгоценными камнями ошейнике; потом Вори пошел через рынок к нужному прилавку, а собачка радостно бежала рядом с новым хозяином. К тому же он нанял четверых молодых людей, чтобы они сопровождали его в качестве свиты, купил им соответствующую одежду и строго наказал ни с кем не разговаривать.

Свераясь с купленной картой рынка, они прошли к торговым площадкам близ того места, где держали живой груз. Заметив возле торгового района три корабля, Вори сразу их узнал: он видел, как они взлетали с Кеплера, нагруженные рабами.

Да, он нашел нужное место.

Войдя в образ, он принял надменный вид и уничтожающе посмотрел на человека с толстыми губами и тонким голосом, который пытался помешать ему пройти прямо к загонам с рабами.

– К рабам не разрешается подходить близко, сэр. Они ценная собственность.

– Тогда, мой добрый друг, вы не знаете, как делаются такие дела, – усмехнулся Вори. Он знал, что его люди здесь, за изгородью, и напрягся, готовый убить этого человека, если понадобится. Но, если он освободит пленников и попробует сбежать с ними, далеко им не уйти – не здесь, на Поритрине. Поэтому он продолжал притворяться. – Если я собираюсь купить всех этих рабов, я должен проверить, здоровы ли они. Слабые, больные и грязные рабы мне не нужны. Они загаят мою планету! Откуда мне знать, что они не заражены солитерами чусук? Или кровавыми фурункулами?

Толстые губы работорговца хмуро обмякли.

– Не волнуйтесь, у них полный медицинский допуск. Мы хорошо о них заботимся – за весь полет с Кеплера потеряли только двоих.

– Только двоих? Хм. – Вори старался сдержаться, не выразить отвращения. Кто эти двое? Его дочь Бонда? Его внук Брэндис? Имена мелькали в памяти. Двое мертвых плюс десять сопротивлявшихся при захвате... люди, которых он знал и любил. Его насмешка не была деланной. – По-моему, это позор. Не помню, чтобы космический флот «Венхолдз» или «Селестиал транспорт» теряли пассажиров во время перелетов.

Хмыкнув, работорговец сверху донизу осмотрел дорогой костюм Вори, его четверых сопровождающих и декоративную собачку.

– Любая грузоперевозка связана с определенным процентом повреждений. Этих рабов выставят на продажу завтра утром. К тому времени мы их помоем.

– И накормите, полагаю?

– Они будут готовы к продаже.

Работорговец явно не собирался подпускать их ближе, поэтому Вори стал изучать организацию охраны кораблей. Потом кивнул свите и слегка потянул за поводок; собачка повернулась и пошла рядом с ним.

– Вернусь завтра утром.

Он снял комнату, пообещал четверым молодым людям заплатить еще раз, если они и завтра присоединятся к нему, и засел в комнате, продолжая просчитывать ходы. Довольная собачка сидела у него на коленях. Дважды Вори ловил себя на том, что гладит маленькое существо, которому отказался давать имя, поскольку оно было всего лишь орудием.

Приземлившись на Поритрине в Новой Страде, работорговцы строго охраняли свой живой груз, но пустые корабли представляли собой легкую добычу. В молодые годы Вори с Ксавьером Харконненом провели бы боевую операцию, бросив в атаку на корабли работорговцев бронированных солдат. Вори без малейших угрызений совести перебил бы капитанов и экипажи, освободил рабов и, может быть, еще сотни других. Хулиганский погром с использованием скорее мышц и тестостерона, но не мозга.

Однако это была дурацкая мысль и не самый надежный способ обеспечить безопасность любимых людей. Вори дивился, как им с Ксавьером удавалось тогда выживать. Сейчас он не мог решиться на такую дерзость – слишком многие его люди могли пострадать, поэтому он решил поискать более практичное и надежное решение.

Только убедившись, что его семья и друзья свободны, он задумается и о возможности погрома...

На следующее утро Вори в сопровождении изнеженной собачки и четверых молодых людей в одежде с Пиридо явился к началу торгов. Они пробились в первый ряд через толпу, состоящую из зрителей, инвесторов и даже горстки зевак, которым нечем было заняться, кроме как смотреть на несчастных рабов, переходя с аукциона на аукцион. Этим утром в Новой Страде их проводилось множество, и окружающие не видели ничего необычного именно в этих торгах.

Аукционист призвал толпу к порядку, и мускулистые охотники за рабами вывели свою добычу на площадку, висящую в воздухе на высоте двух метров. Вори смотрел, как выводили и выстраивали рабов; все они были связаны и выглядели унылыми. Сам он внешне теперь настолько изменился, что едва ли кто-нибудь узнал бы его. Собака залаяла, потом ее лай утонул в шуме толпы.

Вори узнал многих, и в его душе поднялась целая буря чувств. Его разгневал вид людей в таком положении, но в то же время он радовался, что они живы, и был полон решимости вернуть их домой, к нормальной жизни. Люди действительно были чистыми – но истощенными. Он заметил синяки на бледной коже, но явных признаков жестокого обращения не было. Он увидел свою любимую племянницу Дину, которая сама уже стала матерью, увидел своих сыновей Оренна и Клара, дочь Бонду и ее мужа Тира, увидел десятки других. Нужно будет сопоставить увиденное с перечнем похищенных с Кеплера – если понадобится, он разыщет всех, кого нет, но надеялся, что явился вовремя.

– Начинаем торги с шести тысяч соляриев, – сказал аукционист, и кто-то сразу принял эту цену. Второй покупатель предложил семь тысяч. Еще один под восторженные возгласы поднял ставку до десяти тысяч. Вори ничего не сказал, выжидая. Постепенно ставка дошла до пятнадцати, а потом и до двадцати тысяч. Затем кто-то предложил, чтобы рабов разбили на группы и продавали каждую группу отдельно. Покупатель пообещал вознаграждение, но только за здоровых мужчин.

Вори понял, что пора действовать. Не давая аукционисту обдумать предложение, он сказал:

– Тридцать тысяч соляриев за всех, с тем чтобы немедленно забрать лот.

Он мог бы предложить меньше, но хотелось наверняка.

В толпе раздались изумленные возгласы. Четверо молодых людей удивленно посмотрели на Вори; один из них проказливо улыбнулся, уверенный, что это часть какой-то грандиозной аферы.

– Вы можете повторить, сэр? – с уважением спросил аукционист.

– Тридцать тысяч соляриев, но только за всех, и я немедленно вступаю во владение. Всех без исключения. – За такую сумму можно было купить целый материк на какой-нибудь отсталой планете. – Или вы продолжите тратить мое время?

Пленники с Кеплера на платформе зашевелились, начали переговариваться, глядя на того, кто назвал сумму... на человека, который станет их хозяином. Его дочь Бонда узнала Вори, как только он назвал сумму; он видел это по ее глазам.

Аукционист немного подождал, хотя никто не думал, что предложат больше.

– Продано – джентльмену с собакой – все рабы с планеты Кеплер.

После того как стихли аплодисменты и Вори заплатил за рабов, он решил, что пора поставить точки над i.

– Немедленно освободите их, развяжите. – Работоторговцы медлили, но он напомнил: – Теперь они моя собственность, и я могу с ними делать все, что захочу.

– Это может быть опасно, сэр. – Аукционист поднял руку, призывая драконовых стражников. – Они стали рабами недавно, их еще не обучили и не вымуштровали.

Передав собаку одному из своей свиты, Вори подошел к краю висячей платформы и забрался на нее.

– Если понадобится, я сам их развяжу.

Не обращая внимания на сердитое ворчание, он кинжалом перерезал путы двух ближайших пленников – своим обрадованным сыновьям Орену и Клару.

– Неужели я все должен делать сам? Мне придется уменьшить плату из-за неудобств.

Дюжие работоторговцы принялись торопливо освобождать пленных.

А Вори, повернувшись, крикнул собравшимся:

– Столетиями мыслящие машины поработали наших мужчин и женщин, и мы пожертвовали половиной человечества ради свободы. Однако вы – все вы – увековечиваете рабство. Сейчас вам следовало бы лучше понимать, что такое свобода.

Пленники бросились к нему – друзья, семья, соседи; одни плакали от радости, другие недоверчиво сохраняли суровое выражение лица. Вся группа сошла с платформы и остановилась отдельно от толпы.

Сыновья обнимали его, соседи плакали. Вори отпустил нанятых молодых людей и передал поводок Бонде.

– Дарю тебе нового любимца.

Жители Поритрина не согласились с мнением Вори о рабстве, но уплаченные им деньги решили все проблемы, какие могли бы возникнуть. Он на время поселил всех освобожденных в меблированных комнатах, давая возможность отдохнуть, умыться и праздновать, пока сам изучает расписание полетов и подбирает безопасный маршрут для возвращения на Кеплер. Через два дня отправлялся свертывающий пространство корабль корпорации «Венхолдз», и Вори купил места для всех. Через неделю они будут дома.

Он поручил Бонде проверить все имена по списку, с грустью отметив двух умерших в пути. Это были супруги, жившие на ферме недалеко от дома Мариеллы.

Даже среди объятий и радости Вори мыслями пребывал в дальнейшей реализации задуманного. Оставив общественную деятельность, он хотел только одиночества и мира. Теперь ему предстояла работа. Убедившись, что все наконец в безопасности, он выскользнул в ночь.

Он проводил освобожденных рабов в космопорт, желая собственными глазами убедиться, что они поднялись на борт, и зная, что они уже в пути.

Накануне ночью произошла крупная авария, и в космопорте царил кавардак. Три корабля работоторговцев, захватившие добычу на Кеплере, сразу после продажи рабов оформили документы на вылет и вскоре после заката поднялись в небо; грузовые трюмы их были пусты и ждали нового груза. К несчастью, из-за странного одновременного сбоя в двигателях и неправильной смеси горючего все три корабля взорвались в небе над Новой Стардой. Трагическая авария.

Вори был там один и наблюдал. Все смотрели с ошеломлением и ужасом, только он улыбался.

Теперь Бонда одной из последних поднималась на борт. Она прижимала к себе собаку, которую успела полюбить. Вори повернулся к ней и сказал, понизив голос:

– Передай матери, что я вернусь, как только смогу.

Она удивленно посмотрела на него.

– Что? Ты не летишь с нами? Ты нужен на Кеплере!

Рядом стоял ее муж Тир.

– Что если работоторговцы прилетят снова?

– Именно это я и хочу предотвратить. Мне нужно кое-что сделать до возвращения домой. Может, тогда Кеплер станет более безопасным.

– Но... куда ты? – спросила Бонда.

Собачка у нее на руках лизнула ей щеку.

– На Салусу Секундус, – ответил он. – Я намерен поговорить с самим императором.

Единственная хорошая машина — мертвая машина.

Манфред Торондо. Выдержка из речи на Лампадосе

В Зимии было много памятников, сделанных из частей разбитых боевых кимеков, и императору пришлось приставить охрану, чтобы их не разгромили батлерианцы. И хотя эти памятники символизировали победу над машинами, антитехнологическое движение стремилось уничтожить все напоминания... все «соблазны», как они это называли.

Хотя джихад закончился сто лет назад, Родерик Коррино понимал необходимость дать народу возможность выплеснуть гнев и убедил брата устроить официальное мероприятие, призванное снизить напряжение. Ежемесячно люди-чемпионы получали разрешение сразиться с остатками старых зловещих машин. Сальвадору мысль понравилась, и каждый очередной «праздник ярости» становился популярнее предыдущего.

Сейчас Родерик со своей мрачной сестрой ехал в карете, запряженной двумя чалыми салусскими жеребцами. Предстоящий спектакль устраивали на окраине Зимии, между белыми шпилями столицы и пологими холмами, где у знати поместья, виноградники и сады.

Был полдень, и уже собралась празднично настроенная толпа. Горожане сидели по периметру на местах для пикника вокруг реликтовых мыслящих машин, выбранных сегодня для уничтожения: небольшого разведывательного корабля-робота и корпуса капсулы с чумой, выпущенного Омниусом. Ни одного из этих объектов первоначально здесь не было, их привезли со склада, где хранили такие остатки для ежемесячного праздника. Учитывая количество Синхронизированных миров и их разбросанность, отыскивались такие остатки без труда; их еще хватило бы на многие годы проведения таких праздников.

Веселые дети уже бросали камни в металлические объекты, вызывая громкий звон. Вскоре наступит очередь взрослых нанести им гораздо больший ущерб.

Родерик сидел в карете, невозмутимый и хладнокровный – достойный представитель императорского двора, но Анна была настроена вовсе не празднично. Всю дорогу от дворца девушка плакала о Хирондо Нефе и умоляла Родерика помочь найти его (чего брат, конечно, не собирался делать). Такая нежная, такая избалованная, ей так легко причинить боль. Родерик разрывался между стремлением дать ей испытать боль и тем самым закалить и желанием продолжать защищать ее от любой боли.

– Хирондо мертв! – сказала она. – Я знаю! Сальвадор приказал его убить!

Карета остановилась, и Родерик, обняв сестру за дрожащие плечи, стал утешать ее как мог.

– Наш брат такого не сделает. Честно, он просто перевел этого человека в безопасное место, где он мог бы начать новую жизнь – и ты тоже. Мы стараемся защитить тебя.

На самом деле Родерик удержал брата, готового убить повара на месте. Он вовремя вмешался и арестовал молодого человека, прежде всего ради его же безопасности. Потом, отведя брата в сторону, Родерик сказал:

– Император не может править, не испачкав руки кровью, но никогда не убивай, если можно обойтись без этого.

К счастью, Сальвадор, как обычно, прислушался к нему. Нефа отправили в одно из помещений за городом, где у него не будет никакой возможности снова увидеть Анну.

Сестра посмотрела на него, ее голубые глаза были полны слез.

– Я не хочу защиты – мне нужен мой Хирондо!

Родерик не хотел видеть боль на лице сестры. Казалось, Анна не помнила, что всего четыре месяца назад так же убивалась из-за молодого стражника. Она так нуждалась в любви, что ее чувства напоминали шланг с мощной струей, который не удержать и которым невозможно управлять.

– Мне жаль, что тебе больно, Анна.

– Ты знаешь, где Хирондо? Я люблю его и должна увидеть!

– Император считает, что он тебе не пара. Хирондо следовало понимать, в какое положение он тебя ставит. Это неприятный жизненный факт, но ты должна найти кого-нибудь более подходящего тебе по положению. Мы Коррино, и от нас ждут определенного поведения.

Надо обсудить это с Сальвадором и побыстрее выдать ее замуж. Нетрудно будет найти какого-нибудь благородного молодого человека, которого она полюбит так же горячо. Если только не решит противиться, лишь бы настоять на своем.

Она вытерла слезы.

– Разве я не имею права на любовь? На смертном одре отец сказал, что хочет, чтобы все мы заключали браки по любви.

– Ты имеешь право любить, милая сестрица, только найди подходящего человека: император Жюль говорил вовсе не о том, чтобы мы связывали себя узами брака с поварами. – Он поцеловал ее в лоб. – Сальвадора не радовало то, что ему пришлось делать. Он просто выполнил свой долг – и ты должна. Послушай меня, своего брата: забудь о Хирондо.

– Но его у меня отобрали! Мы даже не смогли попрощаться. Мне нужно его увидеть, в последний раз. Как мне жить, если я не знаю, все ли с ним в порядке, если не могу увидеть его собственными глазами? Обещаю: если ты скажешь, где он, я буду выполнять свои обязанности.

Родерик покачал головой, но она продолжала упрашивать.

– Ты должна выполнять свои обязанности независимо от того, получаешь ли то, что хочешь. – Он открыл дверцу кареты. – А теперь пойдем и выполним очередной долг. Народ ждет. Все тебя любят.

Коррино поднялись на окруженную флагами площадку, сооруженную для такого случая, и сверху посмотрели на толпу. Детей, бросавших камни, увели на безопасное расстояние от реликтов; за ними теперь присматривали стражники и няньки, чтобы родители могли участвовать в празднике. Толпа, взбудораженная появлением брата и сестры императора, придвинулась ближе. В большинстве зрители были вооружены дубинами, палками, ломami и молотами.

– На этот раз честь предоставляется тебе, – сказал Родерик сестре. – Дай людям разрядиться, пока они не сделали это сами.

Анна с красными глазами подошла к краю платформы, и люди затаили дыхание, как свора охотничьих псов, ждущих, когда их выпустят на зайца. Корабль-робот и капсулы из-под возбудителей эпидемии ждали нетронутые – символическое напоминание об ужасной тирании машин... которую мало кто помнил из ныне живущих. Но они помнили, чему их учили, и знали, кого ненавидеть.

Анна подняла руку, и толпа напряглась. Анна делала это и раньше, она знала слова, но Родерик был готов занять ее место, если сестру одолеет печаль по Хирондо. Она выдохнула, посмотрела на него, и он кивнул.

Анна сказала:

– Мы победили мыслящие машины, но никогда не забудем, что они творили с человечеством. – Собравшиеся заворчали и зашумели, потрясая своим простым, но надежным оружием. – Пусть этот день служит нам и нашим детям напоминанием о победе человека над поработившими его машинами.

Она резко опустила руку, и толпа устремилась вперед.

Когда металлические прутья, дубины и молоты принялись бить по кораблю и капсуле, поднялся оглушительный грохот. От корабля отрывались плиты, приборы разбивались, плаз разлетался в осколки. Люди смеялись и веселились, некоторые вопили в бессловесном гневе, колотя кошмарного символического врага.

Толпа бесновалась пол часа, и к тому времени как люди насытились, на земле лежали лишь бесформенные неузнаваемые фрагменты.

По щекам Анны катились слезы. Люди думали, что она плачет от счастья из-за победы человечества, но Родерик знал, что это не так.

Хотя братья делали все, чтобы спрятать Хирондо, влюбленный молодой человек нашел возможность передать принцессе записку. Ему удалось передать сообщение с указанием, где он, леди Оренне, а мачеха Анны сочувствовала молодым любовникам. Пусть другим она казалась холодной и не знающей любви, но вдовствующая императрица жалела девушку и помогла Анне улизнуть, чтобы попрощаться с любимым.

И вот Анна и Хирондо встретились в комнатах для слуг того поместья, куда был изгнан повар. Анна в глубине души считала, что им суждено быть вместе.

Анна, влюбленная в молодого человека, не представляла себе жизни без него, несмотря на его столь низкое положение. Теперь они снова были вместе и шепотом обсуждали побег на Хармонтеп, Чузук или любую другую захолустную планету.

– Неважно, где мы будем, если мы вместе, – шептала Анна, прижимаясь к любимому в постели.

У Хирондо были смуглая кожа, крепкое тело и карие глаза, в которых всегда светила печаль. Анна коснулась его груди. Ей хотелось снова заняться любовью, но он выглядел встревоженным.

– Я больше всего на свете хотел бы убежать с тобой, Анна, но мы никогда не сможем этого сделать. У меня нет денег, нет собственности, нет связей.

– Все это есть у меня, дорогой. Как-нибудь, каким-нибудь образом, но я все сделаю. – У нее не было сомнений. Они любят друг друга, и все образуется. – Я должна это сделать.

Хирондо покачал головой.

– Твоя семья будет искать нас. Ничего не выйдет. Они слишком могущественны. Сейчас мы должны попрощаться... но я никогда тебя не забуду.

Она рассердилась на него за такое уныние: ну почему никто не желает ей счастья? Внезапно устыдившись своей наготы, Анна выскользнула из постели и торопливо оделась, думая, не допустила ли ошибки. Она так отчаянно стремилась к нему, а он тряпка. Ладно, она все устроит сама, без его согласия, и докажет Хирондо, что это можно сделать.

Но тут вдруг дверь в комнаты слуг распахнулась, и вбежали императорские гвардейцы в форме; выкрикивая приказы, они схватили кинувшегося наутек Хирондо. Хватая Анну, они действовали мягче, но тем не менее держали ее крепко.

Вслед за стражниками, качая головой, вошел опечаленный и раздосадованный Родерик.

– Анна, я очень пытался тебе помочь, но дело ушло из моих рук.

Она забилась, пытаясь броситься к Хирондо, но вырваться не смогла.

– Как ты узнал?

– Моя работа – знать. А ты оставила очень заметный след.

Анну отвезли во дворец и доставили прямо в личный кабинет императора. Рядом с императором стоял Родерик, сложив руки на груди. Сальвадор был в золотой с белым императорской мантии и выглядел так, словно присутствовал на заседании в Зале ландсраада. Он угрюмо смотрел на сестру.

Анна упала перед ним на колени, схватила за мантию.

– Пожалуйста, Сальвадор! Позволь мне отказаться от титула и бежать с Хирондо. Я не буду просить денег. Я изменю имя. Мы созданы, чтобы быть вместе!

Сальвадор посмотрел куда-то вверх, словно просил помощи у неба.

– Этого никогда не будет. Ты Коррино и всегда останешься Коррино. Наш отец приказал нам заботиться о тебе. – И произнес, словно обнародуя декрет: – Ты больше никогда не увидишь Хирондо.

– Не убивай его! Пожалуйста, не причиняй ему боли.

Сальвадор поджал губы и опустился в кресло.

– Это было бы простейшим решением, но он недостоин моего внимания. К тому же ты тотчас найдешь еще более неподходящего мужчину. Смерть Хирондо Нефа не решит главной проблемы, дорогая сестра, потому что эта проблема – ты. У нашего брата есть гораздо более разумная мысль.

Родерик нахмурился, словно был не рад тому, что его объявляют автором этой идеи. Или винят в этом.

– На нас произвели большое впечатление Доротея и другие сестры при дворе. Это воспитанные и мудрые женщины, а школа на Россаке одна из лучших в империи. Решение очевидно.

Сальвадор выдернул полу мантии из рук Анны, оттолкнул девушку.

– Мы отправляем тебя в орден сестер, где, я уверен, ты обретешь цель в жизни. Может, поучившись у них, ты сделаешь что-нибудь ценное и значительное, вместо того чтобы тратить время на иллюзии и бесполезные погони. Пора повзрослеть. Мы больше не можем справляться с тобой при дворе.

Анна в поисках помощи посмотрела на Родерика, но тот покачал головой и сказал:

– Это к лучшему. Сейчас ты этого не понимаешь, но когда-нибудь поблаговаришь императора за его доброту.

Приспособляемость – сущность выживания.
Из Книги Азар

– Если вы не будете тщательно придерживаться инструкций, кто-нибудь из вас может погибнуть в ходе сегодняшних испытаний, – сказала Преподобная Мать послушницам, собравшимся на неровной поверхности полимеризованных древесных вершин. В ее улыбке не было веселья. – То же самое можно сказать о многих аспектах жизни. Если будете неосторожны, можете погибнуть.

Молодые послушницы были в светло-зеленом, Преподобная Мать Ракелла и ее помощницы, сестра Валя и сестра Нинке, коренастая мускулистая женщина с седыми прядями в рыжих волосах, хотя ей было всего тридцать четыре года, – в черном трико.

В руках Нинке держала переплетенный том недавно законченного учебника ордена по философии и религии, так называемую Книгу Азар. Иногда Преподобная Мать читала во время занятий отрывки из этой книги. Зная каждое слово Книги, Ракелла все же верила в силу условностей и обрядов, которые подчеркивали важность философских компиляций.

Ученые ордена завершили Книгу Азар в самый разгар мятежей из-за КЭП и недовольства Оранжевой Вселенской Библией. Сборник о верованиях и эзотерике был их ответом на ОВ Библию, хотя сами женщины отрицали всякую связь с религией.

Россак с его давно организованными космопортами и пещерными городами, которые теперь занимают Ракелла и ее последовательницы, – больше чем школа. Сегодня послушницы исчислялись десятками тысяч. После того как сестры заканчивали обучение, часть их возвращалась на родные планеты – применять свои новые способности, демонстрировать ценность обучения у Ракеллы. Некоторые подготовленные в ордене женщины активно перемещались по всей империи, набирая новых учениц, отыскивая новых достойных послушниц. Однако в большинстве сестры оставались на Россаке и вливались во все растущие ряды сестер, объединенных тем, что стало не просто школой, но набирающим все большую силу орденом приверженцев нового образа жизни.

Когда в шестнадцать лет Валя стала послушницей, многие слова из лексикона ордена, восходящие к могуществу колдуний, звучали для нее загадочно. Она помнила, что все это казалось ей таинственным и волнующим, ничуть не похожим на тусклую будничную жизнь на Ланкивейле.

Родившаяся на этой далекой отсталой планете, не имея надежд на продвижение, Валя Харконнен решила стать хорошим бойцом, способным противостоять угрозам. Она и ее любимый брат Гриффин много упражнялись, боксировали, боролись и изучали боевые искусства. Он был выше и сильнее, но на ее стороне были скорость, хитрость и непредсказуемость, поэтому чаще побеждала она... что помогало и ему, и ей совершенствоваться. Валя и Гриффин не выглядели опасными бойцами, но это было обманчивое впечатление, и кажущаяся их заурядность часто лишала противников бдительности. Поступив в орден, Валя еще лучше научилась контролировать свое тело, мышцы и рефлексy. И знала, что, когда в следующий раз встретится в спарринге с Гриффином, брат удивится.

Новая группа послушниц стояла на платформе над вершинами деревьев. Они смотрели вниз, в просветы в густых кронах, словно в каньон, вырубленный в переплетении ветвей и листьев.

– Сегодня мы покажем, какими сильными могут быть женщины, – сказала седовласая Ракелла, глядя на Кери Маркес и трех других чистокровных колдуний, готовых произвести впечатление на новичков. Валя уже много раз видела такие демонстрации, но, как всегда, будет потрясена и опечалена.

Эти последние потомки некогда могучих колдуний Россака были наделены необычными способностями, во многих отношениях превосходящими даже умения Преподобной Матери Ракеллы полностью контролировать свое тело. Валя испытывала разочарование и была обескуражена, ведь самой ей никогда не достичь такого, не рискуя пройти процесс трансформации. А до сих пор все попытки создать новых Преподобных Матерей заканчивались неудачно.

Кери Маркес сказала:

– Когда-то колдуны Россака были сильнее и страшнее всех в старой Лиге благородных. Без наших ментальных способностей человечество могло проиграть войну кимекам.

Стоявшие рядом с ней три колдуны сжали кулаки. Волосы их начали развеиваться, заряженные статическим электричеством. Серебристо-пурпурная листва на краю выровненной площадки над вершинами задрожала, словно оживая... У Вали от давления загудело в голове. Встревоженные нарастающей волной, два птицеобразных насекомых с криками улетели, взмахивая радужными крыльями.

– Колдуны могли с помощью своей психической силы убивать кимеков, вскипятив их мозг в защитной камере. Какой защитой они себя ни окружали, устоять против нас не смогли. – Лицо Кери осунулось, жилы на шее набухли. – Но каждая битва с кимеками стоила жизни одной из колдуний. Самые могущественные причиняли максимальный ущерб, но к исходу джихада большинство колдуний пожертвовали собой. Чистые кровные линии не сохранились... и сегодня живы только те из нас, кто находится здесь, в школе.

В жуткой тишине все колдуны поднялись в воздух; платформа, с которой они поднялись, висела над листвой на растяжках, но они парили только силой своего сознания, закрыв глаза.

Валя молчала и удивленно наблюдала. Она услышала, как ахнули послушницы.

– Это только проба мощи человеческого мозга, – сказала Преподобная Мать Ракелла. – Старательно изучая генетические данные в нашей генеалогической базе, мы в состоянии снизить опасность многих ужасных родовых изъянов. Когда-то многих незаконнорожденных, ущербных генетически и искалеченных физически, просто выбрасывали в джунгли. Больше это не происходит. – Старая женщина скривила губы в невеселой усмешке. – Но колдуны рождаются очень редко.

Кери и три другие колдуны опустили на площадку над листвой и расслабились, телепатическое напряжение в воздухе ослабло. Валя почувствовала, что боль в голове почти не ощущается.

Она заметила, что глаза у колдуний открыты и все они одновременно выдохнули.

– Вы должны изучить свой потенциал, – сказала Ракелла ошеломленным послушницам. – Должны работать с нами, чтобы определить его.

– Без машин мы используем только то, что у нас в сердце и в голове, – сказала новая послушница Ингрид, прилетевшая из крепости батлерианцев Лампадаса. Ее рекомендовала сестра Доротея, которая сейчас служила при дворе самого императора Сальвадора Коррино.

Ракелла обошла собравшихся послушниц. Она переводила взгляд голубых глаз с одного лица на другое.

– Ответьте: в чем люди лучше машин?

– В творчестве, – почти сразу ответила одна из послушниц.

– В приспособляемости.

– В умении предвидеть.

Ингрид спросила:

– В любви?

Валя не понимала, нравится ли ей эта новая сестра. Ингрид всегда была напряжена и слушала как будто невнимательно. Новенькая прилетела в школу со слишком устойчивым мнением и была склонна выпаливать все, что думает. А теперь, когда Преподобная Мать Ракелла доверила Вале тайну компьютеров, хранящих данные о родстве, молодая женщина с подозрением стала относиться к тем, у кого слишком прочные связи с батлерианцами.

Преподобная Мать остановилась перед наивной новой послушницей.

– Ты считаешь любовь преимуществом человека?

– Да, Преподобная Мать.

Ингрид, казалось, нервничала.

Ракелла вдруг сильно ударила ее по лицу. Вначале Ингрид казалась ошеломленной и обиженной, потом покраснела от ярости. Глаза вспыхнули, но она старалась совладать со своим гневом.

Ракелла небрежно усмехнулась.

– Любовь, возможно, и отличает нас от мыслящих машин, но это не обязательно преимущество. Во время джихада мы победили Омниуса не любовью. А вот ненависть – совсем другое дело, правда? – Она наклонилась поближе. – Мы все видели ее на твоём лице, когда я ударила тебя. Ненависть! Именно это чувство позволило нам победить машины. Управляемая ненависть. Вы должны понять эту концепцию, хотя это трудно.

Ингрид не побоялась заговорить.

– И вера. При всем должном уважении к вам, Преподобная Мать, я считаю, что одна ненависть не привела бы нас к победе. Мы верили в наше праведное дело, и любовь помогла всем этим мученикам пожертвовать собой ради своих семей, друзей, даже ради незнакомцев. Вера, Преподобная Мать, вера! И любовь.

Казалось, молодая женщина разочаровала Ракеллу.

– Возможно, так учит своих приверженцев Манфорд Торондо, но сейчас ты в ордене. И должна отказаться от слепой веры в то, что говорят батлерианцы.

Ингрид вскинула голову, словно услышала кощунство, но вопрос о преимуществах человека был заранее подготовленным трамплином к тому, чему Ракелла хотела научить. Она обратилась ко всей группе послушниц.

– Вы должны забыть, во что верили перед прилетом на Россак. Превратите свое сознание в чистую доску, на которой мы начертаем новые верования и новые пути. Вы должны прежде всего быть сестрами, а уж во вторую очередь всем остальным.

– Разве мы прежде всего не люди? – спросила Ингрид.

Валя решила, что эта назойливая молодая женщина ей определенно не нравится.

– Прежде всего сестры.

По кивку Ракеллы сестра Нинке открыла книгу и прочла заранее отмеченный абзац.

«Первый вопрос, который нам следует задавать себе, когда встаем, и последний, когда ложимся, таков: что значит быть человеком? Эти четыре слова должны лежать в основе нашего поведения и всех наших усилий. Если мы не ищем ответа на этот вопрос, какой смысл дышать, или есть, или вести повседневную жизнь?»

Тем же вечером грузовой корабль доставил с Салусы Секундус сообщение в нарочито пышной запечатанной упаковке.

Когда доставили цилиндр, Валя помогала Преподобной Матери в ее личных покоях с каменными стенами. Жила Ракелла в самой старой части пещер, в помещении, которое когда-то принадлежало легендарной колдунье Зуфе Ценве.

Валя слушала рассказ старой женщины о том, как голоса в ее голове руководят использованием ею оцифрованных записей о родословных, чтобы направлять человечество по верному пути. Голос Ракеллы звучал монотонно.

– Женщины всегда были движущей силой общества, независимо от того, носили мужчины мантии вождей или нет. В нас от рождения заложена генетическая созидательная сила, и пусть империя по-прежнему делает лишь первые шаги, но если орден сумеет расширить свое влияние, делая советницами, доверенными лицами или женами все лучше подготовленных сестер, мы упрочим фундамент великих домов Лиги ландсраада. – Ракелла задумчиво, протяжно вздохнула. – Ах, Валя, если бы ты видела это. Бесчисленные поколения живут в моей памяти, жизнь за жизнью тянутся они по неровному ландшафту истории человечества. От перспективы... захватывает дух.

Валя с любопытством наблюдала, как молодая сестра принесла Преподобной Матери нарядный цилиндр с сообщением. Ракелла отослала девушку, которой хотелось получше разглядеть цилиндр; Валя тоже собралась уходить, но Преподобная Мать небрежным жестом попросила ее остаться. Валя сидела неподвижно и молчала, пока Ракелла читала сообщение.

– Оно от сестры Доротеи.

– Новости императорского двора?

Хотя Валя чувствовала, что очень близка к Преподобной Матери Ракелле, она с нетерпением ждала дня, когда сможет покинуть Россак. Она надеялась когда-нибудь получить назначение на Салусу Секундус, где можно завести важные и полезные знакомства с влиятельными вельможами и имперскими чиновниками и помочь Дому Харконненов восстановить прежнее положение. Она даже может выйти замуж и войти в благородную семью. А если это не удастся, занять важное положение в «Венпорт холдингз». Орден сестер предлагал много возможностей.

Ракелла читала зашифрованное сообщение, и лоб ее морщился, как светлый пергамент; она словно не знала, улыбаться ей или хмуриться.

– Император Сальвадор желает, чтобы его сестра Анна Коррино вступила в наш орден. Это имеет какое-то отношение к скандалу при дворе. Нашей школе предложено принять девушку в послушницы. – Ракелла посмотрела на Валу, приподняв брови. – Она твоих лет.

Валя удивленно мигнула. В двадцать один год она сама почти девочка.

– Сестра императора? – спросила она. – Если она поступит к нам, наша школа приобретет известность и престиж... но достаточно ли подготовлена Анна Коррино, чтобы стать послушницей?

– Это не просьба. – Преподобная Мать отложила послание. – Нам нужно подготовиться к полету на Салусу Секундус на следующем корабле, свертывающем пространство. Как Преподобная Мать, я лично полечу принять принцессу Коррино под нашу опеку. Ее положение требует, чтобы мы помогли ей почувствовать себя нужной и желанной. – Она посмотрела на Валу, задумавшись и, возможно, прислушиваясь к голосам в голове. Приняв решение, она улыбнулась. – И ты будешь сопровождать меня.

*Можно создать чрезвычайно точные карты планет и материков,
но карта жизни обязательно содержит неведомые территории.*

Абулурд Харконнен. Мемуары с Ланкивейла

Поздним утром снег с дождем прекратился и небо расчистилось – дразнящее напоминание о том, как приятно может быть на Ланкивейле. Закутанный в теплую куртку на китовом меху, Гриффин Харконнен смотрел, как рыбаки вытягивают лодку из эллинга; он знал, что подготовка судна продлится до наступления ночи, и восхищался их стараниями.

Он просмотрел бюджет и данные о налогах и знал, как тяжело зима отразилась на экономике. Несколько доков нуждались в ремонте, и лавина перекрыла одну из дорог через горы. Когда-нибудь благодаря своим усилиям он надеялся добиться того, чтобы в трудные времена люди не просто сводили концы с концами.

Рокот разорвал небо, и Гриффин посмотрел вверх: шаттл с орбиты, пришел рейсовый корабль с дорогими поставками, официальными документами, почтой и донесениями с Салусы Секундус. Гриффин еще не ожидал ответа от государственной комиссии, принимавшей экзамены, ведь все такие бумаги проходили долгий путь по бюрократическим каналам. Но скоро – когда он получит результаты (он знал, что сдал экзамены), – он станет полноправным представителем в ландсрааде, и можно будет избавиться от постороннего представителя множества планет.

Когда шаттл сел, Гриффин подписал акт приемки, хотя некоторые капитаны требовали подписи Верджила Харконнена. Однако теперь большинство из них уже узнавало молодого человека. Гриффин никогда не упускал возможности завести новые знакомства, установить новые возможные связи.

К таким далеким планетам, как Ланкивейл, иногда приходили корабли космического флота «Венхолдз», но чаще в этом секторе останавливались суда «Селестиал транспорт». Когда шаттл приземлился на небольшом мощеном космодроме, из домов показались местные жители, готовые помочь в разгрузке и доставке инопланетных поступлений.

Гриффин держался с капитаном шаттла профессионально и сердечно, но тот протянул ему корабельный манифест, как показалось Гриффину, с раздражением.

– Жалкая планета! Я вторые сутки на орбите, а грозовые тучи толстые, как щит. Думал, вообще не удастся сесть. – Он словно винил в этом Гриффина. – Даже ваша повышенная оплата не оправдывает риска разбить корабль.

– Не я выбирал жизнь в этом проклятом месте, – сказал Гриффин, сдерживая накопившуюся неприязнь. – Мы рады, что вы смогли сесть, капитан. По прогнозам завтра снова сильная буря.

– О, к тому времени меня уже не будет – из-за задержки здесь я и так уже вышел из расписания.

Капитан сунул в руки Гриффину пакет с дипломатической почтой и письмами.

Пока экипаж и местные грузчики перемещали припасы из корабельного трюма, Гриффин просмотрел манифест, потом перевел средства казначейства за доставку муниципальных заказов. Он предложил капитану гостеприимство, но тот хотел убраться сразу, как опустеет трюм. После часа ясной погоды над головой снова сгустились серые тучи.

Едва шаттл поднялся в небо, а Гриффин закончил присматривать за доставкой грузов на склад гавани, он отнес документы в дом из темного дерева, где жил с семьей. В кабинете он сел у горящего камина и стал просматривать пакеты, надеясь весь остаток дня заниматься делами.

Ланкивейл был изолирован от мира, и поэтому Гриффин всегда с нетерпением ждал новостей из империи. Он ждал голографического сообщения от сестры, но не слишком на это надеялся: ей редко позволяли писать. Беглый просмотр пакетов принес разочарование: ни письма от Вали, ни известия о его назначении представителем Ланкивейла в Лиге ландсраада.

Не нашел он и письма от дяди Уэллера с рассказом о том, как тот путешествует от планеты к планете, заключая новые торговые договоры на китовый мех.

С растущим недовольством он увидел, что в грудe только правительственные сообщения, несколько коммерческих запросов и официальный документ из «Селестиал транспорт». Отец зашел поздороваться, просмотрел корреспонденцию, не нашел для себя ничего интересного и отправился беседовать с поваром об ужине.

Гриффин просмотрел всю грудu. Потом, открыв письмо из «Селестиал транспорт», почувствовал холод, словно его в рыбацкой лодке окатила ледяная волна. Письмо начиналось словами, которые на протяжении всей истории обозначали катастрофы: «С прискорбием извещаем вас...»

Коммерческий свертывающий пространство корабль, на борту которого находился пассажир Уэллер Харконнен и весь груз китового меха из Ланкивейла, исчез по дороге на Парментьер. Все товары и пассажиры исчезли где-то в глубинах космоса. Все они считаются погибшими.

Письмо продолжалось:

«Космические перелеты на такие расстояния и по малоизвестным маршрутам всегда были рискованными, и несчастные случаи здесь неизбежны. «Селестиал транспорт» старается преодолеть эти затруднения, и мы ценим терпеливость своих клиентов. Позвольте выразить искренние личные соболезнования».

Под письмом стояла факсимильная подпись Арьена Гейтса, главы компании. Гриффин знал, что тысяча таких же писем разослана родственникам всех погибших пассажиров. В приложении к письму содержалась ссылка на отказ от прав и претензий в документе, который подписал Гриффин, отправляя груз.

Уэллер погиб, и с ним весь груз. Вначале Гриффин больше горевал о гибели любимого дяди, но, перечитывая документ, осознал, какой тяжелый удар нанесен состоянию Харконненов. Компенсации почти не будет, только небольшая сумма, указанная в транспортном документе. Большую часть семейных средств Гриффин вложил в добычу китового меха, и Дом Харконнена теперь не один десяток лет будет ощущать последствия этого удара. Тщательно продуманный план расширения коммерческого влияния Харконненов только что растворился в вакууме неизведанного космоса.

Словно во сне, Гриффин слышал, как весело насвистывает в кухне отец. Верджил отлично ладил с семейным поваром. Молодой человек долго сидел молча, ошеломленный, не желая уничтожить радостное настроение отца. Он подождет до следующего дня, а потом уж расскажет всем.

Когда узнает Валя, она, несомненно, найдет возможность обвинить Вориана Атрейдеса и в этом. Но Гриффин начинал думать, что семья Харконненов проклята.

Буря в пустыне оставляет много шрамов и стирает много следов.

Поговорка фрименов с Арракиса

Выбив всю информацию из пилота с черного рынка, Ишанти две недели негласно следила за происходящим в пустыне. И вскоре отыскала незаконные операции по добыче пряности.

Глава контрабандистов Дол Орианто неосторожно хвастался в барах Арракис-Сити. По-видимому, он считал, что ему нечего беспокоиться.

– Планета достаточно велика для конкуренции – во время лихорадки по освоению добычи пряности здесь действовало много независимых добытчиков. Планета – не собственность корпорации Венпорта!

Орианто рассмеялся, и его люди подхватили смех.

Маленькая база в горах над Картагом была хорошо заметна и совершенно беззащитна, и команды «Венхолдз» окружили ее. Нападение завершилось быстро, и Ишанти со своими

сорока штурмовыми машинами улетела с базы, оставив за собой дымящиеся развалины жилых построек и разбросанные по скалам обожженные тела. Хранилища пряности остались нетронутыми: директор Венпорт был непреклонен – контрабандный меланж слишком ценен, чтобы в отместку им разбрасываться.

Вначале Ишанти хотела оставить одного-двух контрабандистов в живых, чтобы они могли отправить безрадостное сообщение Арьену Гейтсу и корпорации «Селестиал транспорт». Но вместо этого засняла нападение на базу, решив, что этого хватит. Вдобавок они могли контролировать сообщение.

Сидя в пассажирском отсеке летящей машины и перекрикивая шум двигателей, Ишанти обратилась к своим спутникам – почти все они были фрименские воительницы:

– Когда здесь закончим, заберем оборудование и пряность как особую награду.

Она также собиралась отправить срочное сообщение наibu Шарнаку в его поселок в глубине пустыни, извещая, что, если фримены явятся быстро, то смогут забрать все тела и взять их воду так, что никто не узнает.

Ишанти постаралась взять Дола Орианто живым, чтобы испуганный предводитель мог наблюдать за судьбой своей команды. Связанный и брошенный, как ненужный груз, в отсек, Орианто корчился и дергался, но, когда начинал биться, из-под шигапроволочных пут проступала кровь и они еще глубже врезались в тело.

– Ты ничего не можешь сказать в свою защиту, – холодно говорила Ишанти, сидя рядом с ним. – Теперь ты должен думать об оставшемся тебе решении, единственном решении. Как ты умрешь – храбро или как трус?

Он ничего не ответил. Из его глаз лились слезы (напрасная трата воды, подумала Ишанти). Впрочем, все его тело было напрасной тратой воды. Тем не менее некоторые сведения крайне ценны, и в общей схеме вещей они важнее нескольких литров воды.

Она уже назвала пилоту курс, и машина летела высоко над облаками пыли. Ишанти изучала прогноз погоды, чтобы отыскать ближайшую кориолисову бурю. Та оказалась менее чем в часе полета.

Когда Дол Орианто не ответил на ее вопрос, она привалилась к стене и сидела молча. Главарь контрабандистов скулил, но, надо отдать ему должное, не молил сохранить ему жизнь.

Пилот, прекрасно разбиравшийся в погоде на Арракисе, вел машину высоко над водоворотом облаков и пыли. Сквозь плотно закрытые исцарапанные иллюминаторы пассажиры могли заглянуть вниз, в эту пугающую пасть. Водоворот воющих ветров вселял страх в сердца всех жителей пустыни. Глядя сверху, с безопасного удаления, Ишанти находила его устрашающим, но по-своему прекрасным.

Но для Дола Орианто ничего прекрасного в этом не было.

Когда они оказались непосредственно над песчаным ураганом, пилот сделал круг и проигнал из кабины. Ишанти встала с жесткой металлической скамьи, схватила контрабандиста за плечи и поставила на ноги. Он дрожал.

– Кое-что приходится делать не по своей воле, – сказала она, словно извиняясь. Джозеф Венпорт очень ясно выразил свое желание. – Некоторые назовут эту смерть доблестной.

Она и ее спутницы прикрепили свои подвески к внутренним стенам, чтобы их не вынесло наружу, когда откроется люк. Орианто задергался сильнее, пытаясь высвободиться; проволока глубже прорезала его запястья, хлынула темная кровь.

Ишанти закрыла глаза, произнесла краткую молитву и выбросила его в люк.

Головой вперед тот полетел в пасть кориолисовой бури. И превратился в точку, прежде чем вихрь подхватил его. Да, кое-кто назовет эту смерть доблестной.

Ишанти закрыла люк и сделала знак пилоту.

– У нас есть все необходимые съемки. Теперь назад в Арракис-Сити. Я должна доложить.

Тренировка может продвинуть ученика только до определенных пределов. Чтобы действительно овладеть навыком, он должен побывать в реальной ситуации.

Гилберт Альбанс. Учебник ментата

Элитная школа ментатов принимала только самых одаренных кандидатов, и за те десятилетия, что Гилберт Альбанс управлял школой, множество его учеников освоили трудную программу и продвигались гораздо быстрее своих сверстников. Их ум был эффективен, упорядочен, развит, остр – они стали настоящими людьми-компьютерами.

Видя свое влияние, Эразм очень гордился.

Сейчас лучшим учеником школы, по общему мнению, был Драйго Роджет. В своих умениях Драйго превзошел даже большинство инструкторов школы – и от него самого этот факт не ускользнул: временами молодой человек обнаруживал слишком сильное эго. Драйго прилетел на Лампадас всего пять лет назад, прошел квалификационные тесты и вступительный экзамен и от имени безымянного спонсора заплатил крупную сумму за свое обучение.

Гилберт никогда еще не встречал такого замечательного ученика, и сейчас Драйго знал почти все, чему мог научиться в школе ментатов. Через месяц он выпускался в составе очередной группы, и Гилберт попросил его подумать о возможности остаться в школе инструктором; Драйго ответил уклончиво.

Этим утром они встретились в овальном зале для военных игр; помещение вмещало до сотни учеников, но сейчас они были здесь вдвоем. В окнах по периметру зала виднелась часть административного здания с голубыми стенами и сверкающие на солнце зеленоватые воды болотистого озера.

Ментаты, однако, были погружены в далекие воображаемые космические сражения.

Они сидели в высоких креслах, поглощенные боем; каждый управлял голографическим военным флотом и проводил его через препятствия – астероиды, провалы тяготения, складки пространства, неопределенные цели. Напряженно размышляя, Гилберт и Драйго создавали западни, бросали друг на друга военные флоты, со скоростью мысли вели воображаемую войну.

Сидя в креслах почти неподвижно, они едва заметно шевелили пальцами, а чувствительные сенсоры улавливали эти движения и, истолковав, передавали механизмам. Гилберт никогда не показал бы эту систему Манфорду Торондо, хотя формально она не относилась к запрещенным технологиям, потому что не могла функционировать самостоятельно, без человека.

В воздухе между ними разворачивались моделируемые космические сражения; движение кораблей было столь стремительным, что изображения расплывались. Военные корабли походили на фигуры в игре, проводимой в обитаемой солнечной системе. Схватки происходили между спутниками или газовыми гигантами, близ населенных планет или в далеких облаках комет. Цветные коды позволяли различать стороны: сражались красные против желтых.

За час, не сказав друг другу ни слова, Гилберт и Драйго провели одиннадцать боев, и темп все нарастал. Если не считать напряженных тренировок с Эразмом, учитель ментатов никогда не сталкивался с такой трудной задачей. У него по-прежнему было существенное преимущество перед Драйго, но ученик быстро его догонял.

В масштабе сжатого времени симулятора целую солнечную систему можно было потратить за секунды. Каждый ментат умел предвидеть планы битв, анализировать последствия второго, третьего и четвертого уровней сражений, разыгрывавшихся в сознании. Гилберт учил такой технике, но мало кто из учеников был способен охватить все широкое поле гештальт-философии – воспринимать не отдельные части, а совокупность.

На лбу у Гилберта блестели капли пота.

Через скрытые сенсоры сфера памяти Эразма, оставаясь невидимой, наблюдала за состязанием. Роботу была необходима определенная свобода. Гилберт обдумывал создание физического тела, чтобы независимый робот снова мог стать подвижным. Сфера предложила помочь в

игре-войне против Драйго, но Гилберт не хотел проявлять непорядочность. Он называл такую помощь «мошенничеством».

– Я увеличу твое преимущество, – предложил Эразм. – Вероятность твоей победы вырастет.

– Нет. Наблюдай – и только.

Но теперь, видя, как быстро его догоняет лучший ученик, Гилберт усомнился в своей правоте.

Они сидели друг напротив друга и внимательно следили за моделями. Гилберт заговорил с учеником:

– Ты продолжаешь совершенствоваться, но не забывай, что в битве всегда есть элемент неожиданного. Якобы мелкие, незначительные факторы, но может оказаться, что они очень существенны – нечто такое, что ты не в состоянии спланировать или предвидеть. Будь бдителен, быстро оценивай каждую ситуацию и предпринимай необходимые шаги.

– Вы пытаетесь отвлечь меня, сэр.

Драйго в сосредоточении свел брови, продолжая изучать моделируемый космический конфликт.

Громкие разговоры нарушили сосредоточенность игроков: это из соседних аудиторий высыпали ученики. Драйго дернулся, разбросав свой флот по виртуальному полю боя. Гилберт мог воспользоваться возможностью и одержать победу, но вместо этого остановил игру.

– Непредвиденные события вроде этого, – сказал он.

Драйго пришел в себя.

– Я понял. Закончим?

– Хорошо. Ментат должен уметь концентрироваться в любых обстоятельствах.

Ученики окружили их, наблюдая за боем. Гилберт вновь запустил модель, но совесть требовала закончить игру и уделить внимание другим ученикам. В разгар битвы Гилберт невольно расслабился и ждал ошибок соперника. Однако, заметив перемену настроения наставника, Драйго с недовольством откинулся в кресле. Молодой человек со вздохом отсоединился от управления игрой.

– Не хочу выигрывать таким образом.

Гилберт встал и потянулся.

– Скоро будешь выигрывать независимо от обстоятельств.

Молодой человек лидировал в сорока процентах схваток.

Из крошечного семени вырастает могучее дерево, способное противостоять самой свирепой буре. Помните, когда Райна Батлер начала свой крестовый поход, она была болезненной, страдающей лихорадкой девочкой – и посмотрите, что из этого получилось! Я лишь одно из деревьев в лесу верующих, посаженном Райной. Мои приверженцы не уступят капризам выступающих против нас неверующих.

Манфорд Торондо. Единственный путь

Важные дела заставляли Манфорда Торондо путешествовать по всей империи, и тем больше он наслаждался немногими мирными минутами дома, в обществе Анари. Простые, ведущие здоровый образ жизни жители Лампадаса основывали маленькие фермы, занимались сельским хозяйством, ткали ткани и были довольны своей жизнью без искусственных чудовищ: без ига машин и без зависимости от технологии.

Мозг человека свят.

Дом Манфорда был построен из камней, собранных на полях и скрепленных известкой, ограда – из стволов деревьев, срубленных вручную; все в доме сделано без использования машин. Дом построили его приверженцы; если бы он попросил, ему воздвигли бы дворец величественнее резиденции императора, но сама эта мысль настолько противоречила филосо-

фии и желаниям Манфорда, что он обрывал всякого, кто пытался ее высказать. Его уютный дом был совершенен, с любовью украшен сшитыми вручную лоскутными одеялами и написанными соратниками картинами. Добровольцы сажали цветы перед домом, садовники подрезали живую изгородь, ландшафтные дизайнеры мостили дорожки каменными плитами. Для него готовили, ему пекли хлеб и приносили столько еды, что он не мог все съесть и потому раздавал.

Манфорд радовался, видя, каким счастливым может быть человек без гаджетов, компьютеров и сложной – и несущей зло – техники. Батлерианцы больше работали, лучше питались и генетически были здоровее тех, кто искал помощи у врачей и машин.

В империи было слишком мало планет, подобных этой, и его движению предстояло еще много работы. И не просто уничтожать боевых роботов и мыслящие машины-корабли; ему приходилось вести постоянную войну против склонности сознания подчиняться.

Но не в этот вечер. Он отослал единомышленников, поблагодарив за компанию, и заявил о том, что должен побыть один и помедитировать. С ним, как всегда, осталась только Анари Айдахо.

Манфорд сидел, откинувшись на подушки, и смотрел, как она занимается своими делами. Он знал: стоит щелкнуть пальцами, и несметные толпы бросятся выполнять его желания. Они будут носить его в паланкине, кормить, содержать его дом и с вниманием одержимых слушать его. Но никто из них не похож на Анари. Без нее Манфорд не выжил бы. Она очень хорошо о нем заботится.

Мастер меча подбросила в огонь полено, взятое из поленницы у дома (там хватило бы дров для ста человек на год). В холодные осенние вечера Манфорд любил держать окна открытыми, чтобы воздух был свежим, поэтому Анари постоянно поддерживала огонь; по ночам она даже вставала несколько раз, чтобы подбросить дров. На кухне она уже поставила на плиту котлы с водой для ванны Манфорда. Анари никогда не жаловалась на такую работу; она даже напевала, потому что была рада заботам о нем и довольна своей жизнью.

Она прошла мимо него со вторым медным котлом. Манфорд чувствовал аромат душистых листьев, которые она добавляла в воду.

– Твоя ванна почти готова. Сейчас приду за тобой.

– Я могу вымыться сам, – сказал он.

– Знаю. Но мне нравится делать для тебя все.

Она улыбнулась и вышла из комнаты.

Пока Анари не было, Манфорд приподнялся на мускулистых руках и, пользуясь ими, как ногами, прошел вниз головой по комнате до одного из параллельных брусьев, протянутых вдоль стены на его высоте; за эти брусья он держался, когда самостоятельно передвигался по дому. Потеряв полтела, он неустанно тренировал оставшуюся половину. Он никогда не отступал перед беспомощностью, но в то же время старался достойно выглядеть на публике. Он давал возможность помогать ему, но был вовсе не так беспомощен, как считали многие.

Он слышал, как в соседней комнате Анари наливает воду в ванну; потом она подошла туда, где он сидел на подушках. Анари заметила, что Манфорд без ее помощи пересек комнату, с легким неодобрением взглянула, наклонилась и протянула к нему руки.

Он скользнул в ее сильные объятия, обхватив одной рукой за плечи, чтобы держаться вертикально. Анари понесла его; их бедра соприкасались, как у идущей по улице влюбленной пары, только шла за них обоих одна Анари. Прижимая его к себе, она наклонилась и коснулась рукой воды, проверяя температуру. Найдя ее подходящей, она сняла с Манфорда рубашку и подобие штанов и посадила в ванну.

Он закрыл глаза и вздохнул. Анари взяла мягкую мочалку и стала его мыть. Она ни разу не показала, что это ей неприятно. Он позволил ей продолжать. Он не чувствовал неудобства от того, что стал точкой приложения ее сил: она давала ему возможность почувствовать, что с

ней он в безопасности, он полностью доверял ей. Он продолжал о чем-то думать, но кошмар всегда был рядом... тот ужасный день, когда взрыв убил Райну Батлер.

Манфред всегда гадал: если бы он тогда поспешил, мог бы он ее спасти? Он предпринял героическую попытку и потерпел неудачу – это стоило ему ног. Но он готов был всем пожертвовать ради нее.

Даже после поражения Омниуса Райна Батлер продолжала антитехнологическое движение, названное «культом Серены». Еще девочкой, чудесным образом пережив эпидемию, насланную машинами и убившую всю ее семью, Райна начала свой крестовый поход и ни разу не забыла о своей миссии, пока в возрасте девяти лет ее не убила бомба террориста-смертника.

Мятежи против КЭП увеличили число ее сторонников. Восстания против Оранжевой Вселенской Библии были не совсем то, что и желание Райны подавить наступление технологии, но эти движения объединяли общие цели. Райна Батлер состарилась, но сохранила остроту ума и харизматичность; она не использовала ни медицинские технологии, ни меланж или другие препараты; она дожила до таких лет, потому что была чиста.

Манфорд стал батлерианцем в пятнадцать лет, когда, будучи полным энтузиазма подростком-идеалистом, сбежал из дома. Он знал, что когда-то давно машины уничтожили население его родной планеты, и, хотя Омниуса и кимеков разбили за несколько десятилетий до его рождения, Манфорд по-прежнему их ненавидел. Это был молодой человек, способный произвести впечатление и рвущийся в бой даже после окончания битвы.

Оказавшись с батлерианцами, он захотел быть ближе к Райне, слушать ее, наблюдать за ней. Он увлекся ею, как ученик увлекается старым учителем, восторгался блеском ее глаз, свечением бледной, как слонобая кость, кожи. Хотя еще в детстве Райна из-за машинной эпидемии потеряла все волосы, Манфорд считал ее прекрасной.

Она заметила его среди своих приверженцев; однажды она даже сказала Манфорду, что ожидает от него великих дел. Когда он в замешательстве ответил, что еще слишком молод для настоящего предводителя, Райна ответила:

– Мне было всего одиннадцать, когда я осознала свое призвание.

С ростом империи возрастало сопротивление усилиям Райны: сторонники технологии, деловые интересы, население планет, не желавшее отказываться от удобств. Во время акции на планете Бюджет, где пытались создать промышленную и технологическую базу, фанатичный сторонник технологии подложил бомбу, намереваясь убить Райну.

Манфорд, который в последнюю минуту обнаружил бомбу, пытался защитить Райну и пострадал от взрыва. Старая Райна умерла у него на руках, разорванная на части, но все равно прекрасная. Она подняла окровавленный палец, благословляя его, и с последним вздохом поручила ему продолжить ее дело.

Теперь эта мысль заставила его содрогнуться в теплой ванне. У него по-прежнему бывают кошмары: он держит в руках умирающую Райну и на краткий миг представляет ее молодой женщиной. Он был так захвачен зрелищем ее смерти, так потрясен, что почти не замечал собственных тяжелых ран – а ведь он лишился нижней части тела.

Потом толпы батлерианцев взяли штурмом города и фабрики на Бюжете, сровняв их с землей и не оставив местным жителям ни техники, ни удобств – только пепел. Планета вернулась в каменный век.

Манфорд удивил врачей, выжив после такой травмы; благословение Райны стало его броней и мечом. Самой главной его святыней стал обрывок окровавленной ткани, снятой с ее тела в день смерти. Он всегда носил с собой этот рваный клочок; он придавал ему сил.

Анари начала разминать его сведенные мышцы, массировать плечи. Глядя, как он шевелится в ароматной воде, она спросила:

– Ты снова думаешь о Райне? Я вижу это по твоему лицу.

– Райна всегда со мной. Как я могу перестать о ней думать?

Анари вынула его из воды, осторожно вытерла полотенцем и снова одела. Она держала его на своих сильных руках, и он прижался к ней головой.

– Посади меня за стол у кровати. И зажги свечу. Хочу почитать перед сном.

– Как скажешь, Манфорд.

Когда она ушла, он раскрыл переплетенный дневник и лабораторные записи отвратительного робота Эразма, опасные документы, найденные в развалинах Коррина и хранившиеся под замком. Эти гнусные дневники позволяли заглянуть в сознание чудовища. И теперь Манфорд изучал эти страницы, потрясенный тем, что писал робот. Он словно столкнулся со словами демона. Чем больше Манфорд читал, тем больше ужасался. Педантичное изложение выдавало гордость мыслящей машины – она кичилась своей жестокостью, своими преступлениями. От комментариев робота у Манфорда стыла душа.

«Машины наделены терпением, какого никогда не достичь людям, – писал Эразм. – Что для нас десять лет, сто, тысяча? Мы можем ждать. Пусть они думают, что победили нас. Я сохраняю уверенность. Сначала люди создали мыслящие машины, потом мы стали их хозяевами. Даже если им удастся уничтожить все компьютеры, я знаю, что будет. Я знаю их. Пройдет достаточно времени, и они забудут... и создадут нас снова. Да, мы можем подождать».

Встревоженный этим абзацем, Манфорд почувствовал на глазах жгучие слезы и поклялся: этого никогда не будет. Он закрыл том, но знал, что уснет еще не скоро. Его одолевали ужасные мысли, которыми он не мог поделиться даже со своими соратниками.

*Жизнь! Если бы можно было пересмотреть прошлое и сделать
более мудрый выбор!*

Анонимная жалоба

В тех редких случаях, когда Ракелла Берто-Анирул навещала Салусу Секундус, погода всегда была исключительная: дни ясные и теплые, ласковый ветерок развеивает флаги Лиги ландсраада и золотые львиные гербы дома Коррино. Благодаря древним голосам в голове она могла припомнить столетия прошлого этой планеты – жемчужины среди заселенных людьми миров.

Но в этот полдень, когда Ракелла высадилась в сопровождении сестер из своей делегации, небо было затянуто свинцовыми тучами, воздух неподвижен, как сдерживаемое дыхание, а многоцветные знамена обвисли на флагштоках. Зимия стала мрачной, словно чувствуя, что Ракелла явилась забрать Анну Коррино.

Ей хотелось, чтобы профессионализм сестер произвел на императора Сальвадора впечатление, убедил, что его решение отослать сестру на Россак – верное. Ракелла и ее спутницы должны были приземлиться накануне вечером, но случившееся в последнюю минуту опоздание сворачивающего пространство корабля «Венхолдз» помешало прилететь вовремя. И группа женщин явилась на аудиенцию у императора на несколько часов позже. «Не слишком благоприятное начало», – подумала Ракелла.

Нанятая наземная машина остановилась перед главным входом во дворец Коррино, украшенный множеством шпилей, как будто Преподобная Мать Ракелла, сестра Валя и еще три сестры прибыли на торжественный прием. Два лакея в ливреях раскрыли дверцы и помогли Ракелле выйти, обращаясь с ней так, словно она вот-вот рассыплется. Она позволила им чувствовать себя полезными, хотя сама была проворна и гибка и при ходьбе не нуждалась в помощи.

Выйдя из машины, Валя Харконнен осмотрелась; великолепие дворца произвело впечатление, но она мгновенно опомнилась и справилась со своими чувствами. Лакеи торопливо перешли к другой машине – посольской, чтобы встретить ее пассажиров, даже не взглянув на женщин с Россака. Вообще никто не обратил внимания на их приезд.

По дороге во дворец Ракелла и ее спутницы затерялись в потоке вельмож, чиновников и представителей, входящих в гигантский дворец и выходящих из него. Излучая уверенность, Ракелла представилась эскорту в мундирах, ждавшему у подножия длинной вьющейся лестницы, ведущей к грандиозному входу под аркой:

– Я Преподобная Мать Ракелла Берто-Анирул из школы ордена сестер на Россаке. Мы со спутницами прилетели по приказу императора Коррино, чтобы встретиться с принцессой Анной Коррино.

Ничуть не удивившись, словно она объявила о прибытии партии товаров, один из стражников провел их вверх по кажущимся бесконечными белым мраморным ступеням.

У входа во дворец наперерез им бросилась долговязая сестра Доротея; выглядела она запыхавшейся. За ней спешили пять сестер, выпускницы школы, служившие при императорском дворе. Все они почтительно поклонились Преподобной Матери, даже сестра Перианна, назначенная личным секретарем жены Родерика Коррино; она оторвалась от своих обязанностей, чтобы встретить гостей.

Доротея отпустила стражника и повела Ракеллу и ее спутниц по длинным гулким коридорам.

– Прошу прощения, что не организовала более торжественный прием, Преподобная Мать. Мы не знали, когда точно вы прибудете.

– Неожиданности космических перелетов, – сказала Ракелла, держась так, словно это пустяки. – Космический флот «Венхолдз» очень надежен, но задержка была за пределами наших возможностей. Надеюсь, император Сальвадор не расстроился.

– Я изменила его расписание, – сказала Доротея. Она выросла на Россаке среди сестер ордена, не зная, что она внучка Ракеллы. – Он не заметит разницы, а Анна определенно не торопится улетать.

Ракелла позволила себе тепло, с гордостью сказать:

– Ты всегда была одной из самых компетентных сестер. Я чрезвычайно довольна твоей работой во дворце. – Она помолчала. – Думаю, ты приложила руку к выбору нашей школы для Анны Коррино?

– Я предложила это, – с легким поклоном ответила Доротея. – Спасибо, что лично были принять принцессу в послушницы. Этот поступок очень важен для ее семьи.

– Большая честь, что император доверяет ее нам. У школы появилось множество отделений, и он мог выбирать.

Доротея провела гостей в глубину огромного дворца.

– Мы с сестрами доказали свою ценность и подали хороший пример. Ввиду склонности Анны совершать непродуманные поступки, император хочет, чтобы она получила такую же подготовку, как мы. – Она оценивающе взглянула на Валию. – Я читала отчеты. Ты приняла на себя мои обязанности, помогая сестре Кери Маркес в фармакологических исследованиях?

– Да. У нас по-прежнему много работы. – Валия поклонилась, с трудом сдерживая волнение. – Но сейчас я благодарна за возможность увидеть столицу империи.

Доротея чуть улыбнулась.

– Значит, у нас много общего.

Ракелла вмешалась:

– Я уверена в сестре Вале. Она проявила себя многими способами. Сейчас я добавляю к списку ее обязанностей дружбу с Анной Коррино.

Глаза Вали ярко горели от возбуждения: она оказалась на Салусе Секундус. И Ракелла на мгновение задумалась, что для нее главное. Сдержанность Вали не показалась ей убедительной, когда та сказала:

– Я постараюсь, чтобы в трудное начальное время в ордене она чувствовала, что все принимают ее радушно.

– Вы с ней одних лет, и к тебе она может отнестись лучше. – Голос Доротеи звучал скептически; возможно, она видела в Вале свою соперницу. – Однако император просил меня сопровождать его сестру, чтобы у нее в незнакомом мире было хоть одно знакомое лицо. По приказу императора моя работа на Салусе Секундус закончена, я возвращаюсь на Россак.

Ракелла предпочла бы оставить Доротею во дворце, однако она не могла перечить императору Сальвадору.

– Хорошо, тогда ты сможешь вернуться к работе с сестрой Кери, а я дам сестре Вале новое назначение. Мне жаль терять тебя как нашу представительницу при императорском дворе, но здесь у нас уже есть четыре сестры.

Голоса в голове Ракеллы возбужденно шептали – мало кто из сестер так преуспел в обучении, как Доротея, или так готов к трансформации. Может, она станет следующей... Моя родная внучка! Но все сестры должны быть равны, а семейные связи скрыты.

Родив Доротею, дочь Ракеллы Арлетт отказалась расставаться с ребенком. Она хотела бросить орден и, забрав дочку, отправиться на поиски ее отца. Видя такую слабость в собственной дочери, Ракелла приняла важное решение, и ее поддержали все голоса из прошлого.

Преподобная Мать отправилась туда, где лежали в колыбелях новорожденные. Ракелла не мешкая сняла с младенцев бирки и поменяла детей местами, а всех их матерей, включая Арлетт, отправила набирать новых послушниц в школу ордена на Россак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.